

Политические проблемы современного общества

Саратов 2012

**Политические проблемы
современного общества**

Сборник научных статей кафедры политических наук

Выпуск 17

Издательский центр «Наука»

2012

2

УДК 32.01 (082)

ББК 66.3 я 43

П 50

П50 Политические проблемы современного общества: Сборник научных статей кафедры политических наук Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Саратов: Издательский центр «Наука», 2012 – Вып. 17. С. 108.

ISBN 978-5-91272-395-7

В 17 выпуск сборника научных трудов «Политические проблемы современного общества» вошли статьи, в которых отражаются результаты научного поиска преподавателей, аспирантов, соискателей, студентов, бакалавров и магистрантов кафедры политических наук университета и преподавателей других вузов. Научные исследования, посвящены как прикладным, так и теоретическим вопросам по наиболее актуальным проблемам современности.

Для политологов, социологов, юристов, экономистов, всех интересующихся политической ситуацией в современной России, а также проблемами современной политологии.

Редакционная коллегия:

**доктор политических наук, профессор А.А. Вилков,
доктор политических наук, профессор Н.И. Шестов,
доктор исторических наук, профессор Ю.П. Суслов.**

УДК 32.01(082)

ВБК 66.3 я 43

П50

Работа издана в авторской редакции

ISBN 976-5-9172-395-7

@Издательский центр
«Наука», 2012

Цикличность общественного развития и специфика политической модернизации в современной России

Первый шаг к пониманию циклического развития политики был сделан еще греческими мыслителями. Например, обоснование Аристотелем демократии как «неправильной» формы правления представляло собой алгоритм, своеобразный прообраз циклической политики: демократия как механизм прихода к власти демагогов, превращение демократии в охлократию, затем преобразование охлократии в тиранию, которая вызывает недовольство и борьбу против неё.

Средневековое понимание цикличности общественно-политического развития связано с именем арабского мыслителя Ибн Халдуна, который предложил свою циклическую модель исторического процесса. Суть её состоит в том, что в ходе повторяющихся циклов кочевые племена завоевывают оседлые богатые районы, расслабленные собственным богатством. Победители создают на завоеванных территориях новые государства. Затем постепенно происходит процесс их обогащения, расслабления и дегенерации. Далее появляются новые «дикие», «неразвращенные» сильные племена, в результате завоеваний которых к власти приходят новые династии. Фактически - это циклическая модель политического развития, построенная на периодическом чередовании племен разного типа и процессов насильственных завоеваний, в которую вплетены династии и их поколения¹.

Н.Макиавелли, рассматривая типы лидеров и элит и соответствующие стили лидерства, образно представил их в виде модели циклической смены лидеров-«львов» и лидеров-«лис». Данная модель отражает кругооборот общественной потребности в быстрых и решительных действиях элит в условиях внешней и внутренней конфронтации и потребности в гибком и компромиссном управлении в эпоху мирного развития государства.

Подобные представления о цикличности политического развития обществ носили преимущественно эвристический характер и основывались на аналогиях с цикличностью природных процессов. Научные обоснования цикличности общественного развития были предприняты, прежде всего, в области экономики.

Наиболее глубокая разработка концепции экономических циклов приходится на период между двумя мировыми войнами и связана в первую очередь с трудами ученика М.И. Туган-Барановского - выдающегося отечественного экономиста Н.Д. Кондратьева. Ученый впервые поставил

---

¹ См.: *Алексеев И.Л.* Возвращаясь к Ибн Халдуну // *Pax Isamica*. 2008. № 1. С.5-14.

проблему больших циклов экономической конъюнктуры в 1920-е гг. в целом ряде работ и публичных докладов². В них Н.Д. Кондратьев подкрепил гипотезу о существовании долговременных циклических колебаний обширным статистическим материалом, применив новые для того времени методы анализа временных рядов. Именно Кондратьеву принадлежит заслуга создания первой систематической концепции циклических колебаний экономики.

Длинные волны Кондратьева - одна из самых проблематичных тенденций колебательного движения экономики – имеют продолжительность 47-60 лет. Поскольку в экономической теории не существует единого и действительно неопровержимо доказанного определения причины длинных волн, С.Ю. Румянцева трактует их как периодическое убыстрение и замедление темпов экономического развития, образующее цикл продолжительностью в 60 лет.³ По её мнению, теория длинных волн с самого начала своего формирования в виде международной научной школы была ориентирована на исследование широкого набора взаимодействий между различными сферами эволюции человеческой цивилизации, включая технологическую, социальную, культурную, ресурсно-энергетическую, а также на использование кроссдисциплинарного методологического подхода⁴. Думается, что в современных условиях к ним можно добавить факторы развивающейся информационной революции и процессов глобализации, как в экономической сфере, так и во всех других областях общественных отношений.

В рамках нашего исследования важное значение имеют работы, посвященные месту и роли цикличности в историческом процессе. Циклический подход к анализу истории и общественного развития вполне заявил о себе в российской науке уже с XVIII века.⁵ Современные исследования дают возможность посмотреть на проблему цикличности взаимосвязи политики и экономики в более широком социальном контексте и выявить взаимозависимость и взаимообусловленность экономического, политического и социального развития, как в российской, так и в мировой истории в целом⁶.

---

² См.: *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002; *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989; *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. М., 1993.

³ См.: *Румянцева С.Ю.* Движущие силы длинных волн. Проблемы развития методологии Н.Д.Кондратьева // Вестник СПбГУ. 1998. Сер. 5. Вып.3; *Румянцева С.Ю.* Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. СПб., 2003.

⁴ *Румянцева С.Ю.* Теория длинных волн экономического развития: актуальные тенденции и междисциплинарные связи // Вестник СПбГУ. Сер.5. 2005. Вып. 3. С. 32.

⁵ См.: *Лимонов В.А.* Идея цикличности исторического процесса в трудах русских мыслителей XVIII - XIX вв. // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2 (15). С. 26-32.

⁶ См.: *Ахиезер А.С.* Между циклами мышления и циклами истории // Общественные науки и современность. 2002. № 3; *Васильева Н.И.* Циклы и ритмы в природе и обществе: моделирование природных периодических процессов. Таганрог, 1995; *Кузык Б.Н., Агеев А.И., Доброчеев А.И., Куроедов Б.В.* Ритмы российской истории: опыт многофакторного

По мнению ряда исследователей, циклическое видение социально-исторического процесса создает более адекватную научную картину прошлого, современного и даже будущего общественного развития. В то же время, циклическая модель открыта для междисциплинарного синтеза⁷. Как представляется, одним из перспективных направлений такого синтеза является факторный анализ различных политических циклов в их взаимосвязи с другими сферами общественного развития.

Особое значение и актуальность имеют работы, в которых исследуются проблемы соотношения понятий цикличности и модернизации российской экономики⁸. Об особой роли данной проблематики свидетельствует официально обозначенный Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым курс на модернизацию всех сфер общественных отношений и внесенный им пакет законопроектов по совершенствованию партийной и избирательной систем.

Проблеме цикличности политических реформ в истории России уделяют внимание многие российские исследователи, делая акцент, в первую очередь, на выяснении причин незавершенности модернизационных процессов, на взаимосвязи экономических и политических преобразований⁹.

Данный тип реформирования страны (исключительно «сверху»), по мнению Н.Я. Эйдельмана, утвердился в России, начиная с XIX века¹⁰. Главным в определении российской модернизации как «догоняющей» является, прежде всего, ее незавершенный, фрагментарный характер. Данная позиция характерна для большинства российских исследователей различных направлений.

Один из самых известных современных исследователей проблем цикличности российской истории Н.С. Розов, обобщив работы современных российских обществоведов, выделил два основных вида цикла в истории российской модернизации. В первом случае «циклически меняющаяся переменная агрегирует уровень военно-государственной и технологической

исследования. М., 2003; Кузык Б.Н., Агеев А.И., Доброчеев А.И., Куроедов Б.В., Мясоедов Б.А. Россия в пространстве и времени (история будущего). М., 2004; Пантин В.И. Волны и циклы социального развития. М., 2004.

⁷ Афонин Э.А., Бандурка А.М., Мартынов А.Ю. Великая коэволюция: Глобальные проблемы современности: историко-социологический анализ. Пер. с укр. Ж.Н. Маркус. К., 2003. С. 252.

⁸ Анимица Е.Г., Тертышный А.Т., Кочкина Е.М. Цикличность модернизации российской экономики. Екатеринбург, 1999; Асаул А.Н., Капаров Б.М., Перевазкин В.Б., Старовойтов М.К. Модернизация экономики на основе технологических инноваций. СПб., 2008; Логинов В.П. Современный кризис и модернизация производства // МИР: Модернизация. Инновации. Развитие. 2010. №1. С. 6-14; Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4-24.

⁹ См.: Циклы политического развития: прогностический потенциал (сборник статей) / Отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. М., 2010.

¹⁰ См.: Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.

мобилизации, геополитическое могущество и престиж при социальной стабильности и легитимности власти»¹¹.

Второй вид представляют краткие циклы реформ-контрреформ, в которых «циклически меняющаяся переменная агрегирует уровень реальной защиты политических и экономических свобод, уровень защиты собственности, уровень ограничения власти законами, уровень участия граждан в управлении. Соответственно, реформы понимаются автором как целенаправленные изменения по либерализации в политической, правовой, экономической и культурной сферах. Напротив, контрреформы – это целенаправленные изменения в направлении более авторитарной политики, огосударствления экономики, большего контроля над идеологией, религией и культурой».¹² На наш взгляд, схематическое сведение автором циклов модернизации до двух видов не просто редуцирует реальное историческое многообразие проводимых реформ, но и сводит на нет уникальность каждого процесса преобразований, проводимых в определенную историческую эпоху, под воздействием конкретной совокупности внутренних и внешних политических, социально-экономических и социокультурных факторов.

Фактически все исследователи цикличности развития России сходятся в том, что одним из важнейших вопросов является причинная взаимозависимость экономической и политической составляющей модернизации. По мнению Н.С. Розова, обоснованная еще К.Марксом схема каузальности «экономика→политика», вовсе не является единственной. «К изменениям в политических, административных и правовых структурах ведут также накопления в самой политической сфере (рост конфликтности в противостоящих кланах и партиях, поколенческая деградация элит и проч.), геополитической динамике (слишком грозными и агрессивными становятся соседи, усилившиеся провинции желают большей автономии или вовсе отделения), в геоэкономической динамике (страны и компании ядра мир-экономики захватывают монополию на внешнем рынке, резко ухудшив внешнеторговую конъюнктуру), в экосоциальной, демографической динамике (от засаливания почв до старения населения) и т. п. Существенные изменения в политике, администрировании, правовой системе («смена ландшафта») всегда меняют и характер, направленность экономических процессов («течения по новым руслам»). Иными словами, здесь уже имеет место причинность по схеме «политика→экономика».¹³

Нельзя не согласиться с этим утверждением, фактически подводящим к обоснованию необходимости использования многообразия научных подходов и парадигм в исследовании общественно-политических процессов.

---

¹¹ *Розов Н.С.* Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // *Полис.* 2006. №2. С. 74-89.

¹² Там же.

¹³ *Розов Н.С.* Раскрытие циклических механизмов и перспективы социально-политической динамики России // *Циклы политического развития: прогностический потенциал (сборник статей) / Отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин.* М., 2010. С. 58.

Однако, в других своих работах Н.С. Розов утверждает, что им разработана «универсальная модель» для анализа цикличности российской истории, которая «служит не только рамкой крупномасштабного осмысления процессов и явлений макроистории, но и «местом встречи», потенциальным инструментом синтеза весьма разнородных исследовательских подходов и парадигм».¹⁴

По его мнению, колея российских циклов во многом определяется тем, что «в силу особенностей отечественного менталитета и институтов при разобщенности и кризисе почти все стороны выбирают путь авторитарного принуждения как единственно возможный способ консолидации и восстановления порядка. Ввиду неразвитости иных форм поддержания ответственности и общенациональной солидарности при ослаблении принуждения вновь начинается социальная деградация, усиливается разобщенность и возникает кризис. Такого рода колебания способствуют еще большему закреплению упомянутых особенностей менталитета и институтов, упрочивают глубинные культурные архетипы, вследствие чего циклы повторяются. А историческая колея становится все глубже».¹⁵

Такая позиция характерна для многих российских исследователей, делающих акцент на азиатском способе производства, сущность эволюции которого определяется тем, что «смена циклов не предполагала обязательных прогрессивных изменений».¹⁶ В частности, С.Г. Кордонский утверждает, что в ходе смены поколений в России, «в каждом из них старческое ощущение «колеи истории» соседствует с инфантильным стремлением строить очередное «светлое будущее». Времена очередного «укрепления государственности» несут с собою жажду перемен, которая, в свою очередь, сменяется жаждой стабильности (в том числе защиты от воровства, бандитизма и произвола мелких начальников), возникающей во времена депрессий государства: оттепелей, перестроек, революций».¹⁷

По утверждению Н.С. Розова, главной причиной движения страны по «колее» является российский менталитет. Он предстает у автора, с одной стороны, весьма разнообразно выраженным «в нескольких группах габитусов», с другой стороны, имеющим единую глубинную основу – «специфические базовые фреймы и накатанные пути складывания из них мировоззренческих установок, что выражается в известных чертах российского национального характера». В результате «закономерности социальной и ментальной динамики, представленное изменчивое

---

¹⁴ *Розов Н.С.* Универсальная модель исторической динамики // История и современность. 2011. №1. С. 60.

¹⁵ *Розов Н.С.* Социальный механизм порождения российских циклов // Политика. 2010. № 3-4 (58-59). С. 284.

¹⁶ *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа экономического развития). Калининград, 2010. С. 58-59.

¹⁷ *Кордонский С.Г.* Ресурсное государство. М., 2007. С. 5.

разнообразии габитусов оказываются стержнем механизма, порождающего известные циклы истории России».¹⁸

Данный ментальный подход подвергается справедливой критике со стороны представителей исторической социологии. По мнению Б.Н. Миронова, «Н.С. Розов строит больше десятка разнообразных абстрактных моделей — общества, причин социально-исторических явлений, циклического механизма и т. п. — совершенно произвольно, опираясь на им же принятые аксиомы; вводит в модели по своему усмотрению и без обоснования переменные; так же произвольно устанавливает условия для работы моделей и субъективно, без опоры на факты, анализирует, как они работают при заданных им условиях; наконец, делает выводы, которые могут иметь значение только в пределах его аксиоматики».¹⁹

На наш взгляд, такой абстрактно-умозрительный подход характерен для многих сторонников понимания цикличности российских реформ в категориях их «абортности» и «отката». Суть такого подхода заключается в сравнении результатов реформ не с тем, что им предшествовало в данной стране, а с идеально-типическими кальками целей реформ, которые заимствуются из истории западных стран. Опасность данной позиции хорошо раскрыл Б.В. Межуев, рассматривая процессы модернизации в годы «перестройки» и постсоветской России. По его мнению, авторы акцент делают на определенной логике истории, обусловленной теоретическими изъянами господствующей модели «распространения демократии».²⁰

Более обоснованной видится точка зрения о том, что социокультурная эволюция общества подвержена воздействию множества объективных и субъективных факторов: «природный ландшафт, климат, земные недра, биоресурсы, равно как и тип экономики с ее продуктивной силой, форма государственного правления, социальная и демографическая структуры населения, наконец, менталитет народа и его исторический опыт определяют необычайно сложную динамику исторического процесса, уникальные судьбы стран и народов, у каждого из которых свой вектор движения в историческом времени. Но за огромным многообразием социальных событий, наличием специфических форм организации общественной жизни, за различными типами хозяйственной деятельности и конкретными мотивами принятия решений социальными субъектами все же просматриваются общие тенденции социокультурной эволюции социума».²¹

Как представляется, важнейшее значение для анализа современных процессов модернизации, является изучение взаимосвязи электоральных

---

¹⁸ *Розов Н.С.* Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // Идеи и идеалы. 2010. № 1 (3). Т.1. С. 78.

¹⁹ *Миронов Б.Н.* Логическая игрушка: фантазии на исторические темы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 4. Т.13. С. 72.

²⁰ *Межуев Б.В.* Перспективы политической модернизации в России // Полис. 2010. № 6. С. 6-7, 11.

²¹ *Бородич, А.А.* Социокультурная эволюция общества: ритмы, циклы, волны. Гродно, 2011. С. 197.

циклов и формирования государственной экономической политики. По мнению политологов, «воля» меньшинства и интересы большинства всегда формируют шкалу политического спектра в пространстве между либерализмом и социализмом, между правыми и левыми политическими силами. Обозначенные две социальные энергии (меньшинства и большинства), взаимодействуя друг с другом, порождают цикличность развития.²² Соответственно меняются и модели государственного регулирования цикличности.

По мнению исследователей, специфика модернизации в современной России обусловлена тем, что на первый план выходят «проблемы развития человека, инвестиций в человеческий капитал, повышения производительности труда. Обусловлено это тем, что главными конкурентными преимуществами современной высокоразвитой страны стали качество человеческого капитала и факторы, непосредственно обеспечивающие его повышение – образование, здравоохранение, жилье, инфраструктура, пенсионное обеспечение, воспроизводственный потенциал населения в количественном и качественном измерении».²³

По утверждению Э.С. Кульпина, у России нет иного выбора, поскольку в XXI в. четко обозначились три мир-системы. «Это - США, с их ныне недостижимым для других экономическим и научным потенциалом, Китай, громадное и политически эффективно организованное население которого позволило стране стать всемирной мастерской, и, наконец, объединенная Европа, сочетающая в себе достоинства США и Китая. Остальные страны находятся в процессе выбора своего места в каком-нибудь из трех миров. Исключение составляет Индия - претендент на формирование в будущем четвертого мира».²⁴

Таким образом, проведенный анализ различных трактовок цикличности общественного развития как фактора политической модернизации в современной России, позволяет констатировать доминирование двух основных позиций. Первая заключается в понимании цикличности развития России, как своеобразного алгоритма движения вдогонку за передовыми демократическими странами. В рамках данного подхода акцент делается на причинах неудач линейного вхождения России в семью европейских народов и, прежде всего на социокультурных, ментальных факторах её движения по «колее» «догоняющей модернизации».

В рамках второго подхода, акцент делается на необходимости понимания цикличности политического и социально-экономического развития, как нелинейного движения, в результате воздействия множества

---

²² Якунин В.И. Роль государства в преодолении кризисов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Политология. Экономика. Право. 2009. №3. Т.2. С. 19.

²³ Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Вып. 2 / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2009. С. 8.

²⁴ Кульпин Э.С. Альтернативы российской модернизации или реставрация: Мэйдзи по-русски // Полис. 2009. №5. С. 158.

внутренних и внешних факторов, который позволяет рассматривать и оценивать преобразования различных сфер общественной жизни в своей собственной системе координат, со своей внутренней точкой отсчета. В этом случае и скорость преобразований и их результаты будут оцениваться не на основании идеально-типических параметров либерально-демократической модели, а на основе соотнесения желаемого и реально возможного продвижения вперед по пути социального прогресса и социальной справедливости. При таком подходе явления застоя и регресса в российском общественном развитии возможно изучать в контексте выявления конкретной совокупности их внутренних причин и возможностей их устранения, без оглядки на заимствованные извне и не работающие в России идеально-типические схемы.

Вестов А.Ф.,
профессор
Луценко О.А.,
преподаватель НИСГУ
имени Н.Г.Чернышевского

К вопросу о понятии и содержании уголовной политики современной России

В политике государства выделяют два главных направления деятельности государственной власти – внутреннюю и внешнюю политику. Каждое из этих направлений имеет свои цели, задачи и приоритеты. Составной частью внутренней политики государства в сфере борьбы с преступностью является уголовная политика. В ней определяются главные принципы, стратегия, основные задачи, формы и методы контроля за преступностью.

Каждый этап развития современного российского государства вносил свои изменения в понятие содержания уголовной политики. Так в 20-е гг. XX в. основные вопросы уголовной политики сводились к «вопросам о целях уголовной репрессии, о критериях и методах определения рода и меры репрессии каждому конкретному осужденному»²⁵. К середине XX в. содержание уголовной политики стало определяться «реальным воплощением директивно-руководящих идей, установок и требований... в содержании и функциях уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства,... а также в применяемых ими стратегии, тактике, методах, способах и приемах борьбы с преступностью»²⁶.

К концу XX столетия одним из определений уголовной политики стало считаться «направление деятельности государства, осуществляемое на уровне политического руководства, управления, принятия и реализации

---

²⁵ Эстрин А.Я. Эволюция советской уголовной политики // Основы и задачи советской уголовной политики. М.-Л., 1992. С.3

²⁶ Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. М., 1979. С.7-9

конкретных решений и имеющее основным назначением определение и проведение в жизнь задач, форм и содержания целенаправленных мер борьбы с преступностью (воздействия на нее), организацию и обеспечение оптимального функционирования и развития этой системы на надлежащей идеологической, правовой, информационной, ресурсной базе и во взаимодействии с другими социальными системами»²⁷. В то же время целый ряд авторов считал, что уголовная политика это «генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений»²⁸.

Реалиям современного правового государства²⁹ в определенной степени отвечает определение, сформулированное И.Э. Звечаровским: «Уголовная политика - это выработанное государством и основанное на объективных законах развития общества направление деятельности специально уполномоченных на то государственных органов и организаций по охране прав и свобод человека и гражданина, общества и государства в целом от преступных посягательств путем применения наказания и других мер уголовно-правового характера к лицам, их совершившим, а также посредством предупреждения преступлений при помощи правового воспитания, угрозы применения уголовного наказания и мер профилактики индивидуального и специально-криминологического характера»³⁰. Только в её рамках возможно решение таких принципиальных проблем, как установление основания и принципов уголовной ответственности, определение круга преступных деяний и видов наказаний за них. Именно в рамках уголовной политики разрабатываются понятия преступного и наказуемого, определяются меры государственного принуждения в отношении лиц, совершивших то или иное опасное деяние, которые гарантировали бы реальную безопасность личности, общества и государства.

Наиболее кратким, лаконичным, содержащим указание на субъект уголовной политики и на объект воздействия, объединяющим в содержании все её направления, на наш взгляд, является определение, данное А.И. Зубковым и В.И. Зубковой. По их мнению, под уголовной политикой следует понимать политику государства в области укрепления правопорядка и противодействия преступности во всех её проявлениях, при этом они

---

²⁷ Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью). Баку, 1990. С. 124

²⁸ Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С.7

²⁹ См.: Вестов Ф.А. Правовое государство, власть и личность: историко-политический и правовой аспекты. Саратов, 2010

³⁰ Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 74

считают синонимами термины «уголовная политика» и «карательная политика»³¹.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в настоящее время в уголовно-правовой науке не существует единого понимания такого правового явления, как уголовная политика, каждое из имеющихся определений обладает своими достоинствами и недостатками. Это можно объяснить тем, что нет законодательного определения, что в свою очередь объясняется отсутствием, к сожалению, какого-либо нормативно-правового акта, определявшего основные направления деятельности государства в этой области.

Проблема содержания уголовной политики является фундаментальной в теории отраслевых наук антикриминального цикла, в первую очередь уголовного права и криминологии. Относительно её объема и содержания сегодня, как и раньше, существуют две основные позиции, связанные с пониманием уголовной политики. Первая была сформулирована А.А. Герцензоном, считавшим, что изучаемое понятие охватывает всё, что прямо или косвенно направлено на борьбу с преступностью. Трактую данное понятие уголовной политики, он включал в её сферу не только специальные меры (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические, исправительно-трудовые, криминалистические), но и меры чисто социального характера (экономические, идеологические, медицинские и т.д.)³². Сторонники другой точки зрения считают, что только специальные меры социального предупреждения преступности, основывающиеся на уголовном, уголовно-процессуальном и исправительно-трудовом законодательстве с привлечением данных науки, включая криминологию и криминалистику, составляют это понятие³³.

По мнению Б.В.Здравомыслова, содержанием уголовной политики является определение как стратегических, так и тактических задач применения уголовного законодательства, а также профилактики преступлений³⁴. Такое наполнение содержания уголовной политики свидетельствует об узком подходе к уголовной политике, к фактическому отождествлению уголовной политики с уголовно-правовой и криминологической политикой. Такого же мнения придерживается и В.С.Комиссаров, утверждающий, что уголовно-правовую политику следует именовать уголовной политикой, а уголовную политику – политикой борьбы с преступностью и считать при таком допущении уголовную политику

---

³¹ Зубков А.И., Зубкова В.И. Проблемы реформирования уголовной (карательной) политики на современном этапе // Журнал российского права. 2002. № 5. С.23

³² Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970. С. 179

³³ Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. N 7.

³⁴ См. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. Ред. Здравомыслов. Б.В. М., 1996

составной частью политики борьбы с преступностью³⁵. Возражая против такой позиции, необходимо указать, во-первых, что нет никакой необходимости в подмене привычных, устоявшихся терминов. Во-вторых, предлагаемая трактовка никоим образом не учитывает и не определяет место уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики, которое, согласно существующему в науке мнению, является частью уголовной политики³⁶.

В уголовно-исполнительном аспекте государственно-политическое воздействие состоит в установлении порядка и условий исполнения и отбывания тех или иных видов наказаний, в определении количества и объёма ограничений в правовом статусе осужденного.

Сфера исполнения наказаний в России до начала реформ характеризовалась исследователями как места дикого произвола, попрания человеческих прав осужденных, беспредельного подавления их достоинства и беспощадной эксплуатации их труда³⁷. Ни для кого не секрет, что в таких условиях тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.

Осознание неэффективности традиционных средств воздействия на преступность, более того - негативные последствия такого распространенного вида наказания, как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера.

При полном отказе от смертной казни лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении насильственных преступлений и только в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников. Это вполне продуманная политика, ибо «в результате этого не происходит стигматизация лиц, совершивших преступные деяния, как преступников. Смягчаются сложности ресоциализации преступников после их чрезмерной изоляции от общества и таким образом вносится значительный вклад в предупреждение рецидива»³⁸.

Поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от условий отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается по возможности достойный уровень существования заключенных (нормальное питание, санитарно-гигиенические и "жилищные" условия, медицинское

---

³⁵ См. Комиссаров В.С. Уголовная политика: перспективы и тенденции развития // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1992, № 3.С. 71.

³⁶ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С.13.

³⁷ См. Цветинович А.Л.. Тенденции уголовной политики: вчера, сегодня, завтра // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М, ИГПРАН, 1994. С.11-12.

³⁸ Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989. С.98, 176-177.

обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система пробаций (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от срока отбытия, поведения заключенного и т.п.

Направляя в тюрьмы все больше и больше людей, общество рано или поздно получает их «назад» - с «их» нравами, языком, образом жизни, впитавшими в себя «тюремную субкультуру»³⁹. Но тогда с обществом происходит то, что зарубежная криминология давно окрестила «призонизацией» («отюрьмовлением»; от англ. prison - тюрьма) повседневного быта, культуры, языка. Пенитенциарные учреждения наряду с безработицей, бездомностью, незанятостью подростков и молодежи множат ряды «исключенных» (exclusive) - основной социальный резерв преступности, пьянства, наркотизма, проституции, самоубийств.

Еще в 2002г. В.В. Путин, обращаясь к Федеральному Собранию РФ с ежегодным посланием, поставил задачу сокращения тюремного населения России, справедливо указав, что одной из причин неоправданно широкого применения наказания в виде лишения свободы является то, что суды недостаточно используют иные меры воздействия, предусмотренные УК РФ. Это в полной мере отвечает Минимальным стандартным правилам ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), и Европейским правилам общинных (альтернативных) санкций и мер. При этом часть альтернативных лишению свободы мер наказания пока еще не удалось ввести в действие, например арест, не существуют пока арестные дома, которые должны будут исполнять наказание в виде ареста. Развитие альтернатив тюремному заключению в настоящее время считается одним из важнейших приоритетов реформы пенитенциарной системы РФ

Таким образом, существующие в России проблемы в сфере отправления наказаний в виде лишения свободы в настоящее время имеют некоторые положительные результаты разрешения, однако много и нерешенных проблем. Гуманизация пенитенциарной системы сама по себе хороша, но сокращать количество «тюремного» населения следует, прежде всего, с использованием социальных регуляторов, которые позволят уменьшить уровень преступности. Кроме того, одним из путей могло бы стать активное становление и развитие восстановительного правосудия в России, поскольку это относится к уголовно-процессуальному направлению уголовной политики.

Решению проблем перевода российского уголовного процесса на принятые в правовых государствах стандарты, являющиеся частью уголовно-процессуального направления уголовной политики, служит Уголовно-процессуальный Кодекс РФ, вступивший в силу 1 июля 2002г. Новый кодекс создавался с учетом требований Конституции РФ о разделении властей,

---

³⁹ Калинин Ю.И.. Пенитенциарная система России: прошлое, настоящее, будущее // Лекция в Кингс Колледж Лондонского университета. Ноябрь, 2002г. С. 5.

самостоятельности судов и независимости судей и ратифицированных Россией международных актов. Законодатель постарался в нем реализовать такие важные институты, как защита прав и свобод гражданина, судебный контроль за законностью и обоснованностью решений и действий органов прокуратуры, следствия и дознания на стадии уголовного преследования, т.е. на смену уголовному судопроизводству как средству борьбы с преступностью приходит уголовное судопроизводство как система гарантий прав граждан: во-первых, тех, кто преследуется; во-вторых, чьи права и законные интересы нарушены; в-третьих, тех, кто в силу закона занимается уголовным преследованием, чьи права, обязанности и ответственность должны быть четко и без двойных трактовок определены в законе⁴⁰.

В конце XX века начинает формироваться новый взгляд на суд, судебную деятельность, судебную власть. Начинает разрабатываться и оформляться идея восстановительного или примирительного правосудия⁴¹.

Изначально система примирения начала использоваться в рамках гражданского судопроизводства. Это и понятно, данная сфера в большей степени обеспечивает сферу частных интересов. Уголовное судопроизводство было и остается сферой публичных интересов, возможность реализации указанной тенденции не слишком велика. Тем не менее, в последние более чем двадцать лет стали оформляться новая концепция и социальное движение, получившее уже указанное название – «восстановительное правосудие». Сегодня за этим термином стоят разные практические модели реагирования на преступления, объединенные общей идеологией: направленностью на исцеление жертв, ресоциализацию правонарушителей и восстановление сообществ.

Криминологическое направление уголовной политики включает в себя изучение причин преступности с учетом современного состояния экономических, социальных, политических отношений, нравственного состояния общества выработка мероприятий криминологической направленности по их устранению либо же сведению к минимальному негативному влиянию. В настоящее время весьма актуальными становятся исследования виктимологического («виктима» с латыни - жертва) характера, предполагающие определение и максимальное устранение роли потерпевшего в механизме преступного поведения.

Безусловно, центральное место в криминологическом направлении уголовной политики занимает разработка и реализация программы или системы по предупреждению преступности. Предупреждение преступности - многоуровневая система мер и осуществляющих их субъектов, направленная на: а) выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин

---

⁴⁰ Трунова Л. Современные аспекты применения мер пресечения в УПК Российской Федерации // Российский судья, 2002, № 9. С.9.

⁴¹ Концепция имеет много названий, среди них «репаративное» правосудие, «реституционное», «трансформационное», «неофициальное» правосудие, за каждым из этих названий можно увидеть разные акценты одной общей идеи.

преступности, отдельных её видов, а также способствующих им условий; б) выявление и устранение ситуаций на определенных территориях или в определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений; в) выявление в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижение этого риска; г) выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения преступлений, и оказание на них сдерживающего или корректирующего воздействия, а в случае необходимости - и на их ближайшее окружение.

Нормативным обеспечением криминологического направления уголовной политики и его центрального ядра - криминологической профилактики (или предупреждения)⁴² преступности, по мнению С.И. Герасимова, являются нормы Конституции РФ, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного, гражданского, семейного, земельного, финансового, трудового законодательства⁴³.

Б.В.Здравомыслов выделяет две основные тенденции уголовной политики на современном этапе. Одна из них состоит в последовательной, решительной и бескомпромиссной борьбе с наиболее тяжкими преступлениями, с организованной и профессиональной преступностью, в применении самых суровых мер наказания к лицам, совершившим опасные преступления, к особо опасным рецидивистам⁴⁴, к организаторам, руководителям и активным участникам преступных организованных формирований, мафиозных структур, к лицам, возглавляющим преступные группировки, занимающимся рэкетом, наркобизнесом, захватом заложников, заказными убийствами. Другая тенденция, в которой реализуется принцип гуманизма российского уголовного права, заключается в сужении сферы уголовной регуляции в отношении лиц, совершивших преступления, не представляющие повышенной опасности, в широком применении наказаний, не связанных с изоляцией от общества (обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, условное осуждение, отсрочки приговора и исполнения наказания, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или примирением сторон либо в связи с изменением обстановки, условно-досрочное освобождение от наказания, применение принудительных мер воспитательного характера и т.д.). Разумное сочетание обеих тенденций обеспечит действенную и законную борьбу с преступностью.

---

⁴² По мнению Г.М. Миньковского, эти термины являются синонимами и разводить криминологическую профилактику от криминологического предупреждения преступности нет никакого смысла. (см. Криминология. Под ред. Кудрявцева В.Н., Эминова В.Е.. М., 2000. С.282

⁴³ См. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 143-156.

⁴⁴ Следует отметить ошибку ученого, УК РФ 1996г. не знает такой категории как особо опасный рецидивист. Статья 18 дает понятие рецидива преступлений, определяет его виды.

Стратегию уголовно-правовой политики во многом определяют и социальные факторы. Успешное осуществление цели и задач, принципов и приоритетных направлений уголовно-правовой политики предполагает всесторонний учет комплекса социальных факторов, определяющих стратегию ее развития. Основными из них являются: социально-политические и социально-нравственные ценности; уровень общественного правосознания и правовой культуры населения; состояние и динамика преступности. Стратегия уголовно-правовой политики во многом зависит от уровня нравственного и правового сознания населения, от реальной политики государства в указанной сфере. Государство может декларировать, даже законодательно закреплять высокие нравственные и правовые принципы⁴⁵, но если оно в своей практической деятельности не реализует провозглашенные им социальные ценности, то это создает своеобразный духовный, нравственный вакуум, неизбежно заполняемый аморальными антисоциальными установками, правовым нигилизмом.

Вестов Ф.А.,
профессор НИСГУ
имени Н.Г.Чернышевского
Гормаш А.М. ,
докторант ВНИИ МВД России

Некоторые проблемы реализации политики правового государства в борьбе с преступностью в экономической сфере.

На стадии формирования рыночных отношений политика правового государства²⁵ направлена на поддержку конкуренции в экономике, в том числе и уголовно –правовыми средствами. Необходимо отметить, что каждое общество имеет ту преступность (совокупность преступлений), которая соответствует культуре данного общества, является ее элементом. Именно культура, в первую очередь, определяет способы разрешения конфликтных ситуаций. Более того, культурно обусловлены не только характер и способы совершения преступлений, но и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание²⁶.

Следует отметить, что круг деяний, признаваемых преступными, существенно отличается не только в разных странах, но и в разное время. То,

---

⁴⁵ См.: Вестов Ф.А., Тарасов И.П., Фаст О.Ф. Соотношение права и морали в правовом государстве и их реализация в принципах права. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2012

²⁵ Вестов Ф.А. Правовое государство, власть и личность: историко –политический и правовой аспекты; Саратов. Издательство «Саратовский историк», 2010 – 128с. , Вестов Ф.А., Петров Д.Е. Силовые структуры в политической жизни правового государства: власть и гражданский контроль. – Саратов: «Саратовский источник». 2011. – 248с.

²⁶ См.: Константинов А. Медиатор Нильс Кристи //Русский репортер. № 18 (196) от 11.05.2011.

что в одной стране является преступлением, в другой – таковым не признается, а то, что вчера еще было преступным, сегодня является правомерным. Примером тому, как раз служит признание законным осуществление предпринимательской деятельности в России (в том числе, скупка и перепродажа товаров (спекуляция) - ст. 154 УК РСФСР 1960г., с которой нещадно боролись).

Реформирование экономической системы нашего общества в начале 90-х годов прошлого столетия привело к признанию всех форм собственности и формированию рыночной экономики, с преобладанием в ней частно - предпринимательского способа хозяйствования, пришедшего на смену государственному. В советский период допускалось лишь занятие индивидуальной трудовой деятельностью в сфере кустарно-ремесленных промыслов, бытового обслуживания населения, сельского хозяйства, а также некоторыми другими видами деятельности, основанными исключительно на личном труде граждан и членов их семей. Такой подход был закреплен в Конституции СССР 1977 года и действовал вплоть до принятия Конституции РФ 1993 года, которая наряду с новым Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ), закрепляла положения, гарантирующие экономическую свободу и право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности²⁷.

Таким образом, предпринимательская деятельность и частная собственность сегодня являются теми базовыми институтами, на которых основывается экономика России. Однако масштабность экономических преобразований способствовала появлению множества правовых проблем, прежде всего потому, что возникли специфические правоотношения, требующие специального правового регулирования и адекватного понятийного аппарата, раскрывающего особенности тех или иных общественных явлений. В результате сформировались новые отрасли права, в том числе, предпринимательское право.

Хотелось бы отметить, что для характеристики частноправовых отношений используются в равной степени понятия «экономическая», «хозяйственная», «коммерческая» и «предпринимательская деятельность». Названные дефиниции вышли из границ собственно предпринимательского права и стали широко использоваться другими отраслями российского права (гражданским, уголовным, административным, финансовым и др.).

В то же время остается нераскрытым содержание названных понятий, а действующее российское законодательство и проводимые научные исследования не уделяют должного внимания этому вопросу, что приводит не только к определенной путанице, но и негативно отражается на правоприменении. Также нельзя не учитывать, что предпринимательская

---

²⁷ Официальный текст Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками от 30.12.2008 опубликован в изданиях: Российская газета. 21.01.2009. № 7;

деятельность неразрывно связана со всеми сферами жизнедеятельности общества, что, конечно, обуславливает её ценность и значимость, но, в то же время, предопределяет наличие многих негативных явлений при ее осуществлении, в том числе и криминального свойства.

Это в целом было учтено при разработке Уголовного Кодекса РФ 1996 года (далее – УК РФ)²⁸, который включил в себя раздел VIII, охватывающий посягательства на собственность (глава 21), преступления в сфере экономической деятельности (глава 22)²⁹ и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23). То есть был криминализован значительный круг деяний, посягающих на общественные отношения, складывающиеся в сфере экономики и вокруг нее. И если составы глав 21 и 23 УК РФ представляются более-менее логичными, то анализ главы 22 наводит на мысль, что законодатель, прогнозируя возможный рост «экономических» преступлений, слишком широко трактовал понятие «экономическая деятельность» и многие составы поместил туда неоправданно³⁰.

Интересным является и название раздела VIII УК РФ. В отличие от других разделов особенной части кодекса оно отражает не направленность преступных деяний, а только определяет их пределы. Это также говорит о слишком широком толковании законодателем родового объекта.

В результате, в рамках одной главы оказались составы преступлений, характеризующие «криминальные виды деятельности (ст. 175 УК РФ - Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, ст. 176 УК РФ - Незаконное получение кредита и другие составы), а также составы, предусматривающие ответственность для лиц, занимающихся правомерными видами предпринимательской деятельности, но нарушающими установленный порядок осуществления данной деятельности (ст. 171 УК РФ - Незаконное предпринимательство, ст. 172 УК РФ - Незаконная банковская деятельность)»³¹. Таким образом, в уголовном законе отождествляются понятия «экономическая» и «предпринимательская деятельность», тем самым стираются грани между предпринимательской и криминальной преступной экономической деятельностью, что, в свою очередь, затрудняет определение непосредственного объекта преступления в составах, закрепленных в главе 22 УК РФ.

Без сомнения, экономическая деятельность и деятельность предпринимательская очень близкие по своей природе понятия, однако, по

---

²⁸ Первоначальный текст Уголовного Кодекса Российской Федерации опубликован в изданиях: УК РФ //Российская газета.1996.»13,18 июня.

²⁹ Глава 22 УК РФ 1996 года содержит самое большое количество статей, объединенных одним общим и довольно широким по своему содержанию видовым объектом преступления - экономическая деятельность.

³⁰ В настоящее время возникла очевидная необходимость изменения конструкции 22 главы УК РФ, как не отвечающей реалиям сегодняшнего дня.

³¹ См.: Аистова Л.С. Незаконное предпринимательство. - СПб. Юридический центр «Пресс». 2002. С. 77.

нашему мнению, отождествлять их нельзя. Кроме того, предпринимательская деятельность является составной частью более широкой, охватывающей все стадии воспроизводства независимо от цели осуществления, экономической деятельности³². Следовательно, уяснение содержания этих и других, используемых в законодательстве понятий, помимо теоретического и научного аспекта, носит и прикладной характер.

Вместе с тем, прогнозируемый рост преступлений в сфере экономики, который предвидел законодатель, продолжается и в настоящее время. Так, если в 1998 году было выявлено 24865 преступлений экономической направленности³³, в 2000 году – 51585 преступлений³⁴, то в 2009 году уже 82911³⁵, а только за период с января по март 2012 года - 68964³⁶.

Приведенные статистические данные с наглядностью показывают, что действие норм УК РФ в рассматриваемой нами сфере за пятнадцатилетний период его функционирования оказались малоэффективным, обнажились существенные изъяны, которые негативно влияют на предупреждение «экономической» преступности. Кроме того, и это, на наш взгляд, является немаловажным, статистические данные не достаточно точны, так как указанные выше преступления именуется как «преступления экономической направленности» (хотя такой дефиниции УК не содержит), что не позволяет точно определить количество тех или иных преступлений, совершаемых в сфере экономики, в том числе и в предпринимательской деятельности, и делает невозможным правильно оценить криминогенную ситуацию, а также дать прогноз ее развития, даже на ближайшее время. А ведь из «голых» цифр статистики складываются показатели, на основании которых строится система профилактики тех или иных преступлений и формируются правовые основы борьбы с преступностью.

Нельзя забывать и о большой латентности таких преступлений³⁷, вообще не отображающихся в данных статистики, хотя в общей картине преступности их также необходимо учитывать. В этой связи интересным является зарубежный опыт европейских стран, где латентная преступность тоже велика, и составляет не менее 40%. Но там стараются фиксировать все преступления и фактические, и учтенные, поэтому по многим показателям

---

³² Сравнительный анализ понятий «экономическая деятельность», «предпринимательская деятельность», «хозяйственная деятельность», «коммерческая деятельность», «инвестиционная деятельность» и др. будет проведен нами далее.

³³ См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 1998 год. –М.: ГИЦ МВД РФ. 1999. С. 7.

³⁴ См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2000 года. –М.: ГИЦ МВД РФ. 2001. С. 49.

³⁵ См.: Состояние преступности в России за 2009 год. –М.: ГИАЦ МВД РФ. 2010. С. 28.

³⁶ См.: Состояние преступности в России за январь-март 2012 года. –М.: ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ. 2012. С. 28.

³⁷ По разным данным число латентных преступлений в сфере экономической, в том числе и предпринимательской деятельности, достигает 50%.

уровень преступности является достаточно высоким. Однако для сдерживания преступных проявлений в цивилизованных странах принимаются меры постоянной объективизации криминогенной обстановки, а в целях изучения латентности системно исследуется виктимизация граждан. Например, в Великобритании, кроме ежегодно издаваемых сборников учтенной преступности, производятся опросы населения по программе Британского обзора преступности (The British Crime Survey – BCS). В результате этих опросов оказалось, что фактическая преступность почти в 4 раза больше учтенной³⁸.

Для выработки эффективных, научно-обоснованных и рациональных методов борьбы с преступностью, как общеуголовной, так и в сфере предпринимательской деятельности, необходимо не только знать ее истинные масштабы, но и проводить фундаментальное изучение и обобщение социальных последствий преступности, ее влияние на криминогенность общества, а также проводить систематический анализ уголовного законодательства.

Преступность в сфере предпринимательской деятельности – явление, которое, скорее, можно отнести к периферийной, постоянно меняющейся части преступности. Это следует из того, что изменение, например, экономической политики государства, появление ранее неизвестных областей знаний или новых отраслей хозяйства может привести к закреплению в особенной части Уголовного кодекса незнакомых ранее преступлений или, напротив, удаление уже не являющихся таковыми. Вместе с тем, «всегда сохраняется группа деяний (убийства, кражи, изнасилования, разбои и некоторые другие), которые во всех обществах признаются преступлениями – это и есть ядро преступности»³⁹.

Становление нынешнего предпринимательства в Российской Федерации происходило в сложных экономических и правовых условиях, когда массив законодательства базировался на понимании экономики, как плановой, основанной исключительно на государственной собственности и защищаемой государством от участия в ней частной собственности, в том числе путем прямого уголовного преследования. Даже после того, как государство на законодательном уровне признало право частной собственности, включая право вести на ее основе предпринимательскую деятельность, общая идея «криминальности» частного бизнеса продолжила (и до сих пор продолжает) свое существование, как в государственном сознании, так и в сознании обычных граждан.

Эти процессы обусловили возникновение в России такого явления, как искусственная криминализация бизнеса, когда обычные для рыночной

---

³⁸ См.: Лунеев В.В. О научной базе российского законодательства // Четвертые Кудрявцевские чтения. [НТТР://www.crimpravo.ru/blog/1008.html](http://www.crimpravo.ru/blog/1008.html). Дата обращения. 17.05.2011.

³⁹ Антонян Ю.М. Понятие преступности, ее вечность // Преступность и общество. М; ВНИИ МВД России. 2005, С. 10-11.

экономики отношения в сфере предпринимательской деятельности объявляются незаконными и влекут уголовную ответственность, как основанную на действующем законодательстве, так и не основанную на нем, но применяемую путем расширительного толкования уголовной нормы.

В идеале уголовное право, как один из механизмов воздействия на общественные отношения, и способ реализации политики государства в области экономики, должно содержать четкие параметры такого вмешательства в вопросы формирования и функционирования рынка. Запрещение уголовным законом определенных деяний должно создавать условия не только для контроля ситуации, но и для оказания помощи добросовестным участникам предпринимательской деятельности путем воздействия на недобросовестных. В реальности же, существующая система уголовно-правовых мер не просто охраняет отношения в этой сфере, но и активно их регулирует.

Таким образом, можно говорить о наличии межотраслевой коллизии, когда деяние, рассматриваемое в уголовном праве в качестве преступления, с точки зрения гражданского права является легальным гражданским правоотношением. Бывают случаи, когда предпринимательская деятельность объявляется преступной вопреки подтвердившим ее законный характер и вступившим в силу решениям в рамках арбитражного или гражданского судопроизводства. Подобная искусственная криминализация в действительности гражданско-правовых, а не уголовно-правовых отношений способна ограничить возможности гражданско-правовых способов защиты нарушенных прав. Кроме того, излишняя криминализация предпринимательской деятельности порождает коррупцию, которая является средством для осуществления рейдерских захватов и разложения государственного аппарата.

Одной из существующих тяжелейших проблем является негласная обязанность потенциального предпринимателя, как только он пытается создать юридическое лицо, платить разного рода чиновникам из стартового капитала. В результате, в стране, например, не может развиваться жилищное строительство, потому что закончились площадки советского времени, которые были хоть как-то оборудованы: вода, канализация, электричество.

Общепризнанно, что сложившаяся в стране ситуация во многих случаях делает законопослушную предпринимательскую деятельность весьма затруднительной, а в ряде случаев и практически невозможной. Опросы предпринимателей в различных регионах страны раз за разом показывают, что большинство респондентов считают в существующих условиях невозможным успешное ведение бизнеса без нарушений законодательства⁴⁰.

Этим во многом обусловлено и расширение криминального насилия в отношении указанной категории лиц. Учитывая масштабы теневой составляющей, доходы от которой частично присваиваются организованной

---

⁴⁰ См.: Кому на Руси жить хорошо? Коммерсант. 2010. № 5764. 23.сентября.

преступностью, очевидно, что бизнес, в том числе малый, является одним из стабильных источников её финансирования. Немаловажным фактором является и то, что боязнь возможной расправы, причинения более крупного ущерба удерживает многих предпринимателей от обращения к государственным органам о защите даже при наличии очевидных угроз их безопасности.

Закономерно, что и в международных рейтингах индексы деловой и инвестиционной привлекательности России в подавляющем большинстве случаев только ухудшаются. Особое значение для объективного анализа ситуации, складывающейся в корпоративной среде нашей страны, имеют опросы предпринимателей и многочисленные весьма авторитетные рейтинги такие, в частности, как: Индекс качества и эффективности государственной власти (Freedom House, с 1997 года), Индекс верховенства закона (Институт Всемирного банка, с 1996 года), Индекс эффективности работы правительства (Институт Всемирного банка, с 1996 года), Индекс восприятия коррупции (Transparency International, с 1995 года), Индекс открытости госслужб и управления госсобственностью (Center for Public Integrity, с 2003 года), Индекс развития антикоррупционных механизмов и верховенства закона (Center for Public Integrity, с 2003 года), Индекс непрозрачности (Kutzman Group, с 2001 года), Индекс непрозрачности законодательства (Kutzman Group, с 2001 года), Индекс непрозрачности госрегулирования бизнеса (Kutzman Group, с 2001 года), Индекс экономической свободы (Heritage Foundation, с 1995 года), Индекс роли государства в экономике (Heritage Foundation, с 1995 года), Индекс инвестиционного климата и ограничения прав иностранных инвесторов (Heritage Foundation, с 1995 года), Индекс свободы предпринимательства (Heritage Foundation, с 1995 года), Индекс защищенности прав собственности (Heritage Foundation, с 1995 года), и другие.

Общие условия ведения предпринимательской деятельности в стране таковы, что участник экономических отношений опасается государства больше, чем самой агрессивной конкуренции на рынке. Практикуется инициирование уголовного преследования в отношении представителей бизнеса всех размеров и видов деятельности. Предпринимательские риски в России являются крайне высокими, несоизмеримыми с бизнес-рисками большинства стран с развитой и развивающейся экономикой.

В последние годы искусственная криминализация бизнеса в России по своему характеру и масштабам сложилась в явление, которое в силу своей системности стало восприниматься участниками экономических отношений как инструмент государственного управления экономикой. Это явление стало представлять собой систему отношений, которая пронизывает все структуры нашего государства и общества, парализуя эффективное развитие частных компаний, подрывая конкурентоспособность отечественной экономики. Вмести с тем, причины этого нужно искать в форсированных темпах

разгосударствления, приватизации и скоротечной либерализации экономической деятельности⁴¹.

В настоящее время наблюдается законодательная «зарегулированность» предпринимательской деятельности, в том числе множественностью бесконечных проверок, по результатам которых бизнесмен почти всегда неправ, потому что законами установлена односторонняя ответственность перед государством, но не самого государства. Более того, государство вопреки конституционному принципу свободы предпринимательской деятельности, способно подавить любую активность граждан, стремящихся к предпринимательской деятельности. У предпринимателей появился страх заниматься бизнесом.

К числу основных недостатков действующего российского уголовного законодательства в части охраны предпринимательской деятельности относятся следующие:

1. Нарушение уголовно-правовыми нормами об экономических преступлениях норм Конституции Российской Федерации, в частности, норм о свободе экономической деятельности, о равенстве всех перед судом и законом и др.

2. Противоречие в ряде случаев российского уголовного экономического законодательства международно-правовым соглашениям, подписанным и ратифицированным Россией.

3. Несогласованность уголовного законодательства в сфере предпринимательской деятельности с гражданским, а также банковским, таможенным, валютным, налоговым законодательством.

4. Внутренняя противоречивость российского уголовного законодательства, в том числе и в сфере предпринимательской деятельности.

5. Широкая криминализация тех деяний, которые являют собой результаты правомерного рискованного поведения, направленного на извлечение прибыли, и, как следствие, вполне возможная реальность привлечения к уголовной ответственности практически за любое поведение в экономической деятельности и др.

Нельзя забывать, что в России существует важная проблема ментального характера. К сожалению, цивилизованный бизнес у нас по-прежнему многими воспринимается не как основа экономики, прогресса и богатства страны, а как некий объект для «экспроприации», пусть не в буквальном, а видоизмененном, современном виде. Как показывают опросы, власть рассматривает бизнес как «источник дополнительного заработка», а открыть и содержать бизнес в нашей стране совсем не просто. И это при том, что в большинстве стран предпринимательство всячески поощряется.

Повышение степени экономической свободы, развитие конкуренции, повышение эффективности государства, улучшение инвестиционного климата, оптимизация налогов, ужесточение финансовой дисциплины в

---

⁴¹ См.: Плешаков В.А. Причинно-следственные связи и социальная база преступности // Преступность и общество. М; ВНИИ МВД России, 2005. С.18.

бюджетной сфере – и необходимость в ужесточении преследования предпринимателей в форме уголовного наказания может оказаться невостребованной. Государство обязано заняться созданием наилучших условий для предпринимательства и инвестиций. Безусловно, оно не должно терять контроль над бизнесом. Но ему не стоит также заниматься излишним вмешательством в процесс принятия частных коммерческих решений, а напротив, помогать, упрощать и делать доступным этот процесс.

Ограниченная рамками несовершенного уголовного законодательства предпринимательская инициатива ведет к тяжелым экономическим последствиям, таким как:

- достаточно низкая конкурентоспособность национальной экономики, вызванная отсталостью технологической базы большинства отраслей, ее высокая энергоемкость и ресурсоемкость;
- высокий уровень морального и материального износа объектов инфраструктуры;
- ухудшение состояния научно-технического потенциала страны, утрата престижности интеллектуального труда;
- вытеснение отечественных товаропроизводителей зарубежными компаниями с внутреннего рынка и сдерживание их выхода на внешние рынки;
- высокий уровень регионального и отраслевого лоббизма при принятии управленческих решений;
- низкая инвестиционная привлекательность;
- отсутствие новых рабочих мест или сокращение существующих, смена профиля деятельности предприятий;
- решение краткосрочных экономических задач в ущерб долгосрочным, оказание предпочтения текущим расходам в ущерб капитальным;
- низкая финансовая и договорная дисциплина участников рыночных отношений;
- управление экономикой с помощью её криминализации и коррупции, т.е. сращивания бюрократии и бизнеса;
- массовое сокрытие доходов и уклонение от уплаты налогов;
- ограничение притока иностранного капитала и отток отечественного за границу и др.

В результате происходит накопление долговременных разрушительных тенденций в условиях воспроизводства ключевых элементов хозяйственной системы и под воздействием государства, бесосновательно относящего предпринимательскую деятельность к сфере криминальных деяний, возникает модель экономики, при которой значительная часть ресурсов вкладывается не в функционирование и развитие бизнеса как такового, а расходуется на устранение рисков реального правопорядка, содержащего в качестве неизбежной составляющей необоснованную уголовную репрессию в отношении лиц, использующих свою частную собственность для ведения

предпринимательской деятельности. Очевидно, что борьба с экономическими преступлениями, в том числе и в сфере предпринимательской деятельности, должна быть направлена на обеспечение эффективного и правомерного функционирования бизнеса, а не на уничтожение его, выбивая наиболее активную часть населения из экономической жизни.

Предпринимательство – это особый вид деятельности, неизбежно связанный взаимоотношениями с государственными органами. Без предпринимательской свободы, чувства коммерческого риска действия предпринимателя становятся примитивными и, в конечном счете, неконкурентными. Поэтому нужны чрезвычайно тонкие правовые инструменты, чтобы отделить здоровое и совершенно нормальное стремление к повышению эффективности предпринимательской деятельности от попыток обойти закон ради создания привилегированных условий для своего бизнеса, и тем самым подорвать равные конкурентные условия на рынке.

Кроме того, серьезное опасение вызывает масштабность уголовного преследования бизнеса, даже несмотря на значительные различия в привлечении и осуждении за совершение преступлений. Очень тревожным фактором является и само это различие, которое свидетельствует, что в целом ряде случаев уголовные дела против представителей бизнес-сообщества возбуждаются с осознанием невозможности судебной перспективы, с единственной целью ограничить его экономическую свободу.

Большой разрыв между выявленными нарушителями и привлеченными к уголовной ответственности применительно к отдельным преступлениям может означать и высокий риск коррупционных отношений в этой сфере. Многие дела просто «не доводятся» до суда по убедительным «просьбам» заинтересованных лиц, либо их вообще не планировалось доводить до судебного процесса. Для рейдерского захвата, получения доступа к коммерческой тайне достаточно, зачастую, самого факта возбуждения уголовного дела.

При этом следует иметь в виду, что в 2011 году Верховный суд РФ рассмотрел более одного миллиона уголовных дел в отношении почти полутора миллионов человек, среди которых было немало тех, кто подвергся преследованию по делам, которые формально не относятся к так называемым экономическим, но само их возбуждение стало прямым следствием конкретных экономических интересов. Чаще всего для «давления» на несговорчивых предпринимателей применяется ст. 159 УК РФ «Мошенничество», по которой ежегодно в России осуждается в среднем 25 000 человек⁴².

Кроме того, принимая во внимание сложности в выявлении, раскрытии, расследовании «экономических» преступлений, в том числе, и в сфере

---

⁴² См.: Новые статьи за мошенничество. //Российская правовая газета. 2012. № 14 (717).

предпринимательской деятельности, а также трудности квалификации, нельзя не констатировать, что идет существенная перегрузка правоохранительной и судебной системы. Эффективность такой работы низка. Какими бы не были причины низкой эффективности применения тех или иных уголовно-правовых норм, решать вопрос о реформировании соответствующих сфер уголовного законодательства и практики его применения все равно придется. Исправить существующее положение не удастся даже Верховному Суду РФ – его разъяснения, даваемые в рамках постановлений Пленума, не только не всегда способны исправить сложившуюся негативную практику, но иногда, к сожалению, лишь усугубляют ситуацию. Поэтому более эффективным, надежным и соответствующим демократическим традициям методом выглядит реформа уголовного законодательства, что поставит заслон nepозволительному расширительному толкованию (на грани с аналогией) положений закона, позволит законному бизнесу не бояться использования Уголовного кодекса для оказания давления на него.

Необходимо отметить, что в настоящее время ведутся острые дискуссии относительно необходимости кардинальных изменений уголовного закона, в том числе и его самой большой 22 главы. Вместе с тем, необходимо четко представлять себе экономические последствия реформирования уголовного законодательства, то, какой экономический эффект могут иметь предлагаемые изменения и дополнения уголовного закона в названной сфере. Кроме того, эффективное правовое регулирование экономической деятельности требует согласованности предписаний множества нормативных актов различных отраслей права, а также норм самого УК РФ. Такая постановка вопроса означает не просто внесение очередных предложений по совершенствованию законодательства, а предполагает рассмотрение новых аспектов развития уголовного права.

Также вместе с уголовным, системного реформирования требует уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. Сверх этого, необходимо совершенствование административного законодательства, законодательства, регламентирующего порядок проведения проверок предпринимательства, законодательства о борьбе с коррупцией. Важным является приведение законодательства в соответствии с международными договорами и прогрессивной зарубежной практикой.

Реформирование законодательства, направленного на создание правовых условий для роста предпринимательской активности населения, предполагает выявление многочисленных прямых и обратных связей между этими явлениями. Поэтому экономическая оценка недостатков российского законодательства должна носить комплексный характер, включая в себя анализ разнообразных прямых и косвенных экономических эффектов.

Сложившиеся социально-экономические отношения свидетельствуют о том, что политика реформирования уголовного законодательства в сфере экономики не просто важна, а жизненно необходима для успешного развития

предпринимательской и иной экономической деятельности в нашей стране. Это понимает и сам законодатель, который за все время действия УК РФ 1996 г. неоднократно вносил в него поправки. Кардинальным изменениям подвергся, в частности, VIII раздел, посвященный преступлениям в сфере экономики (более 300 изменений и дополнений) и особенно входящая в него 22 глава «Преступления в сфере экономической деятельности». На апрель 2012 года только глава 22 содержит 41 статью (глава увеличилась на 12 составов), тогда как глава 21 – 10 статей, а глава 23 – всего 4.

Такая несоразмерность распределения преступных деяний и явная перегруженность главы 22 свидетельствует о том, что она нуждается в пересмотре. Тенденция к внесению в главу, направленную на охрану экономической деятельности, все новых и новых статей предопределяет размытое понимание сущности экономической преступности. А ведь эти изменения не существуют в отрыве от всего законодательства и, соответственно, каждая новая поправка так или иначе воздействует на другие отрасли права и регулирующие их законы и подзаконные акты, поэтому важность принятия взвешенных решений в области законотворчества трудно переоценить. Более того, опасность отдельных поправок уголовного закона заключается и в том, что они по большей части лишь усугубляют недостатки и изъяны уголовно-правового регулирования, а не решают проблему в комплексе.

Кроме того, реформированию должна подвергнуться не только одна глава, но и весь раздел VIII, так как в него не вошли должностные преступления (злоупотребления, взяточничество и др.), компьютерные преступления корыстной мотивации, преступления, связанные с посягательством на интеллектуальную собственность и авторские права, а также ряд других статей, традиционно относящихся к экономическим. С другой стороны, не все преступления, на наш взгляд, включенные в этот раздел, относятся напрямую к экономическим (преступления, связанные с прямым посягательством на собственность (кража, грабеж, разбой, уничтожение или повреждение имущества), а также иные преступления против собственности, не связанные с экономической деятельностью).

Головченко В.И.,
профессор,

Головченко А.В.
доцент НИСГУ

имени Н.Г.Чернышевского

Преемственность и инновации идеологического основания партии «Правое дело»

В истории партогенеза в постсоветской России вряд ли можно найти партию, которая так же часто меняла название, стремясь одновременно к сохранению преемственности с предшествующими партиями, как

сегодняшняя партия «Правое дело»: право-либеральный избирательный блок «Выбор России», учрежденный 15-17 октября 1993 года (на базе движения «Демократическая Россия») – «Демократический выбор России» (1994-2001 гг.) – избирательный блок «Союз Правых Сил» (1999-2007 гг.) – партия «Правое дело» (2008 г.⁴⁶ – по настоящее время).

Интересна динамика рейтинга данной партии на выборах в Государственную Думу: в 1993 г. «Выбор России» – 15,51%; в 1995 г. «Демократический выбор России – объединенные демократы» - 3,86%; в 1999 г. Союз Правых Сил - 8,52%. Это был последний успех либеральных партий на выборах в Государственную Думу. Прохождение СПС в значительной степени было обусловлено их достаточно очевидной поддержкой В.В. Путина, который в этот период стремительно набирал политический рейтинг. Однако уже на выборах 2003 г. Союз Правых Сил получил всего 3,97%, в 2007 г. – 0,96%. На выборах в Государственную Думу в декабре 2011 г. партия «Правое дело» набрала всего 0,6% голосов избирателей.

Для анализа идеологической преемственности партии Правое дело со своими политическими предшественниками ограничимся в рамках данной статьи программными документами Союза Правых Сил. Основным методологическим инструментарием анализа выступает контент-анализ данных документов.

Прежде всего, заслуживает внимание «Российский либеральный манифест», датированный 2001 г.⁴⁷ Данный документ пронизан духом либерализма, а сам этот термин встречается в нем 49 раз. Либеральные ценности объявляются авторами манифеста практически единственным средством спасения человечества в XXI веке. Здесь же приводится экскурс в историю отечественной политической мысли – к Сперанскому и Чичерину, чьими идейными наследниками и объявляет себя СПС. При этом признается тот факт, что либеральное правительство 1990-х гг. достигло серьезных успехов по реформированию России. Далее перечисляются основные, по мнению авторов Манифеста, проблемы государства и общества, именуемые «вызовами» времени и дается либеральная версия решения этих проблем.

Безусловный интерес представляет документ, который носит название «Либеральное послание»⁴⁸. Примечательно, что, несмотря на название, здесь концепт «либерализма» употребляется всего единожды, но зато в предельно

---

⁴⁶ Партия «Правое дело» оформилась в 2008 г., но название отражает преемственность с предшественниками. 10 декабря 1998 г. для участия в выборах была создана коалиция «Правое дело», в которую вошли около 30 организаций. В 1999 г. коалиция вошла в избирательный блок Союза правых сил.

⁴⁷ См.: Российский либеральный манифест. 14 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sps.ru/?id=214522&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>. Дата обращения:

⁴⁸ См.: Гозман Л., Дондурей Д., Драгунский Д., Колесников А. Либеральное послание. 07 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sps.ru/?id=42074>. Дата обращения:

лобовой форме как синоним цивилизованности: «Цивилизованность - это либеральная рыночная экономика, которая наиболее эффективно обеспечивает динамичное накопление и справедливое распределение национального богатства»⁴⁹.

В предвыборной программе СПС, с которой партия шла на парламентские выборы 2003 года, понятие «либерализм» в разных видах встречается девять раз⁵⁰. Прежде всего в программе заявляется объединительная роль либерализма, его полезность и выгодность всем гражданам России: «Демократия, реформы и либерализм выгодны каждому гражданину нашей страны»⁵¹. Более принципиальной, на наш взгляд, программной позицией, которая отличает данную программу от других текстов СПС, является попытка конструирования различных либеральных терминов, в частности появился концепт «либеральный патриотизм»: «Либеральный патриотизм – патриотизм деятельный: мы выстраиваем страну, которая стоит того, чтобы здесь жить, работать и растить детей»⁵². В основном же в этой программе либерализм используется для характеристики предлагаемых экономических преобразований, направленных на смягчение государственного бюрократизма и преодоление административных барьеров.

Еще одним официальным текстом является программа партии «Горизонт 2007-2017. Вернуть России будущее»⁵³. В данном документе термин «либерализм» встречается 14 раз. Причем, и это разительно отличает СПС от «Яблока», термина «либерализм» не только не стесняются, его активно пропагандируют в данной программе.

В частности, либерализм рассматривается как залог успешного прогрессивного развития России: «Цель либеральных реформ - это богатая, процветающая, динамично развивающаяся, комфортная для жизни, мирная и безопасная Россия, где государство – на службе общества и каждого гражданина, где главная ценность – человек».⁵⁴ В программе признается дискредитированность демократических и либеральных идей, однако, партия не только не намерена от них отказываться или каким-то образом их камуфлировать, напротив, декларируется, что нынешний экономический рост – производное от непопулярных либеральных реформ 1990-х годов: «Так случилось, что в тяжелый для страны период экономического и политического кризиса, когда либералы проводили трудные и непопулярные

---

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См.: Предвыборная программа Политической партии «Союз Правых Сил». Принята на Съезде СПС 8 сентября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sps.ru/?id=205834>. Дата обращения:

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ См.: Горизонт 2007-2017. Вернуть России будущее. Программа политической партии «Союз Правых Сил» на 10 лет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sps.ru/?id=219334&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>. Дата обращения:

⁵⁴ Там же.

реформы, в дальнейшем ставшие основой для нынешнего экономического роста, демократические ценности утратили былую популярность», но «нам предстоит длительная и тяжелая борьба за либеральные и демократические ценности, за утверждение свободы и прав человека в России».⁵⁵ При этом в программе нашлось немало места для критики Президента Путина и проводимой им линии за отказ от либеральных реформ, что ведет, по мнению авторов документа, к сужению сферы свободы в России.

Сравнивая программные документы СПС и других представителей отечественного правого движения, можно отметить, что в отличие, например, от партии «Яблоко» Союз правых сил не только никогда не скрывал и не маскировал свою либеральную направленность, но и всячески ее подчеркивал и пропагандировал. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что СПС довольно четко определился с той идеологической нишей нашего политического пространства, в которой намерен действовать, в то время как у «Яблока» имелись (и имеются) серьезные трудности в такой самоидентификации. В то же время, можно наблюдать, что у обеих партий с течением времени происходит ослабление либеральной риторики в программных документах, но у «Яблока» эта тенденция особенно отчетлива, в последних текстах либерализм либо исчезает полностью, либо признается его дискредитированность и выдвигается необходимость его реформирования (*здесь нужна сноска либо на программные документы партии «Яблоко», либо на исследования автора, посвященные данной проблеме*).

Свободе, которая является фундаментальной ценностью классического либерализма, посвящено довольно большое место в программных документах «Союза Правых Сил». Как показал анализ, в них довольно четко прописаны основные опорные точки свободы в обществе: богатство, собственность и ответственность. Связь свободы и богатством обозначена чрезвычайно прямолинейно и не оставляет места для каких-либо двояких толкований: «Свободна та страна, которая богата. Свобода отдельного человека - в его собственности, достатке, способности заплатить за достойное жилище, одежду, питание, транспорт, образование, отдых, медицинское обслуживание свое и своих близких, а также накопить на безбедную старость, на помощь другим. Свободе бедняков - грош цена в самом прямом смысле слова»⁵⁶. В этом же ключе сформулировано соотношение собственности и свободы: «свобода без собственности бесплодна, собственность без свободы неэффективна»⁵⁷. Свобода, вместе с тем, предполагает и ответственность человека за свою жизнь, за

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Гозман Л., Дондурей Д., Драгунский Д., Колесников А. Либеральное послание. 07 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sps.ru/?id=42074>. Дата обращения:

⁵⁷ Российский либеральный манифест. 14 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sps.ru/?id=214522&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc3098785_92a7. Дата обращения:

благополучие его семьи, ответственность за свой город, регион, страну в целом. Таким образом, свобода, с точки зрения Союза Правых Сил, является фундаментальной либеральной ценностью, без которой невозможен общественный прогресс и поступательное движение вперед.

Кроме того, свобода носит, по мнению идеологов СПС, одновременно и глубоко персонифицированный, личный и общенациональный характер. Персонифицированный характер свободы проявляется в установке, согласно которой личный успех основывается на личной свободе: «Я - свободный человек. Это значит, что я принадлежу, прежде всего, самому себе. Я никогда не буду принимать на себя никаких обязательств, которые противоречат моим убеждениям и жизненным целям. Жизнь, в том числе, моя неповторимая жизнь, имеет ясный смысл. Это строительство достойного будущего для себя, для моих близких, а значит - для моей страны. Залогом успеха на этом пути является моя личная свобода - политическая, экономическая, духовная»⁵⁸.

Общенациональный смысл свободы прослеживается через понятие патриотизма. При этом патриотизм в толковании СПС должен стать ответом на вызов великодержавия, для преодоления которого необходимо сформировать новый образ российского государства и российского патриотизма, основанный на либеральных ценностях⁵⁹. Признается, что свобода является объединяющей политической идеей, которая цементирует данное политическое направление, что разительно отличает СПС от их политических оппонентов, для которых свобода не является высшей ценностью: «Идея, которая нас объединяет – свобода. Свобода, гарантированная демократией и нашей ответственностью»⁶⁰.

Еще одной серьезнейшей проблемой, которую в программных документах СПС оценивали в контексте либерализма – это концептуализация особой роли государства в процессе создания основ демократического порядка в постсоветском обществе. «Классическая» схема предполагает, что деятельность государства должна быть ограничена конкретными целями и не может простираться за установленные рамки. Действительно, при наличии сложившегося гражданского общества, усвоившего заданные правила игры, имеющего развитые и осознанные интересы, государство действительно может ограничить свою деятельность четким перечнем определившихся с течением времени задач, и выход за эти границы воспринимается обществом как посягательство на права частных

---

⁵⁸ Гозман Л., Дондурей Д., Драгунский Д., Колесников А. Либеральное послание. 07 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sps.ru/?id=42074>. Дата обращения:

⁵⁹ Российский либеральный манифест. 14 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sps.ru/?id=214522&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc3098785_92a7. Дата обращения:

⁶⁰ Горизонт 2007-2017. Вернуть России будущее. Программа политической партии «Союз Правых Сил» на 10 лет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sps.ru/?id=219334&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>. Дата обращения:

лиц: «Либерал вполне ясно понимает, что без помощи принуждения существование общества будет в опасности и за правилами поведения, соблюдение которых необходимо для обеспечения мирного сотрудничества, должна стоять угроза силы, иначе всей системе общества будет постоянно угрожать произвол любого из его членов. Нужно иметь возможность принудить человека, который не уважает жизнь, здоровье, личную свободу или частную собственность других, следовать правилам жизни в обществе. Вот та функция, которую либеральная доктрина возлагает на государство: защита собственности, свободы и мира»⁶¹.

В обществе, члены которого стремятся достичь максимально возможной свободы выбора, либералы-классики предписывают государству всего лишь четыре обязанности. Первые две - защита членов общества от принуждения, как со стороны своих сограждан, так и извне. Если мы не защищены от принуждения, мы не обладаем действительной свободой выбора: «Когда вооруженный грабитель обращается ко мне со словами «кошелек или жизнь», он предоставляет мне своеобразный выбор, но нельзя сказать, что этот выбор свободный или что последующий «обмен» является добровольным»⁶². Две другие обязанности приводят к наиболее трудным проблемам, ибо при определенной интерпретации они могут стать оправданием безграничного расширения власти государства. Речь идет об обязанностях государства, во-первых, содержать некоторые общественные учреждения, прибыль от которых никогда не сможет окупить затраты какого-либо отдельного лица, хотя они смогут легко окупиться в масштабе большого общества, и, во-вторых, защищать интересы тех членов общества, которые сами не в состоянии отвечать за свои действия.⁶³ Либералы-классики считают, что современные правительства сплошь и рядом превышают свои полномочия под предлогом выполнения этих обязанностей.

Новый, или социальный, либерализм отличает, прежде всего, признание позитивной роли государства в экономической и социальной жизни, - разумеется, только в том случае, если государственное регулирование способствует реализации либеральных ценностей, защите прав и свобод человека. Другая отличительная черта - отказ от изначального равнодушия к социальной сфере. Новые либералы считают, что государственное вмешательство (в экономику и в неэкономическую жизнь, включая помощь малоимущим) позволяет сгладить социальные конфликты и защитить капиталистическое общество конца XX века от потрясений. В то время как стремление решить экономические проблемы без учета социального компонента представляет собой не социальный либерализм, а социальный дарвинизм. Социальный либерализм больше тяготеет к позитивной трактовке свободы, его лозунгом могли бы стать слова Л.Рутье:

---

⁶¹ Мизес Л. Либерализм в классической традиции // Вся политика. М., 2006.

⁶² Там же.

⁶³ См.: Шабанова М.А. Социология свободы: Трансформирующееся общество. М., 1997.

«Либерализм настоящий не позволяет использовать свободу для того, чтобы ее уничтожить»⁶⁴.

Таким образом, одной из главных тем во всяком политико-идеологическом тексте выступает проблема роли государства. В сущности, от того под каким углом зрения рассматривается эта проблема, как оценивается нынешнее и желаемое государство зависит вся идеологическая направленность политического движения. Сказанное в полной мере справедливо и для либерализма.

Союз Правых Сил вполне в духе классического либерализма выступает за резкое и решительное сокращение государственного присутствия в общественной жизни. Избыток государства назван партией одной из главных проблем российского общества, это так называемый «вызов всевластного государства». Серьезным препятствием на пути распространения либеральных ценностей и либеральных решений, стоящих перед Россией проблем, являются, по мнению СПС, последствия «холопского» отношения к государству. Указывается, что почти весь XX век россияне прожили под властью самовластного государства, и привычка возлагать на него ответственность за все происходящее в жизни, не только страшиться его, но и ожидать от него всевозможных благ, глубоко укоренилась в широких слоях населения. Иждивенчество, гражданская пассивность, покорное принятие любых действий властей предрешающих, постоянное искушение «сильной руки» - таков социально-психологический фон посттоталитарного общества, с точки зрения идеологов СПС. Возможность отката к режиму всевластного государства все еще остается реальной угрозой дальнейшему демократическому развитию России, становлению ее как действительно открытого гражданского общества.

Эффективным решением этой проблемы Союз Правых Сил считает воспитание нового демократического гражданского сознания, основанного на понимании государства как важной и далеко не единственной функции самого общества, как инструмента для решения осознанных обществом проблем. Государство с четко очерченными функциями должно стать подлинно правовым и обеспечить права и свободы граждан⁶⁵.

Главной трудностью на пути реализации указанных целей в отношении государства является закоренелая психологическая традиция видеть в государстве нечто большее, чем организацию, созданную самими гражданами. «Главное условие для создания новой России – это осознание того, что государство существует для человека, а не человек для государства»⁶⁶. Тесно связана с этой проблемой проблема всевластия

⁶⁴ См.: *Гаджиев К.С.* Введение в политическую науку. М., 1997. С. 392-394; *Либерализм в России.* М., 1996. С.71.

⁶⁵ См.: Российский либеральный манифест. 14 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sps.ru/?id=214522&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>. Дата обращения:

⁶⁶ Горизонт 2007-2017. Вернуть России будущее. Программа политической партии «Союз Правых Сил» на 10 лет. [Электронный ресурс]. URL:

бюрократии, которая фактически приватизировала государство в своих интересах, включая важнейшие органы власти, в том числе и парламент. Бюрократия замкнулась на самосохранении самой себя и препятствует реформированию коррумпированного государственного аппарата⁶⁷.

Таким образом, можно констатировать, что позиция СПС по отношению к государству в большей степени соответствует классическим либеральным воззрениям. В то же время, нужно отметить, что позиции партии в этом вопросе довольно ситуативны и корректируются с учетом политического момента, что позволяет их идеологам одновременно находить в одном и том же государственном механизме как положительные, так и отрицательные стороны.

Партия «Правое дело», оформившись в 2008 г., как и её предшественницы вновь открыто заявила, что «объединяет сторонников праволиберальной идеологии, приоритета прав человека, рыночной экономики и политической демократии⁶⁸». В качестве девиза партия провозгласила лозунг «Свобода, инициативность, ответственность, развитие». Своей опорой партия видит самостоятельных свободных граждан, отказавшихся от патерналистского взгляда на государство, верящих в свои силы и готовых приложить свою энергию и творческий потенциал для развития и обновления России⁶⁹.

В своей программе лидеры заявили, что «Правое дело» – это демократическая либеральная партия, ставящая своей целью превращение России в современную страну, в которой обеспечена комфортная, безопасная и достойная жизнь человека: «Мы исходим из того, что главное достояние нашей страны – это таланты и трудолюбие ее граждан, а главная задача государства – создание условий для всестороннего развития личности и свободной реализации способностей каждого россиянина, соблюдения его прав, повышения уровня благосостояния».⁷⁰

Также заявлено, что партия выступает за то, чтобы государственная власть в России была подотчетна и подконтрольна народу, за отмену всех ограничений свободы слова и собраний, общественных, профессиональных и политических объединений, за полную свободу ненасильственного выражения любых политических и религиозных убеждений. Отдельно отмечалось, что партия выступает за создание в России необходимых условий для межнационального и межконфессионального мира, за построение светского государства и формирование российской гражданской

<http://www.sps.ru/?id=219334&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>. Дата обращения:

⁶⁷ См.: Там же.

⁶⁸ См.: официальный сайт партии «Правое дело». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoedelo.ru/party/about>. Дата обращения:

⁶⁹ См.: официальный сайт партии «Правое дело». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoedelo.ru/publications/uchreditelnyi-sezd-pd-161108>. Дата обращения:

⁷⁰ См.: программа партии «Правое дело». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoedelo.ru/party/program>. Дата обращения:

нации, против любой дискриминации по этническому, национальному и религиозному признакам.

Подчеркивалось, что партию «Правое дело», как и большинство граждан России, заботит равнодушие нынешней власти к проблемам граждан, произвол бюрократии, чудовищная коррупция, а также нарастающее социальное расслоение общества на фоне сохраняющегося высокого уровня бедности, что становится источником социального напряжения.

В программе высказывалась озабоченность низкой продолжительностью жизни и высокой смертностью населения, что во многом, по мнению авторов документа, связано с:

- крайне низким уровнем услуг так называемой бесплатной медицины, его резкой дифференциацией по регионам, а также зависимостью от места работы граждан;

- деградацией среды обитания, ее неприспособленностью для жизни, очевидной при сравнении с другими странами;

- недостижением нормального соотношения заработной платы и пенсий, приводящим к отсутствию достойного уровня жизни многих пенсионеров;

- ухудшением качества человеческого капитала, массовым отъездом людей особенно в трудоспособном возрасте за рубеж;

- низким уровнем безопасности жизни простых граждан;

- нарастанием межнациональных и иных социальных конфликтов;

- ухудшающимся психологическим климатом в обществе, ростом недоверия к власти и разочарованием в ней, усиливающейся политической апатией граждан;

- ограничением политического плюрализма вследствие искусственной ликвидации большинства политических партий и повышенной сложности создания и регистрации новых, отсутствием реальной политической конкуренции, свертыванием свободы слова и фактическим возвратом к политической цензуре и манипулированию общественным сознанием;

- отсутствием диалога общества и власти, фактическим ограничением конституционного права граждан на митинги, демонстрации, собрания; свертыванием свободных выборов.

В целом, анализ программных и агитационно-пропагандистских материалов партии в период предвыборной кампании в Государственную Думу 2011 г. позволяет констатировать, что соотношение преемственности и инновационности в агитационно-рекламной работе и формируемом имидже партии «Правое дело» оказалось не в пользу последней. Партия продолжала восприниматься как преемница СПС и предшествующего либерально-радикального крыла российской партийной системы. У большинства населения сохранялось негативное отношение к данному идеологическому спектру, вызванное последствиями реформ 1990-х гг., проводимых под

лозунгами либеральных преобразований. Кроме того, значимым фактором, сказавшимся на низком результате праводелов на выборах в Государственную Думу (0,6%), стал конфликт с М.Д. Прохоровым, после которого руководителем партии был избран адвокат А. Дунаев.

Тем не менее, с учетом последних изменений в партийной системе современной России, можно говорить об определенных потенциальных возможностях партии на перспективу. Партия уже на 2011 г. состояла из 78 региональных отделений, в состав которых входили местные и первичные организации. В законодательных органах государственной власти и представительных органах местного самоуправления субъектов Российской Федерации от партии работали: 12 депутатов законодательных органов власти субъектов РФ; 364 депутата представительных органов местного самоуправления; 9 избранных глав муниципальных образований. Представители партии «Правое дело» занимали руководящие должности в органах государственной власти субъектов Российской Федерации и в муниципальных органах власти⁷¹. По сути, это было самое значительное представительство из всех трех непарламентских партий.

Относительный успех М.Д. Прохорова на президентских выборах 2012 г. свидетельствует о том, что праволиберальные идеи в совокупности с личностным потенциалом нового лидера вполне могут быть востребованы значительной частью российского общества и прежде всего среди молодежи. Поэтому перспектива укрепления позиций праволиберального крыла в первую очередь зависит (как и прежде) от преодоления лидерских амбиций и конфликтов его представителей и объединения всех разношерстных организаций данного направления вокруг харизматичного руководителя, который сможет сместить акценты с преемственности на инновационные предложения новой партии.

В.И. Дорофеев,
профессор НИСГУ
имени Н.Г.Чернышевского

Экстремизм молодежи в современной России: мифы и реальность

Прошедшее первое десятилетие и начало второго десятилетия XXI века убедительно демонстрируют сложность и противоречивость явлений и процессов, происходящих в современном мире, вызывая чувство напряженности и тревоги его населения. Одна из причин этого – очередной глобальный финансово-экономический кризис, поразивший такие страны Евросоюза как Греция, Италия, Португалия. Не все ладится в этом отношении и в самой богатой стране мира – США. О надвигавшемся кризисе в високосном, 2012, году и нелегких его последствиях для нашей страны со

---

⁷¹ См.: официальный сайт партии «Правое дело». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoedelo.ru/party/about>. Дата обращения:

всей озабоченностью заговорили руководители и ведущие экономисты России. Все это является лучшим подтверждением правоты суждения К.Маркса, считавшего экономические кризисы «родимым пятном капитализма».⁷²

Мировой исторический опыт свидетельствует, что в периоды кризисов страдают почти все слои общества. В частности, в Соединенных Штатах Америки 1929-1931 гг. многие профессора были согласны простой штыковой лопатой рыть любую траншею с тем лишь условием, чтобы к вечеру принести в семью хотя бы десяток картофелин. Но больше всего, как известно, в подобные периоды, в силу объективных причин (отсутствие должного уровня профессионализма, производственного опыта, низкие стартовые материальные возможности и другие факторы) страдает молодежь.

Между тем, сама жизнь показывает, что забвение молодежных проблем, недооценка социального статуса молодежи чревата своими негативными факторами и, прежде всего тем, что молодежь обладает рядом специфических характеристик. Среди них – склонность к коллективным, активным формам действия, высокий протестный потенциал, отсутствие социального опыта. К тому же, как справедливо замечают Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, становление субъектности молодежи в процессе реализации ею основных социальных функций – воспроизводственной и инновационной, сопряжено с преодолением как внутренних, так и внешних противоречий.⁷³

В стремлении обрести самостоятельность и независимость от взрослых молодым людям, особенно подросткам, приходится преодолевать внутренние противоречия, являющиеся порождением амбивалентных проявлений (застенчивость и агрессивность, открытость и замкнутость, нигилизм и фанатизм). Внешние противоречия возникают на стыке взаимодействия молодежи с обществом, при столкновении с его жесткими требованиями. На групповом и индивидуально-личностном уровне это нередко проявляется в дискриминации молодежи по возрастному признаку, в нарушении ее прав по целому ряду позиций общественной жизни.

Молодежь – становящийся субъект общественного воспроизводства, поэтому ее социальное положение характеризуется неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций. Последнее затрудняет отождествление себя с ингруппами и аутгруппами, порождает противоречие в самосознании между «мы» и «они», что в свою очередь выливается в экстремальность сознания и поведения. В молодежной, особенно подростковой, среде деление на «своих» и «чужих» происходит по иным, чем у взрослых основаниям. Большое значение в этом играют субкультурные факторы. Принадлежность к той или иной субкультуре сопровождается противостоянием традиционной культуре, эпатажем ее образцов и носителей. Не важно, живут ли в другом дворе,

---

⁷² См.: Маркс К. Капитал. Соч. Т. 25. Ч. II; Т. 26. Ч. III. М., год издания, страницы

⁷³ См.: Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социс. 2008. № 5. С. 37.

приехали ли из другого города, имеют ли другую национальность, веру, внешность. Поэтому социокультурные особенности среды общения являются значимым фактором формирования экстремального типа сознания молодежи.

В сочетании с низкой политической культурой общества в целом это создает опасность нигилизма во взглядах и экстремизма в действиях. Отказ молодежи от старой системы ценностей, от традиционных моделей поведения, идеалов предыдущих поколений может послужить катализатором нынешней кризисной ситуации и тем самым еще больше обострить ее.

Молодежь – самая большая социальная общность нашего государства. Молодые люди в возрасте 14-30 лет (именно эти рамки приняты большинством социологов при определении названной когорты населения) по данным переписи 2010 г. составляют порядка 26% населения Российской Федерации, или 37 млн. 155 тыс. человек.⁷⁴ Из 2,5 млн. жителей, проживающих в Саратовской области по состоянию на декабрь 2011 г., 631,4 тыс. были молодыми людьми указанного возраста.⁷⁵

Отсутствовавший в СССР экстремизм вообще, в том числе, и среди молодежи, он весьма зримо заявил о себе в постсоветской России, обусловил необходимость рассмотрения названного феномена со стороны политологов, юристов, социологов, политических и общественных деятелей и даже принятие 25 июля 2002 года специального Федерального Закона №114 «О противодействии экстремистской деятельности» с последующим его редактированием в 2006, 2007 и 2008 годах.

Экстремизм, читаем мы в БСЭ, (французское *extremisme*, от латинского *extremus* – крайний), приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике).⁷⁶ Однако, источники которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что экстремизм, особенно политический, относится к таким сложным общественным явлениям, при оценке которых возникают противоречивые мнения. Даже среди юристов, способных находить, по крайней мере, инструментальные определения подобных явлений, пока нет единства взглядов в отношении дефиниции «политический экстремизм». По мнению специалистов, можно говорить как минимум о пяти наиболее известных альтернативных подходов к этому вопросу.⁷⁷

Следует подчеркнуть, что при всех различиях в подходах к определению политического экстремизма, существенное сходство заметно в оценке его разновидностей – этнополитического экстремизма. Принятый закон «О противодействии экстремистской деятельности», другие альтернативные законопроекты, которые выносились на обсуждение, сходятся в том, что относят к понятию экстремизма деятельность

---

⁷⁴ См.: результаты переписи населения – 2010. [Электронный ресурс]. URL: www.perepis-2010.ru. Дата обращения: 26.01.2012.

⁷⁵ Статистические данные см: [Электронный ресурс]. URL: www.srtv.dks.ru/digital/region1/DocLib. Дата обращения: 30.01.2012.

⁷⁶ БСЭ. Третье издание. Т. 30. М., С. 19.

⁷⁷ *Верховский А.* Радикализм. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать. М., 2002.

организаций, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на возбуждение социальной, расовой, национальной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, а также воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации.⁷⁸

Анализ литературы по рассматриваемой проблеме дает нам основание утверждать, что по поводу экстремизма молодежи в России существуют различные, порой прямо противоположные точки зрения. Л.Д. Гудков, к примеру, считает, что в современной России комплекс обид растет очень сильно. Но, по его мнению, он не становится социально окрашенным, а принимает форму национальных обид, чувства притеснения со стороны других этнически чужих, национальных противников и врагов. И тогда возникают мифы: о «засилии» черных, азербайджанцев, цыган и других.⁷⁹

Некоторые исследователи, и, в частности, А.Тарасов, полагают недопустимым говорить о том, что российская молодежь в большинстве своем настроена против лиц других национальностей.⁸⁰ По их мнению, имеют место попытки отдельных случаев психической неуравновешенности и национальной нетерпимости выдать за постоянную и целенаправленную деятельность или, проще говоря, наблюдается тенденция абсолютизации и мифологизации реалий.

Небезынтересна и такая точка зрения, авторы которой считают, что в последние десять лет в России наблюдался процесс, «который нельзя назвать иначе, как реабилитация фашизма. И этой реабилитацией занимались как раз те, кто сегодня громче всех кричит о «фашистской опасности» – либералы и либеральные средства массовой информации. Они так увлеченно боролись с «красной опасностью», что не заметили, как сами, собственными руками создали моду на фашизм».⁸¹

Как бы то ни было, но экстремизм обнаруживает себя во всех сферах активности постсоветской молодежи. Со всей очевидной условностью его конкретные проявления Ю.А. Зубок и В.И. Чупров типологизируют по таким важнейшим сферам жизнедеятельности как: бытовая, социально-протестная,

---

⁷⁸ См.: федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. (в ред. от 29.04.2008 № 54-ФЗ).

⁷⁹ Гудков Л.Д. О развитии русского национализма. Стенограмма Круглого стола на тему: «Русский вопрос в России» в Фонде «Либеральная миссия». Москва. 4 ноября 2002 года. *Нужно указать источник*

⁸⁰ Тарасов А. О бритоголовой опасности. М., 2002.

⁸¹ Левада Ю.А. Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы. М., 2002.

политическая, религиозная и национально-этническая. На основе данных конкретных социологических исследований, проведенных отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2006 г. (выборка составила 2 тыс. человек в возрасте 14-29 лет), авторы приводят, на наш взгляд, весьма интересные показатели отношения молодых людей к тем или иным явлениям и процессам современной российской действительности. В частности, в отношении к богатым экстремальные настроения в разной степени (от ненависти до неприязни) выказывали 22,8% респондентов, при этом высокий уровень неприязни 6,1% из них.⁸²

Полагаем, знай эти молодые люди, что олигархи Российской Федерации контролируют 75% валового внутреннего продукта, а всего лишь 200-300 семей владеют 60% общенациональной собственности⁸³; знай они, что согласно данным налоговых органов Великобритании только в Лондоне 300 тыс. наших соотечественников приобрели недвижимость стоимостью от 1 млн. фунтов стерлингов и дороже⁸⁴, то приведенные показатели ненависти к богатым были бы значительно выше.

Или такой пример: в отношении к чиновникам и бюрократам экстремальные настроения в разной степени выразили 42% респондентов. Причем высокий уровень нетерпимости к ним проявили 11%.⁸⁵ Но вот что интересно. Если в начале 1990-х гг. согласно средствам массовой информации 75% старшеклассников хотели в будущем стать предпринимателями, то ныне столько же процентов старшеклассников хотят быть чиновниками. Видимо, выпускникам школ и гимназий известно, что шансы взяточника, чем страдает немало число российских чиновников, подвергнуться уголовному наказанию составляет, по данным газеты «Коммерсантъ», 0,0013%.⁸⁶

В плане интересующей нас проблемы важное значение имеют аспекты политического участия молодежи, того самого участия, которое, в силу тех или иных причин, приобретает форму политического экстремизма. Политическое участие молодежи характеризуется проявлением политической активности, воли, интереса, организаторских способностей; обладанием общественно-политическими знаниями в разрешении политических задач, конфликтов, в поддержании политической системы, ее преобразовании, совершенствовании (или даже разрушении). Как показывает практика, политическое участие молодежи отличается радикализмом, нетерпением, неустойчивостью, противоречивостью, а потому нуждается в корректировке со стороны государства, партий, общества.

Политическое участие постсоветской молодежи характеризуется рядом особенностей, а именно: разворачивается в новых исторических условиях;

---

⁸² Зубок Ю.А., Чупров В.И. Указ. соч. С. 42.

⁸³ Чарушиников В. Виртуальное общество // Молодая гвардия. 2011. № 5-6. С. 90, 91.

⁸⁴ См.: Молодая гвардия. 2009. № 9. С. 134.

⁸⁵ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Указ. соч. С. 42.

⁸⁶ См.: Коммерсантъ. 2006. 31 октября.

заимствует формы (и прежде всего протестные) зарубежного демократического общества; инициируется либо политическими партиями, либо государственными и региональными властными структурами, попадая вследствие этого в зависимость от них. К числу особенностей, на наш взгляд, следует также отнести слабость молодежного движения, размытость интересов, амбициозность молодежных политических лидеров и одновременно отсутствие у многих из них харизмы, невысокий уровень политической культуры молодых людей. Так, согласно нашим исследованиям⁸⁷, на вопрос: «Как Вы сами оцениваете уровень своих политических знаний, своей политической культуры?» только 13,8% из числа опрошенных молодых людей города Саратова считали, что их уровень достаточно высокий. Зато 20% отметили, что их политических знаний «крайне недостаточно», чтобы правильно оценить российскую и международную действительность.

Политическое участие молодежи в современных условиях обусловлено сложной функциональной взаимозависимостью объективных и субъективных факторов, которые во многом определяют спонтанный характер политической экстремальности молодых людей. Мировой политической опыт свидетельствует о том, что неприкаянность молодого поколения, в том числе политическая, весьма опасна для любого общества, тем более, в условиях его реформирования и модернизации. В этой связи нелишне подчеркнуть, что еще Аристотель говорил об обязанности законодателей отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, предупреждая, что в противном случае сам государственный строй потерпит серьезный ущерб.

Беда, как нам представляется, в том, что законодательная, да и другие ветви власти постсоветской России явно недостаточно уделяют внимания таким насущным проблемам молодых людей, как их образование, трудоустройство, быт, отдых. Не очень-то большую озабоченность, о чем свидетельствует действительность последних лет, проявляют власти о том, чтобы все большее число юношей и девушек вовлекать в непосредственное управление обществом. Для сравнения: накануне так называемой перестройки (1984 г.) среди депутатов Верховного Совета СССР (высшего представительного органа власти страны) 22% составляли те, кому не перевалило за тридцать лет.⁸⁸ Тогда как среди депутатов Государственной Думы Российской Федерации нынешнего созыва таких людей только 4,7%.⁸⁹ Не очень много их почему-то и в субъектах федерации. В частности, из 35 депутатов Саратовской областной Думы (выборы 4 декабря 2011 г.) только

---

⁸⁷ Исследования проводились в 2009 г. в рамках программы «Дискуссионное пространство Саратовской области». Методом анонимного анкетирования было опрошено порядка 1000 молодых людей.

⁸⁸ Молодежь СССР. Статистический сборник. М., 1990. С. 157.

⁸⁹ См.: [Электронный ресурс]. URL: www.duma.gov.ru/structure/deputies. Дата обращения: 02.02.2012.

двое могут похвастаться тем, что им нет еще и тридцати лет от роду.⁹⁰ А отсюда и такое отношение молодых людей к выборам в представительные органы власти. В той же Саратовской области на выборах депутатов Государственной Думы РФ пятого созыва (2 декабря 2007 г.) в голосовании приняло участие чуть больше половины (55%) молодых избирателей (18-30 лет). А по Заводскому и Фрунзенскому районам города Саратова соответственно менее чем один из трех (29,2%).⁹¹

Молодежный экстремизм в политической жизни, как было сказано выше, обусловлен совокупностью многих факторов, среди которых не последним, если не первым является недоверие молодых людей к действующим в стране институтам власти, общественным организациям. «Никому не доверяю» отмечал почти каждый третий опрошенный нами молодой избиратель Саратовской области во время выборных кампаний в Государственную Думу 2007 г. и Президента страны 2008 г.⁹² Мало что изменилось в смысле доверия к властям, особенно к итогам выборов, и в последние годы. По данным ВЦИОМ по состоянию на июнь 2011 г. в результаты выборов верили 39% россиян, не верили 61%.⁹³ Ну, а результаты выборов в Государственную Думу Российской Федерации, прошедших 4 декабря 2011 г., можно сказать, взорвали все общество. На улицы городов страны вышли не десятки, а сотни тысяч возмущенных граждан, значительную часть которых составляла молодежь.

Причины недоверия к власти, безусловно, разные. Но больше всего, пожалуй, молодых людей раздражает ее нечистоплотность, подкупность, о чем в последнее время открыто стали говорить не только средства массовой информации, но и руководители страны. В это трудно поверить, но факты есть факты. Например, в феврале 2003 г. президент фонда ИНДЕМ Г.А. Сатаров в проправительственной «Российской газете» писал о продаже мест в федеральном Правительстве, цена которых, как отмечал он, определялась соответствующей должностью и колебалась до 500 тыс. американских долларов.⁹⁴

С тех пор в этом отношении, к сожалению, мало что изменилось. Выступая на радиостанции «Эхо Москвы» 15 октября 2011 г., главный редактор «Новой газеты» Д.Муратов сказал, что ныне место в Государственной Думе РФ во фракцию «Единая Россия» стоит 3,5 млн. евро. Стоимость должности префекта в Москве, по некоторым сведениям, от 10 до 30 млн. американских долларов.⁹⁵ В этом же ключе (правда, не называя конкретных величин) в прямом эфире на «Радио России» в передаче

⁹⁰ См.: [Электронный ресурс]. URL: [www://regnum.ru/news/543321](http://www.regnum.ru/news/543321). Дата обращения: 30.01.2012.

⁹¹ Данные избирательной комиссии Саратовской области 25 марта 2008 года.

⁹² Исследования проводились методом анонимного анкетирования. Было опрошено 500 человек.

⁹³ ТВ. 5-й канал. «Открытая студия» 29 июня 2011 года. *Источник информации*

⁹⁴ См.: Российская газета. 2003. 11 февраля.

⁹⁵ НТВ. 16 июля 2011 года. *Источник информации*

Н.Бехтиной «От первого лица» говорил 3 февраля текущего года сопредседатель партии ПАРНАС, бывший депутат Государственной Думы В. Рыжков. Как бы то ни было, но объем рынка коррупции не уменьшается, а растет. Если в 2005 г. граждане страны «за помощь в решении вопросов» отдали 129 млрд. рублей, то в 2010 г. на эти цели ушло уже 164 млрд. рублей.⁹⁶

Видимо отмеченные и подобные факты позволили известному писателю, редактору газеты «Завтра» А.Проханову на радиостанции «Эхо Москвы» в передаче «Особое мнение» неоднократно заявлять: «Народ ненавидит власть».⁹⁷ Ну, а молодежь, с присущей ей максимализмом, а порой и агрессивностью, пытается по-своему как-то «решать» данную проблему. Разве не этим мотивировались действия так называемых «приморских партизан» по отношению к нечестным, с их точки зрения, милиционерам. И вот что страшно – по всем радиоголосованиям 80% звонивших поддерживали и оправдывали действия этих молодых людей.⁹⁸

Среди типов проявлений экстремизма молодыми людьми наиболее острым и наиболее замифологизированным, по нашему мнению, является национально-этнический экстремизм. В составе современной Российской Федерации более ста этносов, в том числе около тридцати наций. Взаимоотношения между различными нациями, этническими и религиозными группами всегда отличались своим противоречивым характером – тяготением к сотрудничеству и периодическими взрывами конфликтности. И «зеркалом» всех изменений и перемен являлась молодежь – как элемент наиболее чувствительный ко всем социальным и политическим изменениям. Согласно вышеназванным исследованиям ИСПИ РАН неприязнь в отношении к мигрантам с юга и юго-востока (кавказцам, представителям среднеазиатских республик, вьетнамцам, китайцам и другим) в разной степени выразили 35% респондентов, в том числе, в крайней форме 10,5%.⁹⁹ Об уровне радикализма можно судить также по степени обострения деятельности радикальных политиков и организаций. В разной степени разделяли взгляды радикальных националистов, выступающих против роста численности мигрантов и лиц нерусской национальности в России, 21% молодежи. Высокий уровень экстремальных настроений по данному показателю был характерен для 7,5% молодежи.¹⁰⁰

К сожалению, авторы упомянутых исследований вне поля своего зрения оставили анализ причин, вызывающих отмеченную неприязнь. А ведь как говорил святой Максим Исповедник, «молчать об истине все то же, что отвергать ее». Так о чем же говорят сами факты? Согласно официальным

---

⁹⁶ См.: Земское обозрение. 2011. 29 июня.

⁹⁷ «Эхо Москвы». Особое мнение. Октябрь-ноябрь 2011 года. *Источник информации*

⁹⁸ См.: Молодая гвардия. 2011. № 7-8. С. 249.

⁹⁹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Указ. соч. С. 41.

¹⁰⁰ Там же.

данным МВД Российской Федерации, например, за январь-август 2005 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории нашей страны было совершено 34,6 тыс. преступлений, в том числе, гражданами государств-участников СНГ – 31,5 тыс. или 91% от общего количества преступлений. В том же 2005 г. в московские суды было направлено 121 дело об изнасиловании. В 79 случаях суды признали виновными мужчин, нелегально приехавших из ближнего зарубежья. Это уму непостижимо, но, как сообщила газета «Московский комсомолец», в Мытищенском районе Подмосковья приезжий с Кавказа 34-летний мужчина в течение целого года насиловал 8-летнюю дочь своей квартирной хозяйки. Негодяй-педофил так запугал девочку, что малышка не смела рассказать о мучителе своей матери. А в Подмосковных Химках пятеро таджиков изнасиловали 14-летнюю школьницу.¹⁰¹ К сожалению, эти примеры не единичны.

Ксенофобия – боязнь иного. Но бояться иного можно не только в силу собственных психических расстройств, но и из-за неадекватного поведения представителей этого самого «иного». Похожая ситуация сложилась в России не только с нелегалами или гражданами других государств, но и с представителями некоторых национальных меньшинств, имеющих российское гражданство. Так, по сообщению заместителя начальника Управления по борьбе с организованной преступностью ГУВД Московской области А.Кирсанова, на территории Подмосковья по состоянию на 2005 г. действовало 47 этнических группировок. Особые проблемы милиции доставляли выходцы из Чечни, Дагестана, Грузии и Азербайджана. По информации начальника отдела 3-го ОРБ ГУБОП МВД России полковника милиции Г.Захарова, 65% всех воров в законе – выходцы с Кавказа.¹⁰²

Вряд ли есть смысл продолжать перечень подобных и других фактов. Национальные конфликты, как печальная действительность постсоветской России, как следствие непродуманной, если не преступной, национальной политики в последние годы весьма и весьма расширили свою географию, о чем свидетельствуют события в Калмыкии, Ставрополе, Кандопоге, Энгельсе, поселке Сагра. В плане целевой установки нашей статьи нельзя обойти молчанием такую остро переживаемую молодежью проблему, как неоднозначность оценки участников этноконфликтов, стремление правоохранительных органов, средств массовой информации огульно обвинять в них различного рода молодежные группы, скинхедов, «русских фашистов» и под видом желаня «не разжигать национальную вражду» сознательно или неосознанно, по существу, обелять представителей национальных меньшинств.

Показательны в этом отношении трагические события, имевшие место в Санкт-Петербурге – городе, слывшем одно время столицей скинхедовского движения. Здесь в новогоднюю ночь 2005 г. произошло столь привычное для

---

¹⁰¹ См.: Соколов-Митрич Д. Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики. М., 2007. С. 3, 52, 54.

¹⁰² Там же. С. 3.

правозащитного движения «преступление ненависти» только с точностью до наоборот. Представителями нацменьшинств был убит русский парень, семикратный чемпион мира по велоспорту Д.Нелюбин, тот самый Нелюбин, который вошел в Книгу рекордов Гиннеса как самый молодой чемпион мира среди мужчин-велогонщиков. И что характерно – средства массовой информации практически отделались необъяснимым молчанием. А за окровавленной одеждой Димы, чтобы приобщить ее к вещдокам, оперативники пришли спустя месяц после убийства, когда его жена уже ее постирала. Зато когда в том же городе пьяные малолетние отморозки, не имеющие никакого отношения к скинхедам, убили таджикскую девочку Хуршеду Султанову, все средства массовой информации дружно взялись разжигать ненависть к «русским фашистам». Вся питерская милиция стояла на ушах. Было допрошено пять тысяч человек. Дело Хуршеды Султановой было взято под личный контроль министра внутренних дел.

Вряд ли кто из молодых людей смог соблности «олимпийское спокойствие», узнав, что подонка русской национальности А.Копцева, набросившегося с ножом на одного из собравшихся в московской синагоге, приговаривают к 13 годам строгого режима, а подонкам даргинской национальности, устроившим массовый погром в школе города Приаргунска Читинской области, дают по 2,5 года колонии.¹⁰³ А разве не об этом свидетельствует первоначальное расследование убийства футбольного болельщика «Спартака» Егора Свиридова, убитого в ночь на 6 декабря 2010 г. И только когда на Манежную площадь вышли тысячи и тысячи возмущенных, агрессивных настроенных молодых людей, расследованию дела был придан принципиально иной оборот.

Вполне логично, что этноэкстремизм молодежи, обострение национальных отношений за последние годы в целом вызвали глубокую озабоченность общественности, руководства страны и, конкретно, ее премьер-министра В.В. Путина. В начале текущего года названные проблемы он обсудил со студентами Томского университета, ветеранами Санкт-Петербурга, на заседании Коллегии федеральной миграционной службы, изложил свое видение их разрешения в статье «Россия: национальный вопрос», опубликованной в «Независимой газете» 23 января 2012 г.

Таким образом, все вышеизложенное нами дает возможность сделать следующие основные выводы. Экстремистское поведение молодежи – одна из наиболее актуальных социально-политических проблем в современной России. Состояние, уровень, динамика всех типов молодежного экстремизма в стране обсуждается средствами массовой информации, учеными, политиками.

Возникновение этого явления обусловлено множеством факторов, среди которых:

– социально-групповые особенности сознания молодежи и специфика ее поведения;

---

¹⁰³ Там же. С. 4, 16, 19.

- снижение уровня жизни значительной части населения и, прежде всего, молодых людей;
- изменение привычного уклада жизни и нравственно-ценностных ориентаций;
- ухудшение психологического климата в семье и ослабление ее воспитательных возможностей;
- наличие в предупредительной работе правоохранительных органов приоритета репрессивных, запретительных мер;
- отсутствие в настоящее время необходимой профилактической работы в сфере экстремистской преступности.

Мы не отрицаем важности в воспитании молодежи «забытых романов и вальсов», на что указал министр внутренних дел Российской Федерации Р.Нургалиев.¹⁰⁴ Но главная причина экстремизма молодежи, по нашему твердому убеждению, кроется в несовершенстве самого общества, в недостатках государственной молодежной политики и ее реализации. Это особенно проявилось в 1990-е гг., когда забота новой власти о молодых людях на словах и бумаге, как правило, не совпадала с реальной ее деятельностью в этом направлении. Молодежь не только не ощущала какого-либо заметного улучшения своего положения, а наоборот, все более и более осознавала, что ее как бы вытесняют на обочину экономической и политической жизни страны.

Пожалуй, прежде всего, именно этот факт побудил председателя Государственного комитета РФ по делам молодежи Т.Новикову заявить на страницах «Российской газеты», «что в нашей стране о молодежи вспоминают лишь тогда, когда надо строить баррикады и ложиться под танки».¹⁰⁵ Более корректно о реальном положении молодежи тех лет, но все в том же ключе говорила первый заместитель председателя все того же комитета Г.Куприянова, отмечая, что «интересы молодежи не учитываются ни на федеральном уровне, ни на уровне субъектов федерации».¹⁰⁶ К сожалению, и в наши дни государство, особенно политические партии, зачастую вспоминают о молодых людях лишь в период избирательных кампаний с тем условием, чтобы как можно большее их число пришло к избирательным урнам.

Что касается направлений, принципов, форм, средств и методов противодействия экстремистской деятельности вообще и молодежи, в частности, то они, на наш взгляд, достаточно полно изложены во 2-й, 3-й и 9-й статьях вышеназванного Федерального закона в редакции от 29.04.2008 г. № 54-ФЗ.

Однако, как известно, любые, самые хорошие решения и постановления утрачивают свою значимость, если они остаются только на бумаге или в громких речах и заявлениях чиновников самого различного

¹⁰⁴ NEWSru.com в России. Вторник. 2 августа 2011 г. 13:36.

¹⁰⁵ Российская газета. 1995. 10 декабря.

¹⁰⁶ Молодежь России и Европейский союз. М., 1999. С. 21.

уровня. В этом отношении можно только приветствовать действия официальных и общественных органов власти Саратовской области, разработавших и принявших к реализации специальную программу «Национально-культурное развитие народов Саратовской области на 2008-2010 годы». В рамках выполнения намеченных в ней мероприятий в мае 2008 года состоялся Конгресс Ассамблеи народов Саратовской области. Конгресс работал в формате «круглых столов», где весьма содержательно обсуждались такие жгучие проблемы современности как «Роль региональных структур гражданского общества в обеспечении межнационального согласия», «О роли молодежи в укреплении дружбы народов России», «Роль СМИ в формировании толерантности и межнационального согласия» и другие.

Не были забыты и подростки. С 20 июня по 10 июля 2008 г. пятьсот мальчишек и девчонок провели время в настоящей школе дружбы – палаточном лагере «Пятая сила». Программа лагеря была построена по принципу совмещения организационных форм международной воспитательной системы «Скаутинг» с программными положениями проекта «Школа дружбы народов» Ассамблеи народов России». ¹⁰⁷

Вряд ли стоит чрезмерно преувеличивать роль подобных мероприятий в сдерживании всех видов экстремизма молодежи, но еще большей ошибкой было бы недооценивать их.

Емельянов И.В.
студент НИСГУ
имени Н.Г.Чернышевского

Россия: путь к демократизации и плюрализму.

*«Свобода – это не когда делаешь все, что хочешь,
а когда не делаешь того, что не хочешь».*

Г. Гордон

В последние годы в нашей стране очень часто поднимался вопрос о том, в каком государстве мы с вами живем, и рассматривался этот вопрос в различных плоскостях и во всевозможных интерпретациях. Обсуждались проблемы правового характера, в рамках вопроса о ст. 1 Конституции РФ, в которой прописано: «Российская Федерация - Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», наверное в этой статье только одна формулировка не вызывает вопросов – «Российская Федерация – Россия», что нельзя сказать об остальной части данной статьи. На ряду, с этим рассматривались вопросы и о становлении в России, такого феномена, как «гражданское общество», построение которого, по мнению видных политических деятелей, в нашей стране идет полным ходом. И конечно же не остаются без внимания вопросы касающиеся уровня, да и вообще существования в нашей стране, демократизации и плюрализма.

---

¹⁰⁷ Школа дружбы. Информационный листок Саратовского отделения Российской скаутской организации. Июль 2008 года.

Но, не смотря на то, что все эти проблемы очень часто становятся предметом обсуждений и дискуссий на различных уровнях, решение их, по-прежнему, заставляет себя ждать. И не важно, кто, когда и где поднял вопрос о низком уровне правовой свободы в России, если вопрос обсуждается – значит, проблема имеет место. В связи с этим, в данном исследовании, мы постараемся не только указать на имеющиеся проблемы в правовой сфере, но и определить, куда с этими проблемами мы движемся, в каком направлении действующая власть ведет граждан РФ.

Безусловно, для того чтобы разобраться в происходящих процессах, нам необходимо определить некую хронологию, а именно те события, которые оказали существенное влияние на то, что власть в нашей стране имеют именно те люди, которые провозгласили курс на демократизацию, приняли «Закон о полиции» и выплатили государственный долг в начале 2000-х годов. Конечно же, речь идет о выборах, как президентских, так и в нижнюю палату парламента, поскольку именно от них зависит то, какие люди будут управлять страной в ближайшее время.

Так 26 марта 2000-го года, получив поддержку 39 740 467 человек, президентом России стал В.В. Путин. Хотелось бы отметить, что при явке почти 69 % населения, из 12, относительно сильных, кандидатов одержать победу и набрать более 52 % голосов задача довольно-таки не простая. Конечно, всему есть свои логические объяснения, это и приемничество, а следовательно и высокий уровень доверия первого президента России – Б.Н. Ельцина, и принадлежность к силовым структурам, да и без поддержки элиты – олигархии здесь не обошлось, но ясно одно, что Владимир Владимирович смог вселить в умы людей идею о построении демократического государства и светлого будущего для страны, и завоевать доверие граждан, за достаточно короткие сроки. На наш взгляд, именно с этого момента начинается не только политический взлет В.В.П., но и путь нашей страны к «демократизации».

Следующим, важнейшим шагом на пути к «демократизации» и политическому укреплению Путина стал учредительный съезд общественно-политических объединений «Единство», «Отечество» и «Вся Россия», на котором и была образована Всероссийская политическая партия «Единство и Отечество – Единая Россия» 1 декабря 2001 года. Отметим, что у истоков одного из объединений – «Единство» стоял ныне беглый олигарх – Борис Березовский, что в свою очередь подтверждает тот факт, что путь к «демократизации» поддерживался олигархической группой. Таким образом, Путин организовал платформу для дальнейшего развития своего политического курса. И на следующих парламентских выборах 7 декабря 2003 года Единая Россия одерживает победу, набрав 37,5 %. Тогда еще мало кто подозревал, что с этими выборами действующая власть получит не только парламентское большинство (220 из 450 мест), но и монополию на власть...

Далее мы стали свидетелями, как Путин на своих вторых президентских выборах 14 марта 2004 года набирает огромное количество голосов – 71,3 %. Именно эти выборы, по нашему мнению, оказали существенное влияние на изменение приоритетов в курсе Владимира Владимировича, а именно в сторону «удержать власть любой ценой». И с этого момента говорить о доминировании демократических и иных социальных ценностей в нашей стране не представляется возможным.

Так в 2005 году мы наблюдали ряд очень значимых для нашей страны политических событий. Первое из них, это приговор Михаилу Ходорковскому, который просто привел в недоумение общественность запада и просвещенную часть России. Причиной такого недоумения, стали раскрытые факты того, что Ходорковского убрали как потенциального конкурента Путину, а дело против него полностью сфабриковано. Это событие показало мировой общественности, что неугодные российскому президенту люди, независимо от их социального статуса и материального положения, будут ликвидированы любым способом. В результате этого, значительная часть русских бизнесменов, опасаясь «Царской Грозы» бессрочно покинули пределы Российской Федерации. Сюда же можно отнести и отъезд в 2008 году основателя компании «Евросеть» Евгения Чичваркина, который возглавил еще не зарегистрированное отделение политической партии «Правое Дело» и почти одновременно с этим Следственный комитет возбудил в отношении него уголовное дело. Относительно этого уместно сделать вывод о том, что президент РФ не потерпит никакого рода политической конкуренции в нашей стране.

Но вернемся к следующему значимому событию 2005 года. Им стала отмена графы «против всех» в избирательных бюллетенях. Это графа, по мнению, большинства политологов, является особой формой социального протеста, когда народ показывает властям и претендентам на, то, что среди них нет достойных. Так вот в 2005 году по инициативе единороссов из Тверской области, и при поддержке 352 депутатов Государственной Думы у народа забрали законное право голосовать против всех и выражать, таким образом, протест действующей власти.

И это не единственное средство, которое власть решила использовать для того, чтобы ограничить уровень влияния граждан РФ на результаты выборов. Так в 2006 году по решению депутатов из избирательного законодательства всех уровней исчезло понятие минимального порога явки. Напомним, что ранее по российским законам выборы считались состоявшимися, если в них участвовали 20 % на региональных выборах, не менее 25 % - на федеральных парламентских и не менее 50 % - на президентских.

Теперь гражданин Российской Федерации мог вообще не идти на выборы, ни за кого не голосовать, а утром следующего дня узнать, что конституционное большинство в Государственной Думе в очередной раз заняла его «любимая партия».

Следующим шагом на пути к монополизации власти, стали изменения внесенные в Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а именно увеличение процентного барьера на выборах Государственной Думы, с 5 % до 7 %. Относительно различных теорий о партийном строительстве этот шаг направлен лишь на то, чтобы ограничить доступ к власти относительно малым партиям, и это не удивительно, так как к этому времени членами Единой России являлись почти 1,5 миллиона человек, ведь на этом фоне любая российская партия будет относиться к разряду малой. Этот свидетельствует ни о чем ином, как о целенаправленном снижении уровня политического плюрализма, который как мы уже поняли, не на руку действующей власти, так как является одной из форм политической конкуренции.

Не смотря на все это, на следующих выборах Государственной Думы 2 декабря 2007 года Единая Россия получает конституционное большинство - 315 мест из 450 в нижней палате, набрав фантастические 64,3 % голосов избирателей. Мы не будем здесь писать о том, что, по мнению большинства западных и отечественных исследователей эти выборы были самыми фальсифицированными после выборов 2011 года, скажем лишь о том, что при 64 % поддержки, в стране явно нарастали негативные настроения по отношению к проводимому курсу «демократизации».

Но, как и все приходит к своему завершению, так и второй срок полномочий Путина на посту президента РФ в 2008 году подходил к своему финалу. И тут ничего не оставалось, как либо переписать Конституцию под себя, либо сделать, используя шахматную терминологию, прием отвлечения, при котором значимая фигура перестает выполнять основные функции с целью нанесения решающего хода, а на ее место становится менее значимая фигура. Но даже такая параллель с шахматами не совсем уместна, поскольку в нашем случае главная фигура, перестала выполнять лишь церемониальные функции президента, а сферы влияния на посту премьер министра у Владимира Владимировича продолжали расти. Так третьим президентом России стал, далеко не чужой человек Путину, Д.А. Медведев, набрав 2 марта 2008 года 70,2 % голосов избирателей. Столь высокий процент поддержки объясняется ровно, так же как и на первых выборах В.В. Путина в 2000 году.

На ряду, с провозглашением курса модернизации, Д.А. Медведев совершил еще ряд немаловажных действий, которые оказали свое влияние на развитие курса «демократизации» сформулированным гораздо ранее В.В. Путиным. Одним из таких событий стало предложение Медведева внести поправки в Конституцию РФ, касающиеся изменения, а именно увеличение, сроков полномочий президента и Думы. Далее, всем на удивление, эти поправки поддержал не только В.В. Путин, но они были одобрены и Государственной Думой, большинство в которой имела партия Единая Россия.

Таким образом, на протяжении всех двух сроков президентства Путина в нашей стране мы могли наблюдать массу решений так или иначе связанных с «забыванием гвоздей в гроб демократии, свободы слова и плюрализма». По мнению большинства исследователей в этот период в России нарастали тенденции авторитаризма и полное отсутствие демократических перспектив. И нам ничего не остается, как согласиться с этой точкой зрения. Да и противопоставить идее об авторитарной России, нам, кроме громких обещаний Путина по поводу «демократического» курса, нечего.

В настоящее время мы являемся свидетелями того, как в нашей стране зарождается новая идеология, идеология протеста. И связана она, не только с тем, что на выборах Государственной Думы шестого созыва 4 декабря 2011 года и на выборах президента РФ 4 марта 2012 года, было зафиксировано самое большое количество нарушений избирательного законодательства за всю историю выборов в России. А с тем, что народ устал... Устал терпеть беззаконие, коррупцию, вседозволенность, ложь, отсутствие свободы слова, невыносимые условия жизни и много другое, все то, что никаким образом не связано ни с демократией, ни с плюрализмом, ни с защитой прав и свобод граждан. А если устал терпеть русский народ, на наш взгляд самый терпеливый народ в мире, то это может привести к необратимым последствиям, предотвратить которые одного «демократического» курса явно будет не достаточно. Власть же прибегает к альтернативным способам борьбы с мнением народа, путем применения всех имеющихся у нее ресурсов. В первую очередь информационный ресурса, самый влиятельный и простой способ, когда под твоим контролем находится 99 % СМИ. Далее мы могли наблюдать применение силового воздействия, который по средствам правильного видеоряда, был представлен на суд общественности как подавление массовых беспорядков. И наконец, совсем недавно власть прибегла к административному ресурсу и предложила установить небывалые суммы штрафов за несанкционированные митинги, а какими эти митинги могут быть еще, если та же самая власть не дает разрешения на их законное проведение. Так или иначе процесс запущен, и его исход будет зависеть в первую очередь от того какими будут ответные действия власти.

Подводя итог, хотелось бы отметить ряд тенденций, которые, если опустить все выше написанное, говорят о некоем роде демократизации. А именно это то, что Госдума приняла закон о снижении с 7 % до 5 % минимальный процент голосов избирателей, который необходимо получить списку кандидатов, чтобы участвовать в распределении депутатских мандатов. Так же это поправки в законодательство относительно возврата прямых выборов губернаторов. И самое, на наш взгляд, значимое это изменения в закон «О политических партиях», которые реально смогут повысить уровень плюрализма в стране, если не будет внедрен ряд фильтров, закрывающих дорогу на выборы малым партиям.

Все это дает нам, как гражданам, очередную надежду, а как исследователям очередной повод для актуального исследования на тему

демократии и плюрализма в современной России. Пока же, говорить ни о том, ни о другом, даже как о перспективной цели, к сожалению, не представляется возможным.

Жумикова Ю.Г.,
студентка НИСГУ
имени Н.Г Чернышевского

Особенности восприятия Пионерской организации современной российской молодежью (анализ результатов социологического опроса)

Несмотря на то, что в настоящее время Пионерская организация очень далека от той популярности, которой она обладала во времена существования Советского Союза, проблема, выбранная нами для изучения, сохраняет свою актуальность.

Прежде всего, необходимо отметить, что вся имеющаяся литература по пионерии уже устарела, а новых исследований, к сожалению, проводится крайне мало. Кроме того, большая часть имеющейся литературы, на наш взгляд, носит, скорее, описательный, нежели научный, характер, что лишний раз доказывает недостаточную изученность и низкий уровень интереса к данной проблеме. Известно, что Пионерская организация была крупнейшим объединением молодежи в Советском Союзе. Идеологами пионерии была проделана огромная работа и оставлено богатое наследие, касающееся организации досуга молодежи и ее вовлечения в общественно-политическую жизнь страны. Однако рассматриваемое нами объединение молодежи было распущено более 20 лет назад (в 1990 г.), поэтому по прошествии времени нам представляется интересным посмотреть на деятельность данной организации «свежим» взглядом и объективно оценить плюсы и минусы ее деятельности.

Еще один аспект актуальности этой темы заключается в том, что сегодня в нашей стране можно наблюдать огромное количество молодежных организаций с собственными целями и задачами. Однако ни одна из них не пользуется такой популярностью, какую в свое время имела пионерия. Возможно, это лишь вопрос времени, а, возможно, и следствие неумелой политики тех, кто создает эти организации и координирует их деятельность. Поэтому, на наш взгляд, изучение опыта такого мощного молодежного объединения, как пионерия, может реально помочь современным молодежным организациям завоевать популярность среди молодежи и более грамотно и умело выстраивать свою политику. Пионерия и существовавшая в ней система работы с молодежью были разрушены в одночасье, и до сегодняшнего дня, к сожалению, не было предложено достойной альтернативы.

В связи с этим мы посчитали интересным провести социологический опрос молодежи с целью выявления ее осведомленности о Пионерской организации и ее деятельности, а также отношения к ней. Мы полагаем, что полученные результаты помогут нам продолжать работу в заданном

направлении с целью выработки конкретных рекомендаций современным молодежным объединениям по вопросам выстраивания их работы с молодым поколением.

Социологический опрос проводился нами в период с 1 по 9 апреля 2012 г. на территории Саратовской области. Объектом исследования стала пионерская организация, а предметом – восприятие пионерии и отношение к ней современной молодежи. В общей сложности нами был опрошен 121 респондент в возрасте от 17 до 25 лет. Больше половины респондентов (две первые возрастные категории) были студентами (59,5%), 19,8% – работниками негосударственных организаций, 11,7% – временно не работали, а 9% – являлись работниками бюджетной сферы.

Целью данного исследования было изучение осведомленности современного молодого поколения о Пионерской организации, ее деятельности, а также выявление отношения нынешней молодежи к ней. Для достижения этой цели мы предложили респондентам заполнить анкету, состоящую из 12 вопросов.

Первый вопрос, на который мы предложили ответить респондентам, звучал следующим образом: «Знаете ли Вы что-нибудь о такой молодежной организации, как пионерия?» (см. диаграмма 1). Более половины опрошенных (64,5%) ответили утвердительно. Еще 20,6% признались, что слышали о ней. Остальные 14,9% дали отрицательный ответ. Причем многие из тех, кто ответил, что ничего не знает о Пионерской организации, все же продолжили заполнение анкеты, и, видимо, неожиданно для себя, обнаружили неплохие познания о деятельности пионерии, то есть довольно-таки полно и развернуто отвечали на поставленные вопросы.

Диаграмма 1.

Осведомленность современной молодежи о Пионерской организации

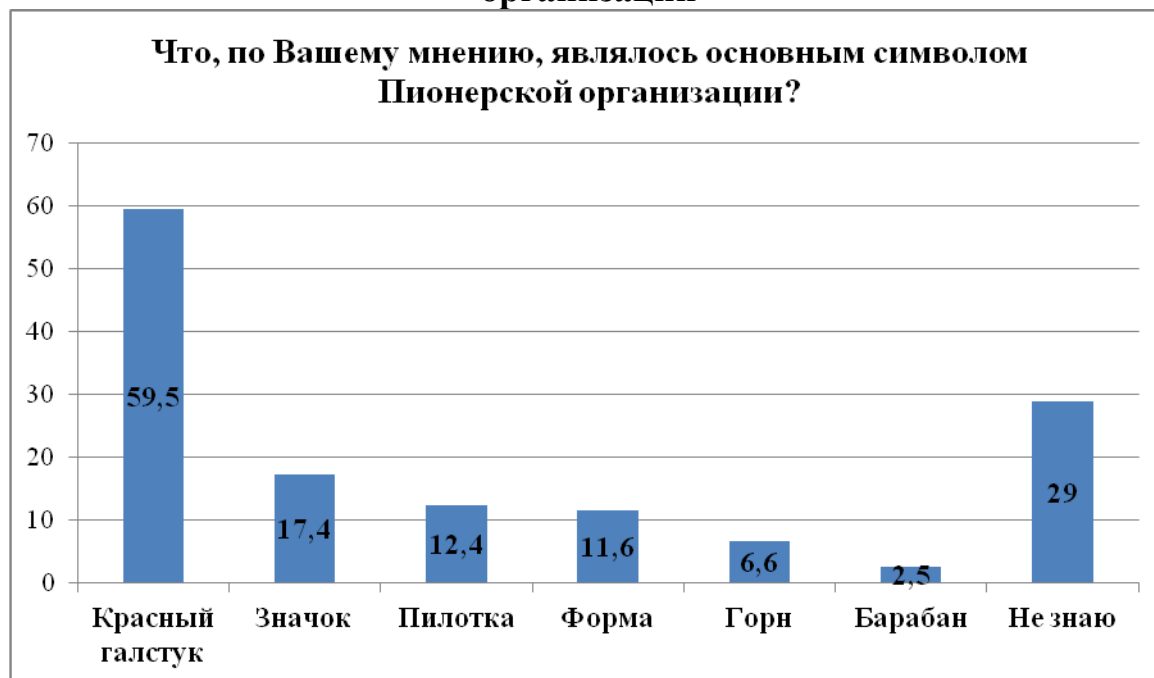

В целом ответы на первый вопрос показали, что современная молодежь достаточно хорошо осведомлена о Пионерской организации. Однако знать только лишь об осведомленности молодых людей о существовании пионерии нам недостаточно, поэтому далее следовал блок вопросов, направленных на выявление конкретных знаний о рассматриваемой молодежной организации.

Первым в данном блоке стал вопрос о символе Пионерской организации. Поскольку вопрос был открытым, мы получили самые разнообразные ответы. В качестве символа респонденты отмечали сразу несколько вещей (см. диаграмма 2).

Диаграмма 2.

Осведомленность современной молодежи о символах Пионерской организации

Общеизвестно, что создание Пионерской организации было инициировано Н.К. Крупской, и первоначально (до 1924 г.) данная организация носила имя Спартака. После смерти В.И. Ленина она была переименована во Всесоюзную пионерскую организацию (далее – ВПО) имени В.И. Ленина. Для того, чтобы определить степень осведомленности молодежи о пионерии, мы поинтересовались, с чьим именем респонденты связывают ее создание.

Диаграмма 3.

Осведомленность современной молодежи об основателях Пионерской организации

Как мы видим, подавляющее большинство опрошенных назвали В.И. Ленина. Гораздо меньше (9%) отметили Н.К. Крупскую. 19% респондентов затруднились с ответом. 2,5% не связывают создание пионерии ни с чьим именем. Видимо, по их мнению, пионеры самостоятельно создали для себя организацию. В целом же, можно констатировать, что среди молодежи царят ошибочные представления об инициаторе создания пионерской организации.

После того, как были получены данные, касающиеся осведомленности молодежи о пионерии, мы приступили к достижению основной цели исследования, а именно – к изучению того, что современные молодые люди думают о Пионерской организации и как они ее воспринимают. На выявление этого было направлено четыре вопроса.

Мы спросили у респондентов, было ли вступление в ВПО добровольным, или же это было обязательным (принудительным) для советского подростка. Понятно, что формально вступление было добровольным, а на деле без него нельзя было обойтись. Нас же интересовало субъективное мнение каждого из опрошенных, их восприятие данного факта. Мы получили следующие результаты (см. диаграмма 4).

Диаграмма 4.

Осведомленность современной молодежи о характере членства в Пионерской организации.

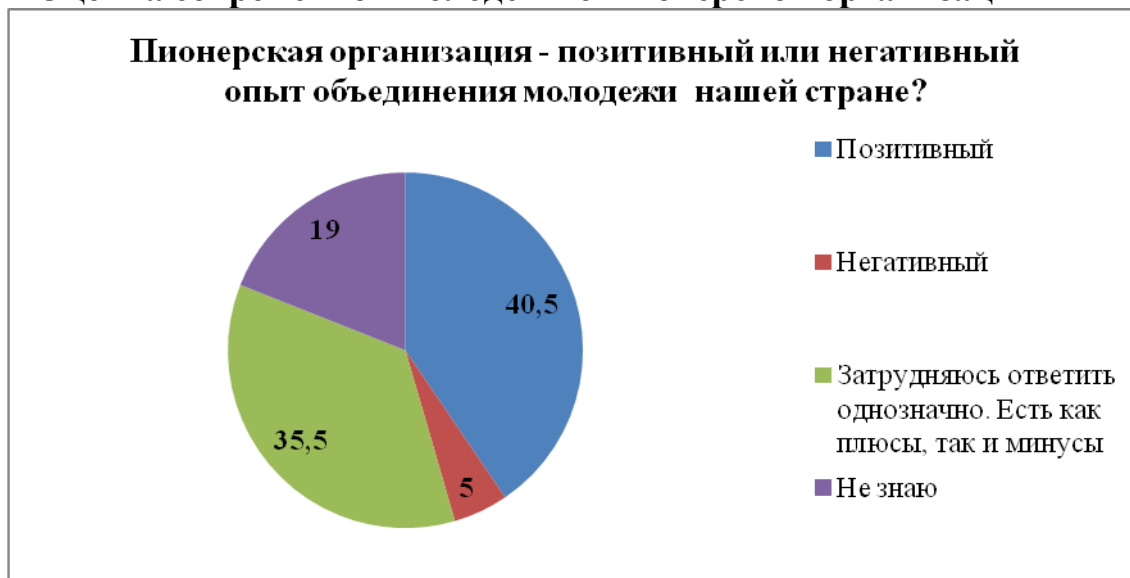
Более половины респондентов ответили, что в пионеры принимали добровольно, намного меньше считало, что принудительно. И чуть более 30% оказались плохо осведомлены по этому вопросу и предпочли не отвечать, не высказывать свое мнение. На наш взгляд, такое большое количество респондентов, считающих вступление в пионерию добровольным, говорит о том, что современная молодежь в целом очень позитивно воспринимает ВПО. Именно этого и касался следующий вопрос.

Современная молодежь, выросшая в «демократической», свободной стране, привыкла свободно выражать свое мнение, свою точку зрения. Поэтому для выявления отношения к пионерии, мы посчитали необходимым спросить мнение респондентов о том, насколько позитивным опытом объединения молодежи была ВПО (см. диаграмма 5). Результаты, которые мы получили, позволяют сделать вывод о том, что в своей массе молодежь в целом достаточно позитивно относится

к пионерии. Лишь 5% респондентов оценили ее деятельность негативно. Разумеется, необходимо учитывать и два других варианта, за которые отдано тоже немало голосов. Однако, если сравнивать 40,5% и 5%, разница между ними говорит сама за себя.

Диаграмма 5.

Оценка современной молодежью Пионерской организации

Как раз для выявления плюсов и минусов Пионерской организации, о которых шла речь в предыдущем вопросе, мы попросили респондентов перечислить положительные и отрицательные моменты деятельности пионерии. Опять же получили интересные развернутые ответы, которые пришлось сузить и упорядочить для более легкого восприятия результатов. На диаграммах 6 и 7 мы можем увидеть эти самые результаты.

Диаграмма 6.

Оценка современной молодежью достоинств Пионерской организации

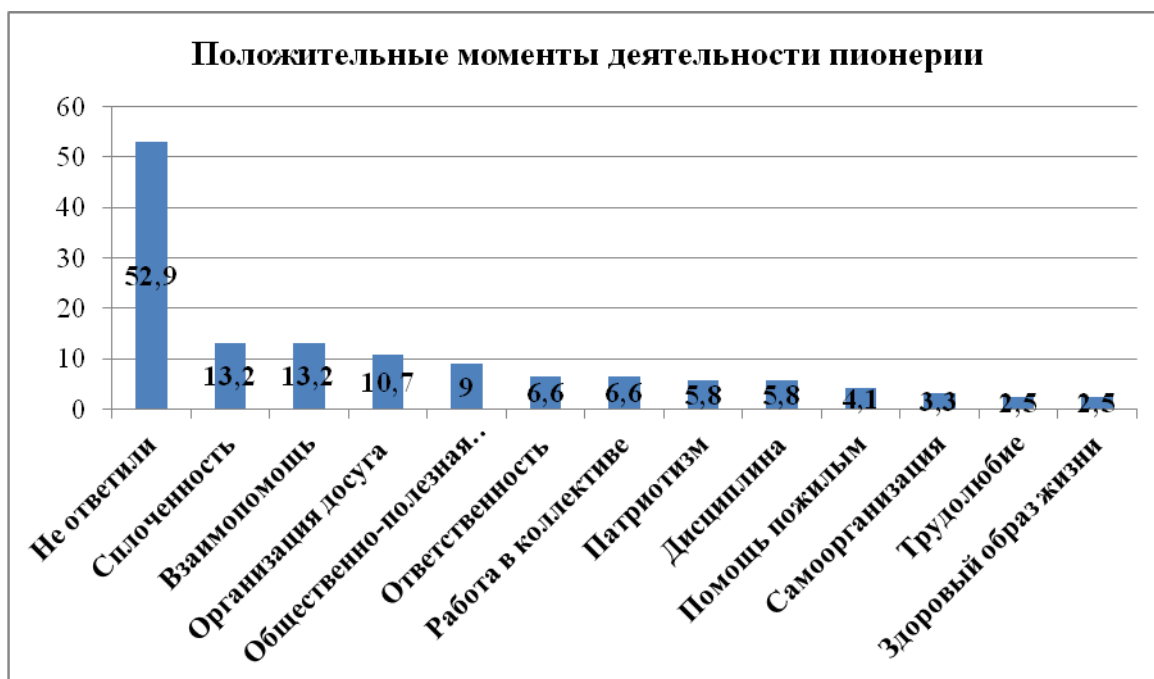
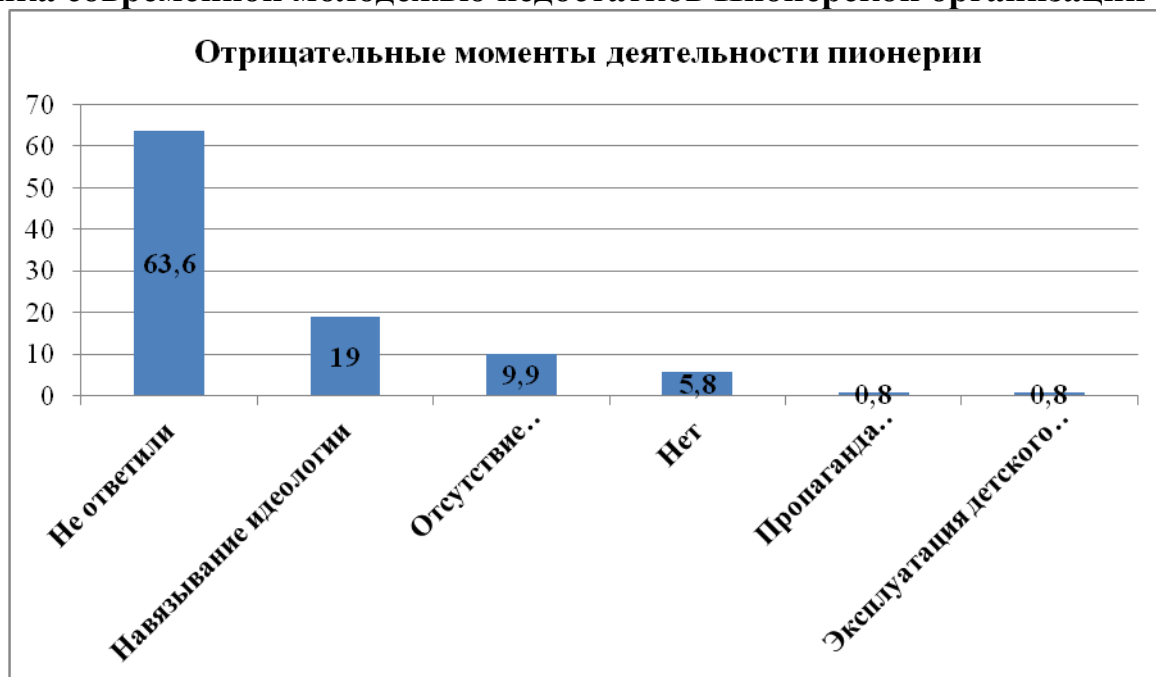

Диаграмма 7.

Оценка современной молодежью недостатков Пионерской организации

Большинство респондентов оказались пассивны и не стали отвечать на данные вопросы, возможно, сочтя их слишком сложными. Однако, несмотря на это, мы все же получили достаточно интересную картину. Невооруженным глазом видно, что достоинства Пионерской организации респонденты отмечали намного охотнее и с большим интересом, нежели недостатки. Поэтому мы можем судить об отношении современных молодых людей к ВПО. С другой стороны, недостатки, которые перечисляли респонденты, по своей значимости и серьезности могут перевесить все достоинства. Но, справедливости ради, стоит отметить еще и тот факт, что 5,8 % опрошенных отметили, что недостатков у пионерской организации не было.

Диаграмма 8.

Сравнение ВПО с одной из нынешних молодежных организаций

Главным вопросом нашего исследования стал вопрос о том, с какой из ныне существующих молодежных организаций респонденты могут сравнить пионерию (см. диаграмма 8).

Таким образом, мы выявили, что в молодежной среде преобладает позитивное отношение к Пионерской организации. Юноши и девушки отмечают ее продуктивность в работе с молодежью, положительное влияние на формирование подрастающего поколения.

Главное, что нас интересовало, и ради чего мы проводили социологический опрос, – это вопрос о возможности сравнения пионерии с какой-либо из современных молодежных организаций. Когда мы обосновывали актуальность, то сказали, что ни одно современное молодежное объединение не обладает такой популярностью, которой обладала ВПО. Наше исследование еще раз подтвердило данный факт. Многие, вероятно, подумают, что пионерия была навязанной сверху организацией, и не вступать в нее было просто нельзя. Отчасти мы с этим согласны, однако никто не станет умалять эффективности ее деятельности, ее популярности и положительного влияния на формирование поколения. Если мы спросим об этой организации у наших родителей, то, вероятнее всего, услышим только позитивные отклики о ней. Мы ни в коем случае не отрицаем негативные моменты. На наш взгляд, респонденты совершенно справедливо отметили их, отвечая на вопросы. Это и идеологическая пропаганда, и, отчасти, отсутствие индивидуальности (с чем, в общем-то, можно и поспорить). С этим мы согласны. Однако те технологии, которыми пользовались идеологи пионерии, те мероприятия, которые проводились в рамках работы с молодежью, по нашему мнению, могли бы пригодиться для сегодняшних молодежных объединений, что повысило бы их популярность и эффективность. Современная молодежь нуждается в организации досуга, но далеко не каждое молодежное объединение может это предложить. Молодежь необходимо заинтересовывать. Как раз в этом могли бы помочь политические технологии, применяемые в свое время Пионерской организацией. На наш взгляд, создавая что-то новое, обязательно нужно перенимать положительный опыт некогда разрушенного.

Зевако Ю.В.

соискатель

НИСГУ имени Н.Г. Чернышевского

Ресурс «советскости» в контексте формирования политической идентичности в государствах постсоветского пространства

Советский народ – новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель – построение коммунизма; возникла в СССР в результате социалистических преобразований и сближения трудящихся классов и слоев, всех наций и народностей
Большая советская энциклопедия

Распад СССР повлек за собой коренной пересмотр социальных, культурных и политических практик, бытовавших до этого на его территории. Волна отрицания того, что «было», как и в 1920-е гг., привела к

разрыву ткани истории, восприятию её в трёх измерениях: дореволюционная Россия/Российская империя, Советский Союз и современный период. Отрицание всего советского и идеализирование дореволюционного, характерное для широкого общественного дискурса 1990-х гг., к настоящему времени перешло в более узкое и специализированное русло, в то время как общественное сознание с начала-середины нулевых заполняет всё более советскоцентричный дискурс, на самой поверхности проявляющийся в периодизации истории как досоветской, советской и постсоветской.

Вероятно, можно согласиться, что «советскость» как универсальная на пёстром многонациональном пространстве всего Советского Союза надэтническая политическая идентичность с распадом последнего также потерпела крах. Однако, «советскость» – не как ярлык, но как система мировоззрения, ценностей, оценок, суждений и отношений, как продукт общей социализации и как некогда общий культурный код – не растворилась в перипетиях «национальных возрождений», «парадов суверенитетов» и пр. Напротив, данный феномен, если рассматривать его с точки зрения конструктивистской теории и социальной инженерии, предполагающей формирование политических конструктов как технологических процессов со своими механизмами и вкладываемыми ресурсами, превратился из объекта воздействия в субъект и обрёл собственную ресурсность.

Понимание миротворческого, интернационалистского потенциала «советскости» на так или иначе этнически заряженном постсоветском пространстве, его возможностей, пределов и проявлений являются актуальными на сегодняшний день теоретическими и практическими исследовательскими задачами.

В пространственно-политическом плане термин «постсоветское пространство» включает в себя все бывшие республики Советского Союза, в том числе Российскую Федерацию.

Многие исследователи подчёркивают конструктивную сущность советской национальной политики, особенно в 1920-е – нач. 1930-х гг., в западной исторической литературе получившей название «положительной деятельности», в родном отечестве обозначавшейся как «коренизация». Впрочем, даже поворот на «русификацию» со 2/2 1930-х гг. не уничтожил данный курс, но лишь подкорректировал его – в том или ином виде созидательный импульс всегда присутствовал в отношении национальных республик и национальных меньшинств (безусловно, если мы не имеем ввиду народы, которые воспринимались как «народы-враги») ¹⁰⁸.

Дж. Хоскинг в интервью журналу «Неприкосновенный запас» подчёркивает, что «в практике коммунистической империи всегда сохранялось фундаментальное противоречие. С одной стороны, большевики действительно покровительствовали малым народам, но, с другой стороны,

---

¹⁰⁸ См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. Пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

их основным управленческим ориентиром всегда оставалась строгая централизация. [которая] ...явно противоречила курсу на коренизацию в национальной политике. ...Это была весьма взрывоопасная смесь, поскольку одной рукой государство предлагало народам развивать национальное самосознание, а другой рукой оно это самосознание решительно подавляло»¹⁰⁹. Тем не менее, отмечает Дж. Хоскинг, «в целом советский опыт был не так уж и плох; ...на пространствах СССР в те десятилетия успели сложиться абсолютно новые нации, которые теперь динамично развиваются. И начало всем этим процессам положили именно большевики»¹¹⁰.

Процесс «централизации» происходил в Советском Союзе в контексте модернизационного проекта (форсированная индустриализация, урбанизация и т.д.), что, по опыту западноевропейских стран, как нельзя лучше подходило для «вываривания» в «общем фабричном котле» новой – политической – нации – с общими смыслами, героями, мифами и пр. Для этого использовались самые различные технологии: от языковой русификации через институты социализации, территориально-административных механизмов до технологий «общего дела» и целенаправленного внедрения профессионально-трудовой и общесоветской праздничной и обрядовой культуры. По мере целенаправленного воздействия и спонтанных «низовых» практик (например, «народная дипломатия»¹¹¹) складывалась надэтническая общегражданская политическая советская идентичность, интернационализм которой выражался в следующем мировоззрении: «мы не смотрели, какой человек национальности», «главное, чтобы человек был хороший»¹¹².

Распад Советского Союза переформатировал постсоветское пространство, исключив из социальных и политических практик понятие «советский гражданин», обозначив крах этого политического конструкта. Однако перестали ли быть «советскими» те миллионы людей, которые были социализированы во времена расцвета советского государства? Влияет ли как-то их «советскость» на качество межнациональных отношений и национальную политику в каждом из вновь образованных «постсоветских» государств? Как долго этот багаж или ресурс «советскости» будет функционировать и влиять на повседневные практики обычных людей и

---

¹⁰⁹ «Советский опыт был не так уж и плох». Интервью с профессором Джеффри Хоскингом // Неприкосновенный запас. 2011. № 4(78). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/i15.html> (дата обращения: 17.04.2012).

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Головнев А.В., Зевако Ю.В. Русские и татары Среднего Урала: опыт локального исследования идентичности // Уральский исторический вестник, 2007. № 4(21). С. 149–151.

¹¹² Материалы этнографических экспедиций 2008–2009 гг. и 2009–2010 гг. под руководством А.В. Головнёва по гранту РГНФ-Урал. № 08-01-83113а/У «Идентичность современного русского и татарского населения Урала: этнография и визуальная антропология», в которой автор статьи принимала участие в качестве главного исполнителя.

официальную политику государств? Помогает или мешает «советскость» строительству новых государств-наций?

Обзор исследовательской литературы и собственные полевые исследования автора позволяют выделить следующие маркеры/критерии советскости [как политики стирания различий]:

1) общая стандартизированная система социализации на русском языке (в результате на всём советском пространстве усваивались одни и те же символы, герои и культурные коды¹¹³);

2) нерелигиозное сознание (религиозность вытеснялась из повседневной жизни представителей самых разных конфессий, выхолащивалась и в лучшем случае оставалась в виде обрядоверия);

3) создание среды, активизирующей и поощряющей межэтнические браки (часто приводившие к взаимному погашению как религиозных, так и этнических различий на фундаменте общей советской культуры);

4) интернационализм («не важно, какой человек нации, главное, чтобы человек был хорошим»);

5) профессионально-трудовая праздничная культура (акцент в официальном праздничном календаре на общесоветские и профессионально-трудовые праздники).

Таким образом, «советскость» понимается нами в контексте данной работы как ориентация на интернационализм на основе общих советских ценностей, символов, героев и пр., выраженных на русском языке, а ресурс «советскости» – как усвоенные в советское время языковые, брачные, межнациональные и т.п. модели мышления и поведения, после распада СССР продуцирующие самое себя.

Рассмотрим основные элементы ресурса «советскости» в условиях современного этнополитического развития постсоветского пространства.

К важнейшим ресурсам, оставленным Российской империей и советским периодом в наследие новым независимым государствам, относится русский язык. В 2008 г. фондом «Наследие Евразии» в рамках межстранового комплексного исследования с участием партнеров из стран СНГ и Балтии был подготовлен доклад «Русский язык в новых независимых государствах»¹¹⁴, в котором были представлены следующие данные.

---

¹¹³ В ряде постсоветских независимых республик мифы, символы, герои, сконструированные в советское время и в контексте советской национальной политики, на рубеже 1980-х – 1990-х гг. национальными элитами в пику общесоветской надэтнической политической идентичности стали знамёнами независимости, суверенности и самобытности.

¹¹⁴ *Гаврилов К., Козиевская Е., Яценко Е.* Русский язык на постсоветских просторах // ДЕМОСКОП weekly. 2008. № 329-330. 14–27 апреля. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema01.php>. (дата обращения 10.06.2012). Четырёхлетняя давность исследования ни в коем случае не умаляет его значимости, поскольку ни отечественные, ни зарубежные учёные не проводили больше таких масштабных и комплексных исследований положения русского языка на постсоветском пространстве.

Несмотря на то, что на всём постсоветском пространстве русский язык сохранился как основной или вспомогательный инструмент коммуникации, в новых независимых государствах он практически однозначно воспринимается как «советский язык», жёстко ассоциируясь с советским бытием данных государств: «Русский язык для новых независимых государств (включая Россию) является, по сути, не русским, а советским языком, языком СССР и советского народа. В этой своей функции он и достался новым независимым государствам»¹¹⁵. На постсоветском пространстве он выполняет две основных функции: во-первых, языка межнационального общения (как временного средства коммуникации – до полного/почти полного вытеснения собственно национальным языком), и, во-вторых, идеологического конструкта для «размежевания с советским прошлым и выстраивания символического (национально-исторического) суверенитета. Эта идеологическая составляющая превращает русский язык в объект целенаправленного вытеснения, сдерживаемого лишь масштабами потребности в нем как в замещающем, временном средстве общения»¹¹⁶.

Обозначенные функции, соединённые обратной связью, как индикатор показывают ресурс «советскости» для каждой конкретной территории и его пределы.

Ответы на вопросы о степени владения русским языком, о необходимости/отсутствии необходимости расширения его изучения в школе, о функциях, выполняемых русским языком в жизни новых суверенных государств и их граждан позволил авторам исследования выделить три группы государств: 1) Белоруссия, Казахстан, Украина, где распространённость русского языка достаточно высока (значительная часть населения владеет русским языком, использует его в сферах общения, читает прессу и книги на русском языке; при этом население этих стран не испытывает потребности в повышении уровня владения русским языком, поскольку владеет им в достаточной степени); 2) Азербайджан, Грузия, Латвия, Литва и Эстония, для которых, напротив, характерна низкая распространённость русского языка (русский язык вытеснен титульным из основных сфер общения, при этом те, кто не знает русского языка или может на нем только объясниться, составляют около половины населения; достаточно низкий уровень владения русским языком устраивает жителей этих государств); 3) Армения, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, выделяющиеся сравнительно высокой потребностью в изучении русского языка на фоне сужения русскоязычного пространства, соответственно,

---

¹¹⁵ Русский язык - советский язык? // ДЕМОСКОП weekly. 2008. № 329-330. 14–27 апреля. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema01.php> (дата обращения: 10.06.2012).

¹¹⁶ Там же.

население положительно относится к расширению преподавания русского языка в школах страны и к мерам поддержки языка со стороны России¹¹⁷.

Таким образом, за последние двадцать лет произошёл значительный разрыв некогда единого языкового пространства. В наибольшей степени в этом преуспели Азербайджан, Грузия и страны Прибалтики, вписавшиеся в иные цивилизационные проекты, в меньшей – Белоруссия, Казахстан, Украина, тесно экономически и демографически связанные с Россией. Армения, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, не сумевшие построить самодостаточных экономических систем и вписаться в иные цивилизационные проекты, вновь ориентируются на Россию.

В Белоруссии и государствах Средней Азии «советскость» проявляется особенно ярко. М. Флорин подчёркивает, что «в Киргизии прежняя советская идентичность остается важной частью повседневности, и многие представители элиты действительно верят, что подчеркивая общность постсоветских людей, они получают мощный инструмент национального строительства, позволяющий предотвратить рост националистических настроений и межнациональные конфликты»¹¹⁸. Собирая интервью среди местных интеллектуальных элит и простого населения, М. Флорин отметил, что многие респонденты «даже теперь все еще ощущают себя советскими, нередко ссылаются на особые узы, роднящие постсоветских людей», к которым относят не только абстрактное понятие «советской культуры», но конкретный факт владения общим языком – русским, что до сих пор очерчивает «не исчезнувшее проявление Советского Союза как воображаемого культурного сообщества русскоговорящих»¹¹⁹. Однако, сам автор указывает, что многие респонденты понимают непрочность и ограниченность «ресурса советскости», приводя в пример следующее высказывание А. Князева, русского историка, живущего в Киргизии: «Я думаю, что это [взаимосвязь бывших советских людей] уже уходит. Чисто в возрастном плане, поколении»¹²⁰.

Эти наблюдения подтверждают и другие исследования. Несмотря на то, что довольно успешная политика СССР по созданию единого языкового пространства на базе русского (= советского) языка не привела в Киргизии к всплеску межнациональных браков: согласно данным переписи 1999 г. только 10,8% всех семей Киргизии были этнически смешанными, из них 5% - киргизских семей, в которых одну треть составляют семьи с брачными партнёрами-казахами, столько же с брачными партнёрами-узбеками и лишь 15% всех смешанных семей киргизов (0,4% от всех семей в Киргизии)

---

¹¹⁷ Отношение к русскому языку: три типа стран // ДЕМОСКОП weekly, № 329-330, 14 – 27 апреля, 2008. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema08.php> (дата обращения: 10.06.2012).

¹¹⁸ Флорин М. Элиты, русский язык и советская идентичность в постсоветской Киргизии // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/fl17.html> (дата обращения: 25.05.2012).

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

состоят из киргизов и русских, – тем не менее, как отмечает В. Хауг, с переписи 1989 г., начала периода значительного сокращения численности русского населения, присутствие русского языка не уменьшилось (39% населения по опросу 2006 г. владеют русским языком и 26% обучаются на русском языке¹²¹), и «Киргизия остается частью русской культурной сферы по характеристикам своей системы образования и общения. Русский язык остается языком межнационального общения как внутри, так и за пределами страны»¹²².

В. Хауг также, как и М. Флорин, обращает внимание на поколенческое измерение «ресурса советскости», подчёркивая, что «для народов Средней Азии система образования оказывает решающее влияние на умение говорить на других языках, особенно на русском»¹²³.

Схожая ситуация наблюдается в Узбекистане. Е. Абдуллаев, проживая в Ташкенте и наблюдая ситуацию изнутри, пишет, что «русский язык, потеряв прежний статус и значительное число носителей, в целом проявил значительно бóльшую устойчивость, чем это могло прогнозироваться в начале 1990-х гг. Хотя русский был формально уравнен с языками других нетитульных народов, сегодня в Узбекистане он остается вторым, после узбекского, языком... Значительная часть делопроизводства в министерствах и ведомствах продолжает осуществляться на русском языке... Преимущественно на русском языке готовятся законопроекты и проекты постановлений, договоров и так далее... Двухязычной остается и информационно-культурная сфера (в основном телевидение, интернет и коммерческая реклама)... Сохраняются позиции русского языка в образовании. На русском языке ведется преподавание в 8% школах по республике (38% – в Ташкенте), причем количество учащихся, обучающихся в русских классах, за последние годы даже возросло»¹²⁴.

Примечательно, что причины устойчивости позиций русского языка и, как следствие, «ресурса советскости» на территории современного Узбекистана Е. Абдуллаев видит в том же, что В. Хауг, и респонденты Е. Флорина: «Одна из основных причин этой устойчивости, на наш взгляд, – поколенческая. В 1990-е и 2000-е годы вступили в период социальной активности те поколения, детство которых пришлось на 1970-1980-е годы, когда преподавание русского языка было одним из приоритетов ветшающей,

---

¹²¹ Нужно ли образование на русском языке? // ДЕМОСКОП weekly. 2008. № 329-330. 14–27 апреля. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema05.php> (дата обращения: 10.06.2012).

¹²² Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии // Население Кыргызстана / Под ред. З. Кудабаева, М. Гийо, М. Денисенко. Бишкек, 2004. С. 109-157.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Абдуллаев Е. Русский язык: жизнь после смерти. Язык, политика и общество в современном Узбекистане // Неприкосновенный запас. 2009. № 4(66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ab21.html> (дата обращения: 25.05.2012).

но все еще мощной советской системы образования»¹²⁵. И если сегодня, в силу поколенческого измерения советскости, русский язык ещё довольно востребован в Узбекистане и пока сохраняет свои позиции как язык внутрирегиональной (среднеазиатской) коммуникации, то сколь долго продлится его «жизнь после смерти» и чем он станет через двадцать-тридцать лет – когда на историческую сцену выйдут поколения, социализированные в новом национальном Узбекском государстве, на родном языке, – автор загадывать не спешит¹²⁶.

Не менее интересные проявления «советскости» исследователи фиксируют в Казахстане. С. Уалиева и Э. Эдгар подчёркивают, что «многое в политической и культурной жизни страны и по сей день определяется советским наследием», к которому они относят, прежде всего, степень функциональной распространённости русского языка и отношение к межнациональным бракам¹²⁷. Авторы отмечают, что «в республиках, в том числе и в Казахстане, у людей имелись серьезные основания, чтобы в совершенстве овладеть русским. Русский был языком межнационального общения по всей стране, и во всех без исключения национальных школах он преподавался как второй язык. Русский открывал возможности для получения высшего образования; карьеру в руководящих органах без свободного владения русским сделать было невозможно». Таким образом, к концу советского периода «в Казахстане 64% казахов свободно владели русским; в городах многие ходили в русские школы и казахского практически не знали». Более того, «не только язык, но и общая культура многих казахов были ориентированы на все советское, то есть в основном на все русское»¹²⁸.

Соответственно, существование общего языка способствовало заключению межнациональных браков. По данным советской переписи, доля смешанных семей в Казахстане выросла с 14,4% в 1959 г. до 23,9% в 1989-м¹²⁹. Поскольку «в советское время в Казахстане не было отчетливо сформулированной многонациональной или «смешанной» идентичности, да и сейчас она существует разве что в зачаточной форме... те, кто был воспитан в духе советского интернационализма, нередко вообще отрицают свое «смешанное» происхождение, – они предпочитают считать себя «советскими людьми» и прочно связывают свое «я» с русской и советской

---

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Уалиева С., Эдгар Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (дата обращения 25.05.2012).

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Сусоколов А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С. 140.

культурой...В основном, это характерно для тех, кто вырос в 1960–1970-е годы»¹³⁰.

Эти даты не случайны. Согласно А.В. Костиной и Т.М. Гудима, законы «овладения культурной матрицей являются объективными и не поддаются форсированию. Полная аккультурация осуществляется в течение трёх поколений, при этом представители второго и, особенно, первого поколения выступают в качестве своеобразных культурных маргиналов»¹³¹. Поколения, социализированные в 1960-х – нач. 1980-х гг., были тем самым «третьим поколением», которое вполне усвоило максимум советского интернационализма: «главное, не кто ты по национальности, а чтобы человек был хороший».

Безусловно, националистический подъём после распада СССР значительно повлиял на языковую политику Казахстана и популярность межэтнических браков. Так, «доля смешанных браков снизилась с 21% в 1999 году до 18% в 2008-м, в то время как доля казахов в общей численности населения выросла – между 1989-м и 2009 годом с 40,1% до 63,1%... [Одновременно наблюдается] постепенное ослабление роли русского языка как языка межнационального общения внутри республики»¹³².

В этой связи фактическое соотношение количества обучающихся на русском языке, свободно владеющих русским языком и собственно доли русских в пределах постсоветского пространства наглядно показывает поколенческое измерение языкового ресурса советскости и его будущие пределы и границы (см. таблицу 1)¹³³.

	Доля обучающихся на русском языке, %	Доля владеющих русским языком, %*	Доля русских, %
Белоруссия	75	77	11
Казахстан	41	63	30
Украина	25	65	17
Латвия	27	55	30
Эстония	24	35	26
Киргизия	23	38	12,5
Азербайджан	11	26	2
Грузия	5	27	1,5

¹³⁰ Уалиева С., Эдгар Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (дата обращения 25.05.2012).

¹³¹ Костина А.В., Гудима Т.М. Культурная политика современной России: Соотношение этнического и национального. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 77.

¹³² Уалиева С., Эдгар Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (дата обращения 25.05.2012).

¹³³ Нужно ли образование на русском языке? // ДЕМОСКОП weekly. 2008. № 329-330. 14–27 апреля. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema05.php>. (дата обращения: 10.06.2012).

Литва	4	20	5
Узбекистан	3	27	5
Таджикистан	2	28	1
Армения	1	30	0,5
Молдавия	н/д	50	6

Таблица 1. Соотношение количества обучающихся на русском языке, свободно владеющих русским языком и собственно доли русских в бывших республиках СССР по состоянию на 2008 г.

Данные, представленные в таблице, показывают, что в Белоруссии и Казахстане значительная часть населения свободно говорит по-русски, и именно в этих странах большая доля обучающихся на русском языке. Однако в Казахстане на русском языке обучается уже менее половины учащихся школ, что стало результатом значительного сужения сферы образования на русском языке. Напротив, в Армении, Таджикистане, Грузии, Литве и Узбекистане доля населения, владеющего русским языком, сравнительно небольшая. На данный момент возможность получить образование на русском языке в этих странах практически отсутствует: здесь мало или вообще нет русских школ и доля обучающихся на русском минимальна. В других странах имеется противоречие между уровнем владения русским языком и возможностью получать образование на нем. Наиболее ярко это видно на примере Украины: здесь больше половины населения владеет русским языком, тогда как в настоящее время образование на русском получает лишь каждый четвертый учащийся школ¹³⁴.

Всё это свидетельствует об одном – со временем уровень владения русским языком достаточно существенно снизится, функциональная сфера русского языка значительно сузится, следовательно, через одно-два поколения ресурс советскости исчерпается и вместе с ним рассеются возможности интеграции на базе общих ценностей и смыслов.

С точки зрения построения национальных независимых государств указанные процессы являются вполне адекватными новой политической ситуации. Практически на всём постсоветском пространстве идёт процесс (с той или иной степенью интенсивности) построения «наций-государств» европейского типа – со своими символами, историей, мифами, языком и т.д., где за основу, за общий знаменатель – при всей их многонациональности – берётся «титовская нация», её история, язык, мифы и символы. Более того, одной из основных задач такого нациестроительства главам государств видится «изживание» «советскости» (языковой, культурной и т.д.) своих граждан и переориентации на собственные национальные ценности.

Желание сформировать собственную суверенную политическую идентичность, используя для этого маркеры языка, религии и этничности (понимаемой в классическом смысле «крови») в противовес унифицирующей советскости и отталкиваясь от неё – это также вполне естественный процесс, позволяющий в более короткое время преодолеть бремя советской общности,

¹³⁴ Там же.

чтобы происходило «преодоление *себя* в прошлом, «переориентация собственной идентификации, когда прошлое «мы» превращается в «они», и, таким образом, отталкиваясь, отграничиваясь от него, строится новое, иное «мы»»¹³⁵.

Переориентация с интернационализма на «национализм» заметно изменила не только языковой, но, как следствие, культурный, религиозный и этнический ландшафт новых государств – на бытовом уровне нередко даже вопреки желаниям простых людей. «Националистический дискурс» в каждом из постсоветских государств, исходя из присущего ему «запроса на различия», стал предъявлять своим гражданам требования соответствия «истинному представителю своей нации»: быть «настоящим» казахом, узбеком, таджиком теперь означало знать свой язык, быть правоверным мусульманином (при этом мера правоверности определялась исключительно самими «националистами»), придерживаться национальных обычаев и традиций, держаться «своих» – то есть проявлять к «своим» изначально большую лояльность, чем к представителям другой нации. То же касается и христианских Армении, Грузии, Украины, Белоруссии, Прибалтийских государств, только с акцентом на православии, католичестве или протестантизме.

Такая политика «десоветизации», направленная на скорейшее преодоление «ресурса советскости», безусловно, большее всего ударила именно по «советским поколениям» своих государств – людям, которым в 1990-е гг. было по 20–40 лет.

С. Уалиева и Э. Эдгар указывают на «не очень комфортное положение русифицированных казахов в современном Казахстане». Хотя они и составляют довольно большую часть населения, причем принадлежат в основном к городскому и наиболее образованному слою, сейчас им нередко приходится ощущать свою второсортность. Исследователи подчёркивают, что «лингвистическая стратегия, которая должна была обеспечить им высокое общественное положение в Советском Союзе, в некоторой степени ограничила их возможности в постсоветскую эпоху, [поскольку] ... в постсоветский период государство предприняло попытку возрождения казахского. Возросла его роль в образовании и рабочем процессе, знание казахского требуется от всех сотрудников государственных органов. Это усложнило жизнь казахам и выходцам из смешанных семей, с детства говорившим в основном по-русски (или даже только по-русски). Уничижительное определение “шала-казах”, буквально означающее “полуказах”, сегодня применяется не столько к людям смешанного

---

¹³⁵ Шор-Чудновская А. Понять постсоветского человека // Неприкосновенный запас. 2009. № 6(68). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/an16.html> (дата обращения: 04.06.2012).

происхождения, сколько к русифицированным в языковом и культурном плане этническим казахам»¹³⁶.

С той или иной степенью жёсткости подобные процессы проходят по всему постсоветскому пространству. В качестве двух полярных моделей выступают Прибалтийские республики и Белоруссия.

В 2012 г. Центром Европейских исследований был осуществлён проект по изучению дискриминации русских в странах Балтии, получивший воплощение в одноимённом сборнике статей¹³⁷. Авторы отмечают, что «в бывших советских прибалтийских республиках – Латвии, Литве и Эстонии – на рубеже 1980-х – 1990-х гг. к власти пришла бюрократия, состоявшая, в основном, из представителей титульных национальностей, которая предложила своим соплеменникам проект построения этнически чистых обществ. Средством реализации этого проекта была выбрана политика силового вытеснения основной массы нетитульных национальностей за границу и ассимиляции оставшихся – то, что в современной политологической литературе называется термином «этнократия». Более того, авторы указывают, что при всех различиях, «балтийские этнократические системы схожи между собой и выполняют одну функцию – обеспечение господства титульной бюрократии»¹³⁸.

Несмотря на то, что в Латвии русским сейчас идентифицирует себя около 40%, в Эстонии около 30% и в Литве около 10% населения, и совокупная численность русских составляет в рассматриваемых странах около полутора миллионов человек, в странах Балтии принудительно вытесняется русский язык из официальной сферы употребления, запрещается преподавание на нем в государственных высших и средних специальных учебных заведениях, ограничивается преподавание на нём в средних школах, создаются условия, стесняющие развитие русскоязычной информационной среды и т.д.¹³⁹

Напротив, в Белоруссии – единственном из всех постсоветских государств (за исключением, собственно, России) – русскому языку по референдуму 1995 г. придан статус второго государственного. При этом «оба языка [каждый по-своему]... престижны. Белорусский – как один из государственных символов (как герб, флаг, гимн), в Минске и отчасти в областных городах – как элитарный язык национально ангажированной интеллигенции. Русский – как язык повседневного общения горожан, основной язык образования, власти, СМИ, Интернета, книг и, конечно, как

---

¹³⁶ Уалиева С., Эдгар Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (дата обращения 25.05.2012).

¹³⁷ Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления / Под ред. А. Гапоненко. Москва–Рига, 2012. С. 5.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 6.

язык, с которым не пропадешь за границами Беларуси»¹⁴⁰. Плотное присутствие русского языка в жизни обычных белорусов привели к осознанию, по мнению Н. Мечковской, двух вещей: 1) суверенитет не зависит от того, какой язык преобладает в Беларуси; 2) белорусская культура не сводится к текстам и коммуникации на белорусском¹⁴¹. Такая позиция помогает более мирно и бесконфликтно преодолеть болезненные расколы постсоветского наследия.

Принципиальным моментом в процессе «десоветизации» во всех постсоветских государствах выступает «политика памяти», имеющая воплощение в официальном праздничном календаре и памятных датах¹⁴².

Очевидно, что наиболее радикальный разрыв с советским наследием характерен для Прибалтийских государств, в праздничном календаре которых не осталось ни одного общего с другими бывшими советскими республиками праздника (не считая Нового года, смысловая нагрузка которого никак не перекликается с их советским прошлым). Небольшим исключением является Латвия, в которой 8 марта и 1 мая ещё по советской традиции празднуются Международный женский день и Праздник труда (День труда) соответственно. В то же самое время, события, связанные с противопоставлением и борьбой с советской властью, с русским присутствием, возведены в ранг государственных праздников и памятных дат. В Латвии к таковым относятся День памяти защитников баррикад 1991 года, которые боролись против советских институтов власти в уже независимом государстве, День памяти жертв коммунистического геноцида, посвящённый депортации сорока трёх тысяч человек из Латвии в Сибирь в 1949 г., День памяти бойцов за свободу Латвии, посвящённый событиям августа 1920-го года, когда Советская Россия признала независимость Латвии.

В Эстонии и Латвии отмечается общая дата – День памяти жертв коммунистического террора в Латвии и Эстонии, связанный с депортациями представителей этих народов в Сибирь в июне 1941 г. Помимо этого, в Эстонии к национальным памятным датам отнесён День памяти борцов Освободительной войны, посвящённый войне за освобождение и независимость эстонского народа против Советской России и закончившейся подписанием 2 января 1920 г. Тартуского договора (вступившего в силу 3 января), согласно которому Россия навсегда отказалась от каких-либо претензий к Эстонскому государству.

В официальном календаре Литвы особо отмечены такие даты, как День памяти защитников свободы, посвящённый событиям января 1991 г., когда

---

¹⁴⁰ Мечковская Н. Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80) URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/m16.html> (дата обращения: 17.04.2012).

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Все данные взяты с сайта <http://www.calend.ru/holidays> применительно к каждому государству.

советские войска предприняли попытку при поддержке танков захватить телевизионную башню, и в «борьбе за независимость» погибли 14 мирных жителей; День чёрной ленты, когда в память о трагическом по своим последствиям не только для всего мира, но и, в первую очередь, для Прибалтийских государств, пакте Молотова-Риббентропа, заключённого 23 августа 1939 г., уже более десяти лет в Литве приспускают государственные флаги и повязывают на них чёрные ленточки. Необходимо отметить, что в Литве поощряется обращение к своему славному прошлому – временам Великого княжества Литовского: День коронации Витаутаса Великого [который унией 1385 г. под одной короной объединил Польшу и Литву] и благодарения за защиту независимости и свободы Литвы и День битвы при Жальгирисе (таково местное название селения Грюнвальд), когда в Восточной Пруссии объединенное польско-литовское войско разгромило рыцарей Тевтонского ордена.

В остальных постсоветских государствах подобного разрыва не наблюдается и «ресурс советскости» ещё весьма ощутим: 23 февраля как нерабочий праздничный день остался в календарях России (День защитника Отечества), Белоруссии (День защитников Отечества и Вооруженных Сил Республики Беларусь), Таджикистана (День национальной Армии) и Киргизии (День защитника Отечества); 8 марта как Международный женский день или День женщин (Беларусь) отмечается везде, кроме Таджикистана, Эстонии, Литвы, Молдавии и Киргизии; не исчезла из праздничного календаря и дата 1 мая как праздник Весны и труда, День труда, Всемирный день трудящихся помимо России в Белоруссии, Таджикистане, Армении, Украине и Молдавии (в Казахстане он отмечается как праздник единства народа Казахстане); до сих пор одной из центральных красных дат практически на всём постсоветском пространстве остаётся 9 мая – День Победы (День победы и мира в Армении, День победы над фашизмом в Азербайджане), который не празднуется только в Прибалтийских республиках, Таджикистане, Туркмении и Молдавии. В Киргизии до сих пор отмечают 7 ноября как День Великой Октябрьской Социалистической революции.

Остальные государственные праздники так или иначе продиктованы «националистическим дискурсом» (как в этнокультурном, так и в гражданском смысле), мобилизующим, прежде всего, этничность и религиозность как основные маркеры отличительности. Так в ранг государственных в христианских государствах постсоветского пространства возведены такие праздники, как Рождество/Православное Рождество (Россия, Белоруссия, Украина, Грузия, Армения), Пасха (Белоруссия, Украина, Грузия, Армения), Католическое Рождество (Латвия, Литва, Эстония), Католическая (Эстония) и Лютеранская (Латвия) Пасха и др. В мусульманских республиках в том или ином виде в обязательный набор красных дат календаря входят Наурыз, Курбан и Рамадан (Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан). Весьма примечательно, что в Казахстане и

Киргизии на равных правах в государственном праздничном календаре стоят как христианские (Рождество), так и мусульманские (Наурыз, Курбан и Рамадан) праздники, косвенно указывая на вполне советскую модель мышления в стиле «дружбы народов».

Особо бросается в глаза обилие праздников «независимости» и связанными с этим символами – Конституцией, флагом, языком, столицей и т.п. В Азербайджане отмечаются День Республики, День национального спасения азербайджанского народа, День Конституции, День государственного флага, День национального возрождения и День солидарности азербайджанцев мира, В Казахстане – Праздник единства народа Казахстана, День столицы, День независимости и День Конституции, в Литве – День восстановления Литовского государства, День восстановления независимости Литвы, День государственности в Литве (то же в Латвии и Эстонии) и т.п.

Необходимо отметить, что осуждение советского опыта имеет место не только в прибалтийских государствах: так, в Узбекистане, Армении, Украине, Кыргызстане отмечаются дни памяти жертв политических репрессий; на Украине – вместе с тем – День памяти жертв голодомора; в Азербайджане – День всенародной скорби, связанный с событиями «Чёрного января» в Баку в 1990-м г., когда в результате «отстаивания независимости» пострадало более пятисот человек.

Даже в Белоруссии, для которой характерна скорее «постэтническая» стадия развития сообщества, когда «национальность» перерастает в «гражданство» и скрепляется не языком и не этничностью, но общей организацией жизни на своей земле, в своем государстве», исследователи отмечают, что «время, сама жизнь... работают на суверенитет: свои, отдельные от российских, законы; свои праздники, все более не совпадающие с красными датами в России; свои границы, деньги, штрих-код, пластиковые карты... Своя армия – без службы в чужих горячих точках... Все реже в Беларуси слова «мы», «наши» означают, как раньше, «мы вместе с Россией»; все чаще – «мы сами», «мы отдельно от России», «мы в отличие от России»»¹⁴³.

Сама Россия на «руинах бывшей империи» оказалась в несколько более сложной ситуации. Как и другие государства постсоветского пространства, по сравнению с Советским Союзом в целом современная Российская Федерация стала более мононациональным государством (по данным переписи 1989 г. русские в СССР составляли 50,8%¹⁴⁴, а по переписи 2002 г.

---

¹⁴³ Мечковская Н. Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80) URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/m16.html> (дата обращения: 17.04.2012).

¹⁴⁴ Официальный сайт Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1 (дата обращения 10.06.2012).

русские в РФ составляли 79,8%¹⁴⁵) и декларативно также объявила после распада Советского Союза курс на формирование «государства-нации». Однако в реальности данный курс практического воплощения не находит.

Для формирования нации-государства даже в самом многонациональном сообществе необходима этническая основа, становящаяся для остальных народов общим знаменателем. Политика «коренизации» показала, что при отсутствии центра и центростремительных сил неизбежно возникают центробежные тенденции. Поощрение местных национализмов неизбежно приводит к стремлению местных элит к государственной самостоятельности. Угроза распада молодого государства предопределила переход в 1930-е гг. к русификации, а после окончания Великой Отечественной войны – признанию ведущей роли русского народа и русского языка, подразумевая под ними стержень советской культуры, фундамент для строительства советской политической идентичности за вычетом этнической идентификации, которая в паре русский–советский несколько затушёвывалась в пользу последнего¹⁴⁶.

Формирование «советскости», «советского человека» – в реальности которого большинство исследователей не склонны сомневаться – потребовало использования множества технологий формирования надэтнической политической идентичности, разработки специальных механизмов и вложения значительных ресурсов. Эффект от такой социальной инженерии проявлялся не сразу, что восполнялось эффективностью и объединяющим потенциалом, собственной ресурсностью новой идентичности.

Несмотря на все вышеперечисленные обстоятельства, в России до сих пор не признан государствообразующий характер русского народа на территории всей страны – дискурс о роли и месте русского народа, русских в современной России неизбежно маркируется как националистический и маргинальный, выводится на периферию общественного сознания, порождая глухое недовольство среди, в первую очередь, простого населения. Власти, не озвучивая роль русского народа в построении современной России как государства-нации в качестве стержня искомой новой политической идентичности, неизбежно вынуждены обращаться к фантомам прошлого, которое, на их взгляд, ещё обладает интегративным потенциалом. Однако, на наш взгляд, здесь совершается глубокая ошибка: власти пытаются эксплуатировать для интеграции современного российского общества старый конструкт – «советскость», который существует как маркер, как

---

¹⁴⁵ Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=11&docid=10715289081463> (дата обращения 10.06.2012).

¹⁴⁶ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. Пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

воспоминание, как ностальгия¹⁴⁷, но не как наполненное плотным внутренним смыслом, продуцирующим самое себя в новых поколениях. Другими словами, власти, пытаясь эксплуатировать угасающий феномен и исчерпаемый ресурс, границы которого чётко очерчены границами постепенно уходящих с исторической сцены поколений, социализированных в 1960-е – нач.1980-х гг., занимаются имитацией, у которой «нет другой цели, кроме самой имитации, то есть поверхностного, механического копирования без освоения образца и его смысла, без подлинного развития»¹⁴⁸.

Безусловно, нельзя не согласиться с весьма глубокими замечаниями И. Калинина о характере такой имитации и ностальгии «советского»: сегодня «мы имеем дело не с чистой ностальгией и отыгрывающим ее интенцию возвращением утраченного объекта, а с политикой, направленной на позитивное перекодирование ностальгии по советскому прошлому в новый российский патриотизм, для которого *советское* практически полностью лишено какой-либо исторической специфики, являясь частью общего культурного наследия... ключевым моментом здесь является не сама ностальгия, а позитивная канализация ее энергии, перевод изначально политически нагруженного языка советских символов на политически нейтральный язык общего культурно-исторического наследия, абсорбирование советского прошлого в общем прошлом российской государственности и, еще шире, – русской культуры (опознаваемой как неотъемлемая часть государственности)...»¹⁴⁹. Исследователь отмечает, что в таком контексте «советское прошлое перестает быть моментом актуального идеологического выбора, приводящего к политическому размежеванию, и становится основой для общественного консенсуса, переваривающего любые различия и преодолевающего любые разрывы»¹⁵⁰.

В предложенной нами системе понятий идеологическая выхолощенность как «основа для общественного консенсуса» становится ещё одним воплощением «ресурса советскости», однако «позитивное перекодирование ностальгии по советскому прошлому в новый российский патриотизм» требует от власти не просто «нейтрализации политически нагруженного языка советских символов», а деятельной переработки советского опыта по формированию консенсусной общегражданской политической идентичности и оформления содержательного образца новой российской политической идентичности.

---

¹⁴⁷ Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Часть II // Вестник общественного мнения. 2010. № 2. С. 18.

¹⁴⁸ Шор-Чудновская А. Понять постсоветского человека // Неприкосновенный запас. 2009. № 6(68). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/an16.html> (дата обращения: 04.06.2012).

¹⁴⁹ Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/ka2.html> (дата обращения 10.06.2012).

¹⁵⁰ Там же.

Другими словами, современное состояние российской государственной национальной политики (этнополитики¹⁵¹) подводит нас к следующим выводам: современная Россия из советского опыта формирования политической надэтнической идентичности заимствует самое демократичное (поощрение развития местных культур и языков, поддержка этнических фестивалей, создание национально-культурных автономий, признание права за отдельными культурами на свободу самовыражения и т.д.¹⁵²), забывая о государственной составляющей (центральном аппарате управления, принуждения, регулирования и контроля), не анализируя и не используя те технологии, механизмы и ресурсы, которые позволили СССР сформировать довольно устойчивую и эффективную «советскость».

Кроме того, то, что для ныне независимых государств постсоветского пространства считается нормальным и естественным – обретение не только территориальной и политической, но и языковой, культурной самостоятельности за счёт мобилизации этничности «титულიной нации» и переформатирования символической сферы – политической элитой России осуждается или отрицается. В стране «так и не появились, не [были] выработаны новые целеполагающие и консолидирующие образы и идеи, к которым можно было бы стремиться общим усилием»¹⁵³, не были сформулированы новые убедительные центростремительные мотивации.

В итоге в современной России наблюдается вместо интеграции – фрагментация и обособление, в том числе по языковому принципу. Мобилизация этничности во внутривосточном пространстве в 1990-е гг. привела к печально известному «параду суверенитетов», некоторые национальные республики подняли вопрос о статусе языка своей «титულიной нации», нередко ставя его наравне с государственным русским языком, в том числе по объёмам изучения в школьных программах, к приоритету региональной идентичности перед гражданской общероссийской, и т.д. (Республика Татарстан¹⁵⁴, Республика Тува¹⁵⁵, Республика Башкортостан¹⁵⁶ и др.).

---

¹⁵¹ Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2011. Вып. 225. С. 3.

¹⁵² См.: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909 (с изменениями) // Российская газета. 1996. № 128. 10 июля. В 2005 г. по результатам работы специальной Межведомственной комиссии в концепцию были внесены некоторые коррективы. См.: Целищев Н.Н. Этнополитология: Учебно-методический комплекс. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2008. С. 151–160.

¹⁵³ Шор-Чудновская А. Понять постсоветского человека // Неприкосновенный запас. 2009. № 6(68). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/an16.html> (дата обращения: 04.06.2012).

¹⁵⁴ Соколовский С.В. Алфавиты и элиты: письменность в современной России как политический символ // Этнографическое обозрение. 2005. № 10. С. 3–18; Ходжаева Е. Татарский язык в школах Татарстана: общественные дебаты и мнение населения // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/ho19-pr.html> (дата обращения 10.06.2012).

Несмотря на кажущуюся целостность современного российского языкового, территориального, экономического и политического пространства после укрепления «вертикали власти» с 2000-х гг., обособление никуда не исчезло, а перешло из активной фазы в латентную плоскость. Интересны в этом отношении наблюдения журналистов общественно-политического издания «Русский Репортёр» в статье о дальнбойщиках: «Для людей «за большим рулем», которые на дороге проводят большую часть жизни, страна уже давно поделена на отдельные государства: Москву, национальные республики, Севера, Дальний Восток... Поначалу это ощущение полураспада несколько коробит, но это постепенно проходит: слишком много встречаешь доказательств того, что дальнбойщики правы... На трассе сегодня действительно каждый сам за себя. Это касается и людей, и территорий. Их объединяет только сама дорога. Пока она еще общая»¹⁵⁷. Вероятно, в этом «пока» тоже есть немалая заслуга «ресурса советскости».

Таким образом, «советскость» как ресурс на постсоветском пространстве в целом и в России в частности обладает следующими характеристиками:

1) во-первых, ярко выраженным поколенческим измерением. Приверженность советским ценностям и моделям поведения характерна для представителей поколений, социализированных в советское время, тогда как молодые поколения, социализированные в новых суверенных государствах в условиях мобилизации этничности и, как следствие, возвращения к производству и воспроизводству различий – языковых, культурных, религиозных – уже не мыслят себя в категориях «советскости» и советского интернационализма, скорее, наоборот – самодостаточности, суверенности и национализма; рассеивание «советскости» происходит в первую очередь в поколениях, а, значит, уход этого феномена с исторической сцены – дело времени, он неизбежен.

2) во-вторых, «советскость» выступает во всех государствах постсоветского пространства как идеологический конструкт для построения новых независимых национальных общностей по принципу «утверждения через отрицание» – утверждение своей новой государственности через отрицание своего советского бытия (авангардом мобилизованной этничности в первую очередь становился национальный язык – в противовес русскому языку как языку «советскому»). В 1990-е гг. Россия пошла по тому же пути, однако полем борьбы стало историческое прошлое – герои, символы, праздники и т.д., а не язык – инструмент коммуникации и доступа к информации, поэтому власть не смогла стать монополистом в производстве

---

¹⁵⁵ *Анайбан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2011. Вып. 227.

¹⁵⁶ *Шакурова Г.Р.* Этническая идентичность современных башкир: автореф. дисс. к.п.н. М., 2005.

¹⁵⁷ *Антипин В.* Бешеные эритроциты // Русский репортёр. 2011. № 1-2. URL: <http://rusrep.ru/article/2011/01/19/dalnoboy/> (дата обращения 22.05.2012).

новой символической сферы и в условиях дефицита положительных оснований для идентификации населения с Российской Федерацией стала воспроизводить прежнюю символическую сферу (герои, научные, культурные, спортивные достижения, победа в Великой Отечественной войне и освоение космоса, советский интернационализм и дружба народов, и т.д.), очистив её от коммунистической идеологии. Таким образом, правящие элиты России в 2000-е гг. совершили консервативный поворот и стали воспринимать «советскость» как реальный ресурс для построения новой политической национально-гражданской общности «россияне». Однако, импортируемые из прошлого смыслы и символы, выступающие в качестве брэнда, залакированной виртуальности, не способны создать и сцементировать новую политическую идентичность – «россияне». Властям необходимо заимствовать не ресурс-обложку, а ресурс-содержание – то есть анализировать и использовать те технологии, механизмы и ресурсы, которые позволили СССР сформировать довольно устойчивую и эффективную советскую политическую надэтническую идентичность, которая до сих пор обладает большим интегративным потенциалом как на внутрисоветском, так и на всём постсоветском пространстве.

3) Применительно к внутрисоветскому пространству «советскость» как ресурс обладает теми же характеристиками, что и на постсоветском пространстве в целом. О том, что это феномен уходящей эпохи и уходящих поколений, свидетельствует тот факт, что этничность, мобилизованная социально-политическими и экономическими пертурбациями начала 1990-х гг., по сей день является важным элементом в схеме идентичностей людей, и советский интернационализм, который гасил культурные различия и не всегда оказывался конкурентоспособен в сравнении с некоторыми «националистическими дискурсами», предъявляющими представителям своей национальности как критерии соответствия религию, язык и традиции.

В целом, сегодня ресурс «советскости» в контексте формирования политической идентичности в государствах постсоветского пространства продолжает оставаться актуальным фактором национальной политики. В одних государствах его активно пытаются преодолеть, в других, наоборот, стремятся использовать для консолидации общества. Важно понимать, что ресурс «советскости» пронизывает не только государственное, но общественное и бытовое измерение жизни граждан когда-то единой страны, именно поэтому он сохранил свое действие спустя более чем 20 лет после распада Советского Союза. Вместе с тем, степень его актуализации зависит от продолжительности социальной активности советского поколения и позиции правящей элиты – сохранять или разрушать «советское» в своих странах. В условиях поиска современной Россией эффективных стратегий и тактик национальной политики, формирования политической наднациональной идентичности в полиэтнической среде именно ресурс «советскости» как комплекс технологий и механизмов создания и развития политической идентичности может стать фундаментом формирования новой

российской идентичности и, принимая во внимание расширение геополитического влияния нашей страны на постсоветском пространстве, основой политической, социально-экономической и культурной интеграции ряда стран Содружества Независимых Государств.

Петров Д.Е.
аспирант
кафедры политических наук
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

Реформы спецслужб современной России в политико-ресурсном измерении

*Мы не отказались от своего прошлого, честно сказали: «История
Лубянки уходящего века — это наша история...»*
Н.П. Патрушев, 2000 г.¹⁵⁸

Политические аспекты реформирования спецслужб в постсоветской России по праву можно отнести к одному из наиболее интересных и противоречивых сюжетов отечественной политической истории. Именно от развития политико-ресурсного измерения реформ спецслужб зависит их политическая ресурсность, а значит, возможность влиять на политические процессы и принятие политических решений.

Спецслужбы в отличие от вооруженных сил и органов внутренних дел традиционно являются закрытыми структурами, о деятельности которых обыватель знает только то, что позволяет государство. Вместе с тем, спецслужбы обладают огромными ресурсами и значительными полномочиями, оказывают определяющее влияние не только на состояние национальной безопасности, но и на принятие политических решений, ход внутриполитических процессов в стране. Недостаточная в силу объективных и субъективных причин информированность населения о структуре, деятельности и результатах работы спецслужб порождает многочисленные мифы и стереотипы, многие из которых приобретают политический характер и влияют на общественное мнение. В то же время, современное российское общество желает и имеет право знать объективную информацию о политических, административных и иных процессах, протекающих в системе спецслужб нашего государства. Особенно это касается вопросов реформирования органов государственной безопасности и разведки в контексте общей модернизации российского государства, в том числе, преобразования его силового аппарата.

Реформы вооруженных сил и органов внутренних дел в последнее время стали одной из популярных тем как в средствах массовой информации, так и в специальной научной литературе – общество и эксперты активно обсуждают и анализируют ситуацию в этой сфере, а государство регулярно отчитывается перед населением о ходе реформирования. Не является тайной

---

¹⁵⁸ Интервью Н.Н. Патрушева в День чекиста // Комсомольская правда. 2000. 28 декабря.

для общества и предыдущая история реформы данных силовых структур в постсоветской России.

Совершенно другая ситуация сложилась с реформированием спецслужб (органов государственной безопасности, разведки и др.) – сообщения об их реформах эпизодически, специальная литература преимущественно иностранная, а история постсоветского развития достаточно противоречивая. Но при этом для понимания отечественной политики на современном этапе это один из ключевых сюжетов – именно на реформах спецслужб отчетливо демонстрируется взаимосвязь функциональных и политических аспектов реформирования при явном приоритете последнего. Более того, в политико-ресурсном контексте реформы спецслужб на определенном этапе развития страны это не часть модернизации, а наоборот, сама модернизация страны есть часть реформирования системы органов государственной безопасности – построение «вертикали власти» усилило не только позиции федерального центра, но и федеральных спецслужб¹⁵⁹. В этой связи стоит отметить, что некоторые зарубежные исследователи в негативном тоне высказывают идеи о том, что с начала 2000-х гг. в России стало формироваться государство спецслужб¹⁶⁰.

Актуальности исследованию политико-ресурсных аспектов реформирования спецслужб прибавляет рост протестной активности и оппозиционного движения в стране, требующие от власти новых шагов в направлении модернизации страны или усиления работы по линии политической полиции. Выбор во многом зависит от позиции отечественных спецслужб, которые как в советский период КГБ СССР был «передовым отрядом партии», так и сегодня являются передовым отрядом государства, оказывающим серьезное влияние на политические процессы. Но спецслужбы – очень консервативные структуры государства. Социолог М. Афанасьев называет «силовики» самой консервативной корпорацией власти, которая не заинтересована в каких-либо переменах¹⁶¹. Особенно спецслужбы не заинтересованы в тех изменениях самих себя, которые снижают их влияние и уменьшают политический вес. Все попытки реформировать консервативную систему спецслужб наталкиваются на жесткое и вполне эффективное противостояние с их стороны¹⁶². Важнейшая задача спецслужб – сохранение закрытости касты и ее влияния в стране. Цели государства оправдывают

---

¹⁵⁹ См.: *Солдатов А., Бороган И.* Новое дворянство. Очерки истории ФСБ. 2-е изд., дополн: авторизованный пер. с англ. О. Литвиновой. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.

¹⁶⁰ См.: *Грегори П.* Российская экономика: Путин и государство КГБ // Library of Economics and Liberty. 2011. 07 сентября. URL: <http://www.inosmi.ru/politic/20110907/174313686.html> (дата обращения 10.06.2012).

¹⁶¹ См.: *Хеда Р.* Служба не дружба // *Polityka* 2011. 29 января. URL: <http://inosmi.ru/politic/20120131/184366361.html> (дата обращения 25.05.2012).

¹⁶² См.: *Геворкян Н.* Спецслужбы против президента // *Коммерсантъ Власть*. 2002. №28 (481).

средства, но первым неписанным принципом остается лояльность к собственной корпорации¹⁶³.

Изучение развития процесса реформирования спецслужб в постсоветской истории России позволяет не только понять политическую специфику преобразований наиболее консервативных элементов государства, но выявить то, как менялся характер взаимодействия между правящим режимом и спецслужбами, обладающими значительным политическим потенциалом.

Для эффективного анализа процессов реформирования спецслужб в современной России в политико-ресурсном измерении необходимо снять терминологическую неопределённость, связанную с понятием «спецслужба». В публицистической и научной литературе выработано множество сущностных определений данного понятия, но в задачи данной работы не входит их глубокий и всесторонний анализ. Важнее – понять общие политико-функциональные контуры, отделяющие спецслужбы от армии и полиции.

В.А. Кренцов характеризует «спецслужбы» как неофициальный термин, который со второй половины XX в. используется в узком смысле «специальной службы для ведения разведывательных действий» или «организации, выполняющей специальные (разведывательные, охранные и т.п.) функции»¹⁶⁴. Одновременно с этим применительно к российской практике он расширительно трактует сущностное содержание спецслужб, относя к ним помимо ФСБ¹⁶⁵, ФСО¹⁶⁶, СВР¹⁶⁷, также и ФСКН¹⁶⁸, оперативные структуры МВД РФ¹⁶⁹ и ГРУ ГШ ВС РФ¹⁷⁰.

На наш взгляд столь расширительное толкование понятия «спецслужба», основанное на федеральном законодательстве об оперативно-розыскной деятельности¹⁷¹, с точки зрения политологического анализа не

---

¹⁶³ См.: *Хеда Р.* Служба не дружба // *Polityka* 2011. 29 января. URL: <http://inosmi.ru/politic/20120131/184366361.html> (дата обращения 25.05.2012).

¹⁶⁴ См.: *Кренцов П.А.* Спецслужбы в правовом государстве, участие граждан в работе спецслужб по реализации их прав в управлении государством // *Участие граждан в управлении делами государства: проблемы правового регулирования и реализации в условиях модернизации России: материалы междунар. Конституционного Форума (10 дек. 2010, г. Саратов). Выпуск 2. Саратов, 2010. С. 364-370.*

¹⁶⁵ Федеральная служба безопасности Российской Федерации.

¹⁶⁶ Федеральная служба охраны Российской Федерации.

¹⁶⁷ Служба внешней разведки Российской Федерации.

¹⁶⁸ Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков.

¹⁶⁹ Министерство внутренних дел Российской Федерации.

¹⁷⁰ Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

¹⁷¹ См.: *Кренцов П.А.* Спецслужбы в правовом государстве, участие граждан в работе спецслужб по реализации их прав в управлении государством // *Участие граждан в управлении делами государства: проблемы правового регулирования и реализации в*

эффективно, так как нарушает исторически сложившееся распределение функций между тремя главными элементами сектора безопасности – армией, полицией и специальными службами как самостоятельными органами разведки, контрразведки и политической полиции¹⁷². Очевидно, что ГРУ ГШ ВС РФ есть армейская структура, а оперативные службы МВД РФ и ФСКН представляют собой сугубо полицейские структуры и не могут однозначно быть отнесены к спецслужбам.

Г.А. Саркисянц также в своей монографии «Власть и спецслужбы»¹⁷³ довольно широко определяет специальные службы как «оснащенные специфическими техническими средствами для решения узкопрофессиональных задач подразделения, сформированные соответственно подготовленными членами данного сообщества»¹⁷⁴. Но сразу же конкретизирует: «Спецслужб много, но важнейшими из них являются органы разведки, контрразведки или политической полиции»¹⁷⁵.

Такая конкретизация в полной мере соответствует нашему подходу к определению спецслужб и, что более важно, позиции российского законодателя. Последний, не употребляя официального термина «спецслужбы», по вопросам правового регулирования прохождения военной службы по контракту всегда группирует вместе ФСБ РФ, ФСО РФ, СВР РФ и ССО при Президенте РФ¹⁷⁶. Например, приложение № 2 «Размеры окладов по типовым воинским должностям в Службе внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службе безопасности Российской Федерации, Федеральной службе охраны Российской Федерации и Службе специальных объектов при Президенте Российской Федерации, подлежащим замещению военнослужащими, проходящими военную службу по контракту» к постановлению Правительства Российской Федерации от 05 декабря 2011 г. № 992 «Об установлении окладов денежного содержания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту»¹⁷⁷.

Таким образом, условно можно утверждать, что для российского законодателя «спецслужбы» – это ФСБ РФ, ФСО РФ, СВР РФ и ССО при Президенте РФ¹⁷⁸. Такое понимание спецслужб соотносится и с взглядами

условиях модернизации России: Материалы междунар. Конституционного Форума (10 дек. 2010, г. Саратов). Выпуск 2. Саратов, 2010. С. 364-370.

¹⁷² См.: Хейвуд, Э. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. Под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. 2-е изд. М.: ЮНИТИ, 2005.

¹⁷³ См.: Саркисянц Г.А. *Власть и спецслужбы*, Ереван, 2005

¹⁷⁴ Цит. по: Люлечник В. Власть и спецслужбы. Часть I // Ракурс Истории. 2007. № 11. URL: <http://www.russian-globe.com/N68/Lulechnik.VLastISpetsssluzhbu1.htm> (дата обращения: 25.05.2012).

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Служба специальных объектов при Президенте Российской Федерации.

¹⁷⁷ Об установлении окладов денежного содержания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту: постановление Правительства Российской Федерации от 05 декабря 2011 г. № 992 // Российская газета. 2011. № 278. 09 декабря.

¹⁷⁸ Контроль и координацию деятельности ССО при Президенте РФ осуществляет Главное управление специальных программ Президента РФ.

западных исследователей сектора безопасности¹⁷⁹. Стоит отметить, что с точки зрения анализа внутривластных процессов и понимания политико-ресурсных аспектов реформирования спецслужб особый интерес представляет реформирование ФСБ РФ как основы системы органов государственной безопасности в современной России, чем и обусловлены некоторые акценты этой работы¹⁸⁰.

Важно понимать, что спецслужбы и их реформирование всегда находились в фокусе внимания правящей элиты. Ведь даже в демократически организованном обществе они имеют широкие возможности и значительные ресурсы для влияния на политический процесс. К примеру, современные политические технологии в Советском Союзе были впервые изучены сотрудниками КГБ СССР и учеными, работавшими по закрытым тематикам, контролировавшимися спецслужбами. Сегодня среди только докторов и кандидатов наук, имеющих значимые публикации по проблемам массовых коммуникаций, политического лидерства, избирательных технологий и т.п., более 15 человек – бывшие офицеры КГБ-ФСБ-СВР¹⁸¹.

Стоит отметить, что процесс преобразований спецслужб в постсоветской России по своей направленности во многом напоминает эволюцию системы государственной безопасности в СССР с момента создания КГБ СССР до ликвидации этой советской спецслужбы – от разделения и сокращения к укрупнению и усилению.

В истории постсоветской России, где можно выделить ряд общеизвестных крупных реформ системы спецслужб – 1991-1996 гг., 1997-2002 гг., 2003 г., 2004-2006 гг. и 2011 г.

В период с 1991 г по 1996 г. происходила ликвидация КГБ СССР и создавалась новая система российских спецслужб. Указом президента СССР от 28 августа 1991 г. была образована Государственная комиссия для расследования деятельности органов государственной безопасности, которую возглавил депутат Верховного Совета РСФСР С.В. Степашин. А 28 ноября 1991 г. она была преобразована в Государственную комиссию по реорганизации органов государственной безопасности¹⁸².

---

¹⁷⁹ Борн Г. и др. Парламентский контроль над сектором безопасности: принципы, механизмы и практические аспекты. Киев, 2004; Борн Г., Лей И. Подотчетность спецслужб: правовые нормы, опыт и рекомендации. Осло: Изд-во парламента Норвегии, 2005.

¹⁸⁰ В современной России термин «органы государственной безопасности» в официальных документах не применяется, но для политико-правовых исследований он представляется достаточно содержательным и емким. См.: Рыкунов В. Какие органы государственной безопасности нужны России? // Обозреватель – Observer. 1996. 10 декабря. URL: http://www.rau.ru/observer/N10-12_96/10-12_17.htm (дата обращения: 25.05.2012).

¹⁸¹ Жмыриков А. Чекисты побеждают и... проигрывают? // Ежедневное независимое аналитическое обозрение. 2004. 1 апреля. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2004/04/01/checkist/> (дата обращения 10.06.2012).

¹⁸² Хлобустов О. КГБ: страницы истории. URL: <http://www.chekist.ru/article/961> (дата обращения 25.05.2012).

Постановлением Государственного совета СССР от 22 октября 1991 г. КГБ СССР был упразднен, а на его базе планировалось организовать: Центральную службу разведки (ЦСР), Межреспубликанскую службу безопасности (МСБ) и Комитет по охране государственной границы СССР.

Однако, Указом президента РСФСР от 26 ноября 1991 г. № 233 КГБ РСФСР был преобразован в Агентство национальной безопасности (АНБ) РСФСР, а уже 19 декабря 1991 г. Б.Н. Ельциным был подписан указ о создании Министерства безопасности и внутренних дел – МБВД,

21 декабря 1993 г. Министерство безопасности было переименовано в Федеральную службу контрразведки (ФСР). Интересно, что в своем указе Б.Н. Ельцин написал: «Система органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ-МБ оказалась неререформируемой. Предпринимаемые в последние годы попытки реорганизации носили в основном косметический характер... Система политического сыска законсервирована и легко может быть воссоздана. 3 апреля 1995 г. ФСР переименована в ФСБ – Федеральную службу безопасности, вступают в силу Федеральный закон «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации»¹⁸³.

В 1997-2002 гг. происходит постепенно усиление ФСБ дополнительными структурными подразделениями и полномочиями, в том числе специального назначения и полномочиями.¹⁸⁴

В 2003 г. происходит радикальная перестройка силового аппарата государства с ликвидацией ряда силовых структур и перераспределением их полномочий в пользу ФСБ. 11 марта 2003 г. президент распускает ФАПСИ и Пограничную службу в качестве независимых госструктур. Пограничные войска включаются в состав ФСБ. ФАПСИ поделено между ФСБ и ФСО. В тот же день создается Управление авиации ФСБ. 30 июня 2003 г. в законодательство вносятся изменения, в соответствии с которыми в ФСБ создается специальное подразделение внешней разведки¹⁸⁵.

Стоит отметить, что реструктуризация органов государственной безопасности сопровождалась сокращением штата сотрудников, особенно, в период с 1991 г. по 1993 г. Негативное общественное мнение способствовало снижению престижа этой профессии, а сокращение государственного бюджета и инфляция привели к уменьшению зарплаты. Все это вынуждало сотрудников госбезопасности искать другую работу. Более 20 тыс. сотрудников КГБ уволились или были уволены с сентября 1991 г. по июнь 1992 г. Многие ушли с работы после кризиса в октябре 1993 г., в том числе и члены специальных элитных формирований по борьбе с терроризмом «Альфа» и «Вымпел». В 1992 г. Б.Н. Ельцин подписал указ о сокращении

---

¹⁸³ Об органах федеральной службы безопасности Российской Федерации: федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269.

¹⁸⁴ Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство. Очерки истории ФСБ. 2-е изд., М., :ООО«Юнайтед пресс», 2011. С. 253-257.

¹⁸⁵ См.: Там же.

137-тысячного центрального аппарата бывшего КГБ до 75 тысяч (на 46%) в ходе реструктуризации.

Новые задачи, поставленные перед структурами госбезопасности, включали борьбу с организованной преступностью и защиту государственных интересов в условиях быстрой приватизации экономики. Одним из способов получения необходимой для этого информации стало внедрение в частный бизнес. Таким образом, если аналитически еще можно провести границу между поиском нового места трудоустройства бывшими сотрудниками госбезопасности и их новыми оперативными заданиями, то практически это сделать не удастся¹⁸⁶.

С одной стороны, такой кадровый исход ослабил человеческий ресурс политической ресурсности ФСБ, с другой – увеличил представительство «силовиков»-спецслужбистов в различных сферах общественной и экономической жизни, тем самым увеличив политическую ресурсность ведомства и органично дополнив институт офицеров действующего резерва, созданный ещё в период руководства КГБ Ю.В. Андроповым и не тронутой ни одной реорганизацией.

В 1990-2000-е гг. офицеры действующего резерва приобрели ещё большее и все менее официально регламентированное влияние на экономические процессы в стране¹⁸⁷.

С политологической точки зрения, ценность представляют комментарии реорганизаций спецслужб, сделанные политическими журналистами А. Солдатовым и И. Бороган в книге «Новое дворянство. Очерки истории ФСБ»¹⁸⁸. Они видят процесс реформирования системы государственной безопасности в постсоветской России следующим образом.

Все вышеописанные перемены означали, что новая служба контрразведки, после 1995 г. получившая название ФСБ, была освобождена от функций внешней разведки, прежде выполнявшихся КГБ. Охрана российских лидеров тоже больше не входила в круг её обязанностей, секретные бункеры были исключены из её ведения и переданы под непосредственный контроль президента. ФСБ сохранила номинальное представительство только в армии.

Между тем партийный контроль над ведомством остался в прошлом. Замысел Б.Н. Ельцина заключался в том, что конкуренция между новыми спецслужбами должна стать гарантией их подконтрольности. При Б.Н. Ельцине у Службы военной разведки был прямой конкурент в лице военной разведки; ФСБ соперничала с ФАПСИ, которое занималось мониторингом социально-политической ситуации в России. Выслушав доклад директора ФСБ, Б.Н. Ельцин мог сравнить его с докладом директора ФАПСИ. ФАПСИ играло особенно важную роль, поскольку в его ведении

---

¹⁸⁶ См.: Волков В. Силовой бизнес // Огонёк. 2011. № 44 (5203).

¹⁸⁷ См.: Волков В. Силовой бизнес // Огонёк. 2011. № 44 (5203).

¹⁸⁸ См.: Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство. Очерки истории ФСБ. 2-е изд., дополн: авторизованный пер. с англ. О. Литвиновой. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.

находилась центральная электронная система подсчета голосов (ГАС «Выборы»), и, следовательно, агентство имело возможность в режиме реального времени снабжать Кремль сводками с избирательных участков.

По мере приближения В.В. Путина к вершинам власти крепили слухи о том, что Кремль планирует объединить все самостоятельные российские спецслужбы в одну.

Эти слухи начали получать подтверждение, когда руководители ельцинских спецслужб – люди, всегда агрессивно защищавшие интересы своих ведомств, – стали один за другим терять свои посты. В декабре 1998 г. был отправлен в отставку А. Старовойтов, основатель ФАПСИ. В феврале 1999-го заставили уволиться С. Алмазова, создателя налоговой полиции. А в апреле 2000 г. был вынужден покинуть свой пост В. Трубников, директор Службы внешней разведки.

В 2003 г. была ликвидирована налоговая полиция и все её офицеры были переведены в другое ведомство: они влились во вновь созданную службу по контролю за оборотом наркотиков (Госнаркоконтроль), которую возглавил В. Черкесов, бывший следователь КГБ и близкий друг В.В. Путина. Ни у налоговой полиции, ни у В. Черкесова не было ни малейшего опыта борьбы с наркодилерами. Неудивительно, что новая служба начала свою деятельность с преследования ветеринаров, использовавших кетамин, и москвичей, выращивавших на дачах декоративный мак.

Прекратил своё существование и самый могущественный в свое время соперник ФСБ – ФАПСИ: его функции были разделены между ФСБ и ФСО. ФСБ поглотила самое важное подразделение своего бывшего соперника – внешнюю радиоэлектронную разведку. ФСО, в свою очередь, получила контроль над линиями правительственной связи, аналитическими структурами и «социологическими» службами.

С приходом на президентский пост В.В. Путина ФСБ постепенно получила негласный контроль над МВД. Офицеры контрразведки заняли ключевые посты в МВД – от поста замминистра до должности главы департамента собственной безопасности. Официальным объяснением включения офицеров ФСБ в структуру МВД была необходимость укрепления дисциплины и морального духа в коррумпированных органах внутренних дел, а менее афишируемая цель – расширение влияния Федеральной службы безопасности. В конечном итоге в 2003 г. министром внутренних дел был назначен Р. Нургалиев – генерал ФСБ. Он пробыл на этом посту до 2012 г., реализовав самую масштабную в постсоветской истории России реформу органов внутренних дел, но, как отмечает нынешнее руководство МВД, далеко не самую успешную¹⁸⁹.

ФСБ была поставлена задача отслеживать настроения в армии и предотвращать назревающие протесты. В феврале 2000 г. В.В. Путин

---

¹⁸⁹ См.: *Пастухов В.Б.* Реформа МВД как сублимация политической реформы в России // *Полис.* 2010. № 10. С. 23-40.

подписал новое «Положение об управлениях ФСБ в Вооруженных Силах», расширившее функции контрразведки и наделившее её правом борьбы с организованной преступностью. Данный документ предоставлял офицерам ФСБ, прикомандированным к армейским формированиям, новые полномочия: теперь они занимались выявлением потенциальных угроз режиму.

Очевидно, что в 1991-2003 гг. имели место очевидные манипуляции правящего режима с политической ресурсностью спецслужб. Сначала, её стремились минимизировать и распылить среди ряда новообразованных силовых структур, затем стали постепенно концентрировать в рамках ФСБ и увеличивать различные составляющие – административный, финансовый, информационный, человеческий и другие ресурсы. Переломным для политической ресурсности спецслужб современной России стал приход к власти В.В. Путина. Если Б.Н. Ельцин, хотя и не ликвидировал спецслужбу, все же не использовал ее в качестве опоры власти и, следовательно, органы госбезопасности фактически оказались за бортом процесса перераспределения активов в постсоветскую эпоху¹⁹⁰, В.В. Путин сделал политическую ставку именно на ФСБ, выходящем из рядов которой является сам.

В 2004-2006 гг. реализуется ряд мероприятий по упорядочиванию структуры и усилению ФСБ и обособлению профессиональной группы её сотрудников. 11 июля 2004 г. в ФСБ сокращается число заместителей директора, департаменты переименовываются в службы. 28 августа 2006 г. В.В. Путин меняет цвет формы офицеров ФСБ, ФСО, СВР и ССО при Президенте РФ с защитного на черный. 31 января 2007 г. объявляется о значительном увеличении финансирования ФСБ при умалчивании конкретных цифр¹⁹¹.

Одним из наиболее известных недавних мероприятий по реформированию ФСБ стало инициированное в 2011 г. депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации¹⁹² внесение в законодательные акты поправок, направленных на конкретизацию статуса кадрового сотрудника ФСБ, введение дополнительных ограничений для чекистов, например, запрет иметь собственность за рубежом и

---

¹⁹⁰ См.: Путинская Россия: как создавалось новое «государство КГБ». Сегодня в России политическая власть принадлежит ФСБ, преемнице КГБ // The Economist. 2007. 24 августа. URL.: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/08/m107077.htm>

¹⁹¹ См.: *Солдатов А., Бороган И.* Новое дворянство. Очерки истории ФСБ. 2-е изд., дополн: авторизованный пер. с англ. О. Литвиновой. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. С. 256-257.

¹⁹² Авторами законопроекта выступили первый зампред комитета Госдумы по безопасности М. Гришанков и глава комитета Госдумы по делам ветеранов Н. Ковалев. Последний во второй половине 90-х как раз и возглавлял ФСБ, ставшую таковой после очередного переименования. Однако депутаты не скрывают, что результат их законотворчества согласован в соответствующих инстанциях.

ужесточение отбора для прохождения службы в органах государственной безопасности¹⁹³.

Данный шаг имеет очевидную кадровую направленность: существует точка зрения, что он призван обеспечить самоочистку рядов ФСБ от недостойных сотрудников¹⁹⁴, но объективнее придерживаться понимания этого мероприятия как усиливающего закрытость спецслужбы, формирующего касту «неодворян».

Важно понимать, что продолжительный процесс реформирования спецслужб постсоветской России так и не создал системы реального гражданского контроля над органами государственной безопасности. Не государственного, а общественного контроля, который бы положительно сказался на эффективности деятельности спецслужб. В частности, отставной сотрудник ФСБ и ученый А.Н. Жмыриков отмечает: «Там, где развито гражданское общество, представители спецслужб, наряду с другими государственными институтами, находятся под пристальным контролем не со стороны правящей номенклатуры, а со стороны рядовых налогоплательщиков. Поверьте, для работников спецслужб такой контроль не только не в тягость, но даже большое благо. Ведь при гражданском контроле спецслужбы вынуждены постоянно повышать свое профессиональное мастерство. Они обречены на решение сугубо профессиональных задач. И если они с этим справляются, то никто, подчеркиваю, никто, включая главу государства, не может их в чем-то ущемить. Я уж не говорю об увольнениях, или, того хуже, репрессиях. Там же, где гражданское общество не развито, спецслужбы находятся под контролем исключительно правящей номенклатуры»¹⁹⁵.

Проводившиеся в современной России реформы спецслужб стабильно имели политический подтекст, в большей степени влияя на политико-ресурсное, чем на функциональное измерение, не сказываясь положительно на эффективности спецслужб. Все политические реформы системы органов государственной безопасности были инициированы правящим режимом.

Также попытки реформировать ФСБ предпринимались единичными представителями этой системы, но к успеху они не привели. Борьба отдельных офицеров ФСБ за чистоту органов всегда завершалась сокрушительным поражением¹⁹⁶.

---

¹⁹³ См.: *Родин И.* ФСБ готовится к самоочистке // Независимая газета. 2011. 24 мая. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-05-24/100_fsb.html (дата обращения 25.05.2012).

¹⁹⁴ См.: *Родин И.* Реформа ФСБ напоминает крупномасштабную зачистку // Независимая газета. 2011. 06 июля URL: http://www.ng.ru/politics/2011-07-06/1_fsb.html (дата обращения: 25.05.2012).

¹⁹⁵ *Жмыриков А.* Чекисты побеждают и... проигрывают? // Еженедельное независимое аналитическое обозрение. 2004. 1 апреля. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2004/04/01/checkist/> (дата обращения 10.06.2012).

¹⁹⁶ *Литвиненко А., Фельштинский Ю.* ФСБ взрывает Россию. Нью-Йорк, 2002. С. 253.

В целом, реформы спецслужб современной России характеризуются ярко-выраженным политико-ресурсным измерением. Реформы и реорганизации отечественных спецслужб, имевшие место в постсоветский период, не имели реальной цели повышения функциональной эффективности уполномоченных органов, одновременно с этим, оказывая существенное влияние на объем политической ресурсности, сосредоточенной у спецслужб как субъектов политики, их место и роль в политической системе современной России.

Росошанский А.В.,
кандидат политических наук, доцент
НИСГУ имени Н.Г. Чернышевского

Доступ к государственной информации как индикатор политического суверенитета общества

Одним из аксиоматических признаков демократии выступает требование максимально широкого доступа граждан к государственной информации. При этом в научных и публицистических сочинениях это требование часто отождествляется с торжеством демократии и справедливости и озвучивается вне зависимости от характера информации и её предназначения. На наш взгляд, данное требование представляет собой гораздо более сложную проблему и в ряде случаев, скорее, может служить индикатором неуверенности общества в себе, в состоятельности своего политического суверенитета.

Оно действительно отражает нехватку у общества достоверной информации, но не о власти и политике, а в первую очередь о себе самом. Или, точнее, оно отражает его сомнения в достоверности той информации о себе самом, которую оно получает по самым разным каналам.

Здесь уместной будет аналогия с тем, на чем основаны современные запросы общества на максимальное законодательное регулирование всех аспектов его хозяйственной, культурной и даже политической жизни. Общество требует от государства законов. Причем таких, которые позволили бы ему ощущать себя легально существующим гражданским обществом и использовать законы в качестве доказательства своего существования тем, кто в этом существовании сомневается.

Как точно отмечает М.К. Горшков: «Острейшая потребность в соответствующих современным реалиям законах ... не только свидетельствует о необходимости дальнейшего развития процессов социальной модернизации, но и отражает сравнительную незрелость и противоречивость модернизационных процессов в социальной сфере жизни российского общества в последние десятилетия»¹⁹⁷. Это одно из следствий демократизации, понимаемой и реализуемой в либеральном духе, в режиме формального расширения гражданских возможностей людей, не всегда четко

---

¹⁹⁷ Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // Социс. 2010. №12. С.35.

осознающих, для решения каких жизненных проблем им такие гражданские возможности необходимы.

Поэтому на вечно российский вопрос «Что делать?» общество почти автоматически дает ответ, продиктованный поверхностным знакомством с либеральным опытом других стран – писать все новые законы. В этом нет движения к формированию в России полноценного гражданского общества, как эту заинтересованность общества в активном законотворчестве государства нередко интерпретируют.

Закон жизненно необходим человеку тогда, когда не работает традиционный порядок внутрисоциальных взаимодействий и когда нет веры в добрые намерения государства. В этом есть потеря общественным сознанием иных опорных точек в политическом пространстве, таких как традиции, социальные ценности, религиозные представления. Следствием становится попытка компенсировать эту потерю перманентным законотворчеством. В отношении информации предлагается обществу действовать точно таким же образом и требовать от государства: дайте нам как можно больше информации и, может быть, тогда к нам придет понимание того, кто мы и что нам дальше делать.

Это ситуация, которую можно охарактеризовать как предельную размытость общественного информационного суверенитета, которую общество пытается нейтрализовать покушением на государственный информационный суверенитет.

Требование можно понять в русле современной стратегии развития публичной политики в обществах, имеющих относительно небольшой опыт публичности и небольшой запрос на публичность. Информированность граждан о политике власти должна компенсировать отсутствие у них опыта взаимодействия с властью, организованной на неизвестных прежде общественному сознанию принципах.

Заметим, что в требование максимальной информационной открытости не включается требование сделать максимально доступной гражданам всю информацию о международной политике. Хотя именно там, как особенно зримо это показал последний экономический кризис, рождаются вызовы, риски и стратегии их преодоления, в русле которых потом может (а часто просто обязана под давлением политических и экономических партнеров и кредиторов) действовать суверенная власть в национальном государстве.

На вопрос о том, есть ли какие либо индикаторы, по которым общественное сознание могло бы определять внешнеполитическую информацию, транслируемую по тем же самым медийным каналам, что и информация внутривнутриполитическая, как более полную и достоверную, однозначно ответить нельзя. Обществу оказывается вполне достаточным знать, что существует ряд государственных институтов, ведающих вопросами внешней политики, и они действуют не в ущерб национально-государственному суверенитету. Детали не интересуют большинство патриотично настроенных граждан настолько, чтобы требовать от власти

большей открытости в вопросах внешней политики. А это указывает на то, что доверие общества к государству в вопросах информированности о внутренней политике зависит не столько от его практических действий и информации об этих действиях, направляемой обществу, сколько от того, насколько в этой информации содержится свидетельств о способности государства вести себя суверенно.

На такого рода информацию, подтверждающую суверенный статус любого из институтов государственной власти, а не политическую информацию вообще, спрос в российском обществе и других современных обществах действительно растет по мере того, как формируются глобализационные и модернизационные вызовы национально-государственному суверенитету в самых разных странах, не исключая и Россию. По мере того, как глобализация создает проблемы для суверенного действия различных государств на международной арене, происходит переориентация демонстраций государственной суверенности на политику внутреннюю.

Современные государства получают дополнительный стимул к позиционированию себя в глазах общества и партнеров по международной политике в качестве субъектов социальной политики. Государства публично заявляют о своей «социальной направленности», проблемы социальной политики становятся тем стержнем, вокруг которого строится и вся информационная сфера. Именно социальный вектор деятельности государства определяет повестку коммуникаций между властью и обществом. Власть становится суверенной в той мере, в какой она оказывается подчиненной общественному интересу. Вероятно так может выглядеть одно из объяснений парадокса, в результате которого не получила дальнейшего развития официальная идеологическая заявка на «суверенную демократию».

На наш взгляд, общество обладает информацией о власти, которая является в большинстве случаев более достоверной, чем информация власти об обществе. Причиной является отсутствие механизмов как правовых, так и технических, способных обеспечить власти, ограничивающей себя рамками демократических норм, сбор и проверку информации об обществе. Отсюда и специфические свойства у «официальной статистики», которые позволяют обществу использовать эту информацию для формулирования своих заявок власти гораздо четче, чем это может сделать власть в отношении общества.

Фактически по наполнению современных информационных потоков всегда легче определить - что общество хочет и ждет от власти, чем то, что власть хочет и ждет от общества. Невнятность позиции власти в данном вопросе в большинстве случаев интерпретируется массовым сознанием (при содействии СМИ) как свидетельство того, что власть обществу не доверяет и боится его. Это впечатление объективно работает против легитимности власти и в пользу распространения в массовом сознании представлений, что

именно постоянное и достаточно агрессивное предъявление власти претензий со стороны общества есть оптимальная форма демократического процесса.

Обладание информационным суверенитетом вследствие больших возможностей обладания достоверной политической информацией позволяет обществу, таким образом, отождествлять этот информационный суверенитет с суверенитетом политическим. При этом отдавать предпочтение тем трактовкам сущности гражданского общества, которые подразумевают конфронтационный стиль взаимодействия с политической властью, выработку обществом механизмов и принципов участия граждан в политической жизни собственного государства, альтернативных официальным.

Информационный суверенитет общества начинает сегодня все более определять характеристики политического суверенитета государства. Государство, которое не в состоянии внятно объяснить с обществом и объяснить мировому сообществу, что в нем происходит в плане внутрисоциальных и политических конфликтов оказывается в невыгодной для себя позиции в международных отношениях. Это приводит к тому, что открываются широкие возможности для «мирового сообщества» ссылаясь на «нелегитимность» и «недееспособность» власти в данном государстве оправдать свое внешнее вмешательство в его внутренние дела.

Скорее всего, 2011 и 2012 годы войдут, в этом смысле, в мировую историю как знаковые для европейской традиции межгосударственных отношений. Потому, что сегодня, в условиях глобального экономического и политического кризиса, уже нельзя точно определить, какое именно государство осуществляет покушение на политический, экономический и правовой суверенитет другого государства, хотя факты таких покушений одних государств, входящих в «зону евро», в отношении точно таких же государств, налицо.

Одновременно от имени «мирового сообщества» и с использованием институтов ООН государственным элитам разных стран в Восточной Европе и в Центральной и Северной Африке, на Ближнем Востоке постоянно диктуются экономические, правовые и политические условия, только при безоговорочном исполнении которых, эти элиты смогут и дальше сохранять свой суверенитет и свою дееспособность в международных делах.

Фактически, речь идет не только о формальных аспектах проблемы суверенитета. Обнаруживается тенденция к тому, что откуда-то извне национально-государственного пространства, посредством апелляции даже не международному праву как таковому, а к интересам отдельных международных организаций и интересам доминирующих в них государств и политических союзов, к «мнению мирового сообщества», к «гуманитарным ценностям», к «источникам неофициальной информации», происходит определение легитимности и нелегитимности различных систем

государственной власти в мире. Более того, определяется их право на физическое существование.

Эта практика определения судьбы наций и их государств извне, многократно и успешно повторенная в последние годы применительно к странам, расположенным на разных континентах, и не встречающая принципиальных возражений у этого самого «мирового сообщества», все больше приобретает вид базовой политической технологии управления политическим участием национальных государств как таковым.

Причем, как показывает практика, одним из оснований этой технологии становится информационный поток, искусственно конструируемый под решение конкретной задачи – дискредитацию политического и правового суверенитета конкретного государства. В результате чего оно позиционируется моральным изгоем в системе международных отношений даже несмотря на то, что в его формально-правовом статусе ничего не изменяется.

Под эту технологию активно подводится и управление экономическими процессами. Только функция «мирового сообщества», от имени которого разные государства вторгаются в политический суверенитет своих соседей, здесь передана различным международным рейтинговым агентствам.

Формально, эти структуры никакого самостоятельного политического значения не имеют. Но, важным обстоятельством является то, что, фактически, они обладают всей полнотой информационного суверенитета в отношении судьбы современных государств, поскольку последние связаны взаимными обязательствами предоставлять этим агентствам максимально достоверную информацию о положении собственных дел.

Получается так, что уже не политические структуры, оговоренные международными соглашениями, а некие «экспертные сообщества», обладающие «информационным суверенитетом» и собственными коммерческими интересами, определяют, какая из стран вправе проводить самостоятельную политику, а какая нуждается во внешней помощи и опеке. Они определяют, политическая элита каких государств ведет правильную политику и потому должна быть признана легитимной, а какой элите, а иногда и целому сообществу (соответственно и их партнерам по политике и экономике) лучше в доверии отказать.

Сегодня не только судьба Греции или Венгрии, Португалии и Испании, но даже таких «тяжеловесов» европейской политики как Франция и Германия, Италия решаются в режиме информационной политики, у руля которой находятся рейтинговые агентства и СМИ, пользующиеся их информацией. Политика, в полном смысле, все более очевидно из потока политических и правовых, экономических и социальных решений преобразуется в информационный поток, обеспечивающий тот самый кризис классического политического суверенитета.

Кризис «политической классики» прослеживается, на наш взгляд, в том, что в этом информационном потоке растворяется то, что прежде назвалось «политическим интересом» и «политическим решением». Решения принимаются уже не в соответствии с суверенными намерениями и интересами действующих государственных элит, а в соответствии с определенным образом понятой информационной ситуацией, контроль над которой уже находится вне зоны компетенции государственной элиты.

Трудно определить даже то, проявляется ли в конкретной политической ситуации определенный политический интерес. Сейчас трудно сказать, например, кто из государств и частных инвесторов, например, и по каким интересам стремится помочь преодолению системного кризиса греческой республики, хотя в Европе немало стран с аналогичными проблемами.

Единственно, что можно предположить, это то, что «информационный суверенитет» негосударственных и неполитических субъектов международной политики, различных рейтинговых агентств, в первую очередь, позволил превратить греческую проблему в некий «оселок», на котором сегодня самые разные государства проверяются на готовность элит, управляющих ими, играть по правилам, навязанным извне, демонстрировать лояльность тем оценкам их политической состоятельности, повлиять на которые они практически не могут.

У этой проблемы есть и внутренний план. «Информационный суверенитет» позволяет институтам гражданского общества или силам, наделяющим себя правом говорить от лица большинства граждан апеллировать прямо через голову институтов собственного государства к мнению «мирового сообщества» и добиваться от своего государства решения своих проблем в том виде, на который данное государство самостоятельно никогда бы не пошло.

С одной стороны, в этой ситуации заметно ускоряется прогресс гражданских отношений. Но, с другой стороны, мы получаем тот самый кризис национально государственного суверенитета и политического суверенитета вообще, который политологи чаще всего по его природе ассоциируют с глобализацией.

С позиции «информационного суверенитета» можно представить, насколько природа этого кризиса, кроме фактора глобализации, предопределена саморазвитием современных социально-политических систем, возрастанием общей рискогенности современных цивилизационных процессов. Или же, насколько связаны между собой эти факторы и какими могут быть последствия этой связи для социально-политических систем. Не случайно исследователи отмечают, что «глобализация рисков, ставящая любое общество вне зависимости от его принадлежности к развитым или развивающимся в состояние постоянной угрозы, требует не только институциональной космополитизации (создания системы межгосударственных механизмов урегулирования данных рисков), но и

формирования новых форм мышления, постановки проблем и поисков решений»¹⁹⁸.

По другую сторону того «информационного фронта», на котором решается судьба политического суверенитета государства в условиях «информационной гражданской войны», оказываются те, кто против такого сценария политического будущего. К ним относятся те, для кого «идея государства» в ее классическом понимании восходит к идеологическому (консервативному, либеральному и социалистическому) и практическому (революционному и реформаторскому) опыту цивилизованных стран и народов в XIX и XX столетиях.

На наш взгляд, их позиция представляется наиболее естественным ценностным ориентиром при создании собственной гражданской идентичности сегодня. Для этой части граждан не очень понятна выгода, которую политический процесс может получить, если сделать его главным фактором информации. Информация, при всех своих преимуществах, не способна сама по себе обеспечить решение достаточно широкого круга повседневных проблем коммунального и социально-защитного порядка, которыми обременено самое «продвинутое» в информационном отношении общество.

Поскольку в современном мире информация становится одним из ключевых структурных элементов не только в процессах легитимации политики, но и в процессах ее деструкции, то существенно возрастает потенциал информационных угроз для суверенитета любого политического субъекта (рядового гражданина тоже, что не всегда учитывают борцы за абсолютную свободу доступа граждан к информации).

Иначе говоря, в насыщенном разнородной информацией политическом процессе любого уровня и направленности (модернизация, стабилизация и т.д.) гражданин постоянно оказывается в достаточно жестких условиях выбора. Он постоянно должен решать, стоит ли доверять действующим институтам государства на основании реальных дел, которым он сам является очевидцем, но которые не всегда адекватны (в лучшую или худшую сторону) генеральной линии (политической стратегии и тактике) поведения этих институтов в политическом процессе. Или же он должен ориентироваться в вынесении своей оценки дееспособности данных институтов на максимально широкий спектр сведений, которые он получает из разнообразных источников, от компетентных экспертов. Он, вроде бы, даже может сопоставить эти сведения и попытаться найти «золотую середину». Но он никогда не может быть уверен в добросовестности и политической неангажированности своих информаторов. В том числе и в том, что разнообразие информации не является следствием информационной атаки, предпринятой оппозиционными данному государству внутренними и

---

¹⁹⁸ Устьянцев В.Б., Аникин Д.А. Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации // Философия и общество. 2011. №4. С.59-60.

внешними силами, а сам он, соответственно, не стал жертвой информационной войны.

А это значит, что у гражданина, выносящего оценку легитимности власти на основании максимума полученной информации превратное представление о ней может сложиться с той же вероятностью, с какой и правильное. В этой ситуации тот поток информации, который обрушивают на него СМИ, гражданин начинает воспринимать как покушение на свой индивидуальный (гражданский) информационный суверенитет, на право обладать именно той информацией и именно в том объеме, который ему нужен для уверенного принятия политических решений.

Избыточные объемы информации, порождающие у гражданина дополнительные сомнения, становятся для этого существенной помехой. Информированность становится источником сомнений гражданина в его лояльности существующему политическому порядку. Соответственно, в самом социуме образуется устойчивый слой граждан, поддерживающих стремление государства контролировать информацию на максимально доступном ему уровне. Такая поддержка, следует добавить, вполне согласуется с их опасениями пострадать от неконтролируемого движения информационных потоков (личная жизнь, бизнес, моральные и религиозные ориентации). Именно апелляция к мнению этого слоя граждан позволяет государственной элите ощущать легитимность своих усилий по выстраиванию информационной политики в русле своих интересов, осознанных как интересы государства.

Считать ли слой граждан, чья позиция легитимирует позицию государства в информационной политике, многочисленным, или малочисленным, это вопрос трудный. Нам не удалось обнаружить специальных исследований, социологического характера, в которых бы, например, анализировалась структура и масштабы общественных фобий в отношении политической информации, поступающей по официальным и неофициальным каналам. Социологи сегодня больше внимания уделяют выявлению ценностных ориентаций граждан в политике безотносительно к вопросу об их происхождении. Хотя очевидно, что эти ценностные ориентации не возникают сами по себе и нетрудно предположить их источник.

В модернизирующемся обществе таким источником всегда служит столкновение информационных потоков. Одни из этих потоков идут из глубины самих общественных структур и несут информацию о ценностях, благодаря ориентации на которые общество выживало в прошлых сложных политических ситуациях. Другие информационные потоки, несущие информацию о тех ценностях, без которых социум не сможет развиваться в будущем, создаются политическими институтами, заинтересованными в модернизации. А то, каким образом это столкновение информационных потоков выглядит в реальном политическом процессе, насколько оно заряжено конструктивным, или же деструктивным потенциалом, все это

прямо зависит от институционального дизайна медийного поля, от того, какие СМИ, в каком количестве, с какой технической вооруженностью, финансовой поддержкой и идеологической ориентированностью действуют в данном конкретном государстве.

Таким образом, введение в политологический научный оборот понятия «информационный суверенитет» позволяет сформировать исследовательский ракурс, существенно дополняющий аналитические возможности тех ракурсов изучения проблем, механизмов и тенденций развития информационного поля политики, которые к настоящему моменту уже устоялись в политической науке.

Этот новый ракурс позволяет исследователю преодолевать некоторые принципиальные противоречия в суждениях о роли информации в процессах глобализации и информатизации, возникающие вследствие того, что само представление исследователей о суверенитете часто ограничивается классическими рамками теории государственной политики и не учитывает обострение конкуренции за политический суверенитет между иными, часто противостоящими государству и даже сотрудничающими с ним, субъектами политики, между различными структурами внутри самих государства и общества.

В предлагаемом ракурсе отчетливее видятся причины, масштабы и перспективы превращения информации в современных социально-политических системах, пользуясь терминологией геополитики) в некую разновидность «мягкой силы». То есть, превращение ее в основу готовности политических субъектов признавать наиболее значимыми для реализации своих интересов те институты, формы, принципы, которые помогают им адаптироваться к возрастающим потокам различной информации, а не только те, значимость которых подтверждена историей.

Появляется возможность представить во всей полноте эту самую «мягкую силу», которая никого и ни к чему не обязывает, не принуждает, не создает катастрофических угроз, но шаг за шагом отклоняет вектор развития современной цивилизации все дальше от той стратегической линии, в рамках которой в минувшие столетия эта цивилизация сформировалась. Информация превращается в мягкую силу, а ее «суверенные» обладатели в уже не в четвертую, а в первую политическую власть в современном мире, в силу, способную менять президентов, создавать новые политические режимы, и даже уничтожать государства созданием информационных поводов для военной агрессии.

Симбирцева М.Д.
студентка-бакалавр НИСГУ
имени Н.Г. Чернышевского

Возможные варианты социополитической динамики в условиях несменяемости власти.

Одна из самых актуальных проблем, исследуемых в рамках любой реальности, является проблема прогнозирования. Сегодня многие исследователи пытаются проанализировать процесс развития России, начиная с 2000 г., и, в соответствии с собственными методами, дать свой прогноз в отношении будущего страны.

Данная проблема приобрела особую динамику в связи с выборами 4 декабря 2011г. и 4 марта 2012г., а также реакцией российских граждан на их результаты.

На наш взгляд, одним из центральных вопросов является следующий: к чему приведёт несменяемость власти в России. Однако, чтобы аргументировать, предлагаемые нами варианты прогноза, необходимо дать анализ развития российского государства за последние 12 лет.

Обозначенный период времени можно оценить весьма неоднозначно. С нашей точки зрения, можно выделить несколько основных особенностей:

- С одной стороны, удалось установить демократический строй. Это утверждение спорно. Но отрицать его формальную сторону было бы неверно. Россия за последнее время доказала, что может претендовать на звание страны демократической, не смотря на все организационные недостатки, свойственные нашей стране в принципе при любом государственном устройстве.

- С другой стороны, отсутствует сменяемость власти. Причем, она отсутствует даже формально: одна и та же политическая сила, один и тот же политический лидер.

Есть 2 причины, по которым мы не будем давать положительную или отрицательную оценку этим положениям:

- Менталитет. Его исследованием занимались и продолжают заниматься учёные в разных сферах.

- Специфичность развития страны.

В свое время, подогнав под стандарты Европы и Америки конституцию, мы до сих пор не можем подогнать под эти стандарты государство. Именно поэтому вопрос: что же будет? - стоит так остро. В демократическом государстве такая ситуация может привести к политическому кризису, застою, революции, гражданской войне.

В.В.Путин находился на посту Президента 8 лет, и ещё 4 - на посту Председателя Правительства. Конечно, мы говорим именно об этом человеке. Но переходить на личности нам не хотелось бы по той простой причине, что мы не собираемся ни хвалить, ни ругать его. Наоборот, хотелось бы немного абстрагироваться от его персоны.

Один из вариантов состоит в том, что могут начаться массовые протесты. На наш взгляд, это наименее вероятный исход событий. Однако, из выступления американских научных сотрудников видно, что они не отрицают возможности революции в России. «Душой этого движения стала городская молодежь среднего класса», что дает революции в России «равные шансы на успех, как и всем успешным революциям современности. Одна из основных особенностей процесса политизации российского среднего класса – это «персонализация свободы», полагает Арон. В России, по мнению

эксперта, выросло новое поколение, «познавшее вкус свободы и потому высоко ценящее свою личную свободу»¹⁹⁹.

Было сделано достаточно много, чтобы легитимировать выборы и власть, которая будет управлять страной в последующие 6 лет, то есть власть В.В.Путина. Митинги за «честные выборы» начались ещё после избрания Государственной Думы РФ. Однако, невозможно сделать легитимным процесс, о нелегальности которого пишут и говорят и граждане, и СМИ. Например, перед выборами в ГД, на портале «7x7 новости, мнения, блоги» сообщается о принуждении жителей Рязани голосовать за ЕР. «Всех студентов Рязанского базового медицинского колледжа заставляют брать открепительные удостоверения и голосовать по месту учебы. В случае, если учащиеся не будут голосовать по месту учебы, руководство колледжа грозит сделать «определенные выводы»²⁰⁰.

Возвращаясь к теме митингов, массовых протестов и революции, отметим, что скептическое отношение к такому развитию событий носит вполне обоснованный характер. Прошедшие митинги – это, на наш взгляд, отвлечение людей от более важных социальных и политических вопросов, поэтому на них и выделяются немалые средства. И, скорее всего, ещё отчасти монархизированный народ России, не дошедший до апогея своей агрессивности, вряд ли будет затевать революцию в полном смысле этого слова. По мнению некоторых специалистов переворот уже произошел. Так, например, М. Барщевский – полномочный представитель правительства РФ в высших судебных инстанциях – в одном из эфиров радио «Эхо Москвы» сказал, что произошла «ментальная революция».

«Произошла другая важная вещь – произошла ментальная революция, реальная ментальная революция. Потому что часть населения, которая считала, что от них ничего не зависит, поняла, что от них зависит. В серьезной политике увидели возможность, реальную возможность бороться за власть и влиять на общественное мнение. Интернет, , если не перебил, то сравнялся с телевидением по силе влияния. Ну, все-таки, 60 миллионов особых пользователей».²⁰¹

Политический застой – ещё один возможный результат. В течение последних 12 лет не менялся курс внутренней политики. 12 лет одна и та же политическая сила находится у власти. На наш взгляд это и есть политический спад. Отсутствие качественно новых методов и подходов в управлении страной может привести к дефициту действенных реформ, как на уровне политики, так и на уровне экономики, социальной жизни и в других сферах деятельности общества. Хотя ЕР старается создать видимость

---

¹⁹⁹ - Ф.Тлисова. «Россия и революция. Аналитики Гудзоновского института предсказали России скорый «крах путинизма».
<http://www.voanews.com/russian/news/Russia-and-Revolution-141829143.html>.

²⁰⁰ - «7x7 новости, мнения, блоги». Рязанская область. <http://7x7-journal.ru/item/15871>. Дата обращения 20.02.12.

²⁰¹ Эхо Москвы. Особое мнение. <http://echo.msk.ru/programs/personalno/836374-echo/#element-text>. Дата обращения 17.02. 12.

«обновления». «Единая Россия» единственная из всех партий ввела институт праймериз. Именно эта партия стала создавать районные и местные отделения. У «Единой России» работают приемные, в которые обращаются люди. Партия власти не игнорирует муниципальные выборы. И теперь очередное обновление — Народный Фронт. Своеобразный ребрендинг, вливание новых людей и новых идей. Без перемен нет движения. Поэтому когда говорят о политическом застое, можно согласиться, что он действительно есть, но не в ЕР, а в рядах оппозиции.»²⁰²

Такой взгляд на ЕР существенно отличается от сегодняшних настроений. Но он подтверждает наличие застоя в политике. Противоположное мнение высказал В. Овчинский, доктор исторических наук. «После президентских выборов выгодный баланс для Путина — правое правительство во главе с Дмитрием Медведевым и полевевшая Дума. Этот баланс особенно необходим Путину в международных отношениях, учитывая «любовь» к нему целого ряда европейских и американских политиков. Мы входим в полосу реальной политики. Она может обернуться и трагически, и конструктивно — оптимистически. Но застоя, о котором говорят многие политологи, явно не предвидится»²⁰³.

Возможность внутривластного кризиса кажется также вполне реальной. В чем он может проявиться в России? Например, политический кризис на Украине 2006-2007 гг. заключался в том, что премьер-министр В. Янукович захотел расширить свои полномочия, ограничив при этом власть президента В. Ющенко. Такая внутривластная депрессия выражается в невозможности договориться и согласовать свои действия между политическими силами. А это приводит к затрудненному проведению различных процедур, таких как законотворчество, а также ослабляет государственный контроль.

Возможно, этот кризис уже наступил, как утверждает политик В. Рыжков. «Цепляясь за власть, Путин и его коррумпированный клан уже привели Россию к полномасштабному кризису доверия, кризису управления, политическому кризису. Обществу нужно сделать все возможное, чтобы этот рукотворный кризис не привел к краху страны»²⁰⁴.

Власть одного. Что будет дальше? На наш взгляд, к чему бы эта власть ни привела, она точно не будет способствовать эффективному развитию страны. Политический застой заметен уже не только аналитикам, но и простым гражданам. Возможно, российское общество что-нибудь и предпримет. Возможно, активизируются и новые политические силы. Загнав

---

²⁰² Артем Мурзаков. « Политический застой не в «Единой России», а в оппозиции». <http://blog.fontanka.ru/posts/74642/> Дата обращения 17.04.12.

²⁰³ В. Овчинский. Политического застоя в России не будет. <http://www.echo.msk.ru/blog/vso/815024-echo/>. Дата обращения 26.02.12.

²⁰⁴ - В. Рыжков. 2012 год станет годом системного политического кризиса. <http://www.echo.msk.ru/blog/rizhkov/841141-echo/>. Дата обращения. 03. 03.12.

Россию в подобное состояние, нужно опасаться реакции. Наши политические деятели сегодня не готовы к такого рода реакциям со стороны народа.

Титерин О.О.,
магистрант НИСГУ
имени Н.Г.Чернышевского

Концепция информационной войны, её теоретическое обоснование и современное состояние.

На наш взгляд, актуальность исследования концепции информационных войн, и как следствие, концепции информационной безопасности Российской Федерации, носит не только теоретический, но и прикладной характер, и заключается в нескольких ключевых положениях:

- возрастание места и роли информационных технологий в политической жизни общества, в том числе на международном уровне и, следовательно, необходимости глубокого анализа взаимодействия классических институтов и механизмов осуществления политической деятельности и новых, инновационных, опирающихся на ультрасовременные прикладные технологии.

- создание и развитие механизмов и концепций осуществления информационной агрессии одних стран по отношению к другим, что, во многом, влечёт за собой дестабилизацию мировой политической системы

- устаревание существующей концепции информационной безопасности РФ, датированной 2000 годом, что приводит нас к необходимости пересмотра ключевых положений концепции, проведению анализа сложившейся сферы информационных политических взаимодействий

Современное общество можно характеризовать распространением информации во всех сферах, в которых осуществляет деятельность человек. С одной стороны это благотворно влияет на своевременный обмен мнениями, распространение разных культур, унификацию некоторых частей жизни в разных точках планеты, нет больше необходимости посылать гонца, чтобы начать или закончить боевые действия, и есть возможность своевременно решать вопросы, которые не требуют отлагательств. Но есть и обратная сторона распространения информационной сферы, которая на данный момент охватывает все страны и все национальности.

Понятие информационная война и информационная агрессия стали достоянием общественности сравнительно недавно²⁰⁵, но они являются частью деятельности политиков, специалистов в области информационных технологий, специалистов в области международных отношений и во многих других. В первую очередь, под информационной войной понимают

---

²⁰⁵ Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая информационно-психологическая война. М.: Академия социальных наук, 1999.

распространение определенной информации, исходящее от одного государства или круга лиц, и направленное на население другого государства. При этом, если в сравнительно недавнем прошлом наиболее часто информационному воздействию поддавались военные, стоит вспомнить пропагандистскую машину Германии во время Великой Отечественной Войны, деятельность которой была направлена на солдат советской армии, то сейчас, основным объектом информационного воздействия является мирное население. На наш взгляд, это в первую очередь, связано с уменьшением значимости вооруженных конфликтов и увеличением значимости контроля общественного мнения противоборствующей стороны. Гораздо выгоднее провести информационную операцию, направить правильным образом активность, в том числе и политическую, гражданского населения, чем проводить вооруженную операцию, подвергая опасности своих же сограждан.

Под информационными технологиями, мы понимаем любые процессы, связанные с передачей, копированием, распространением, видоизменением и другими процессами, осуществляемыми над информацией. Таким образом, современные средства массовой информации являются неотъемлемой частью информационных технологий.

Термин, который наиболее часто используется политологами и специалистами по информационной безопасности любых уровней это – «информационно - психологическая война» . Он был заимствован из словесного лексикона военных кругов Соединенных Штатов Америки. Синонимичным ему является понятие «информационное противоборство». В последнее время все чаще опускается слово «психологическая», на наш взгляд, это в первую очередь связано с выходом за пределы психологического воздействия на объект информационной агрессии. Также в современных исследованиях все чаще встречается понятие «психологическая война»²⁰⁶, как отдельное психологическое воздействие на разные типы населения другого государства, с целью достижения военных или политических целей.

Информационная война, это в первую очередь действия, которые осуществляет субъект и которые можно охарактеризовать как нанесение ущерба информации, информационным системам противника или его информационным процессам, с целью достижения информационного превосходства, а также защиты собственных информационных рубежей, собственной информации, в общем, информационных систем и процессов в частности.

Политическое манипулирование и идеологическая обработка населения, как составные части информационного противостояния в ходе «информационной войны», получают особенно широкое распространение в условиях идейно-политических кризисов, дезинтеграции всех сторон

---

²⁰⁶ Панарин И. Н. Информационная война и дипломатия. — Издательство «Городец», 2004. — 528 с.

общественной жизни и связанной с ними социальной дезориентации человека²⁰⁷. Иными словами, речь идет о ситуации, когда нет реальной картины происходящего, когда отсутствуют обоснованные и убедительные аргументы для проводимого курса.

Современность можно охарактеризовать проникновением информационных взаимодействий во все сферы общественной жизни. После окончания Холодной войны, западные специалисты в области информационных технологий начинают активно создавать концепцию осуществления «информационно – психологических операций», которая находит свое применение совместно с военизированными операциями:

- информационная агрессия предшествует военной. Данный вид взаимодействия носит характер подготовки общественного мнения страны - объекта и международной общественности, создание ореола справедливости и необходимости военной операции.

- информационная агрессия после военной. Данный тип взаимодействия необходим для идеологического закрепления полученных в ходе военного вмешательства результатов. Чаще всего используется в случаях, когда существует необходимость неожиданного военного вмешательства

- информационная агрессия заменяет военную. С точки зрения этической составляющей, наиболее перспективный вариант, нет необходимости рисковать своими силами, и подвергать опасности население страны- объекта²⁰⁸. Существуют возможности ненасильственного изменения политического режима или смены правящей верхушки. Активно используется с 2007 года, так называемые «оранжевые революции» и «революции роз». Экономически целесообразный вариант, так как затраты на информационное воздействие гораздо ниже чем затраты, которые могли пойти на вооруженную интервенцию.

Последний тип взаимодействия, когда вместо ввода войск на территорию того или иного государства используется воздействие на психологию масс страны – объекта, на наш взгляд будет использован наиболее часто в ближайшие 20 лет, это во многом связано с перспективностью бескровной смены власти в государстве, и реализации интересов страны - субъекта, на территории страны - объекта без использования дорогостоящих военных операций.

Примером разных типов баланса между психолого - информационными операциями и операциями с использованием военных сил можно назвать операции, которые проводит Министерство обороны, совместно с Министерством иностранных дел США, например в Ираке, и Иране. В частности, производятся прямые выплаты на производство политических

---

²⁰⁷ *Рогачев С.В.* Российский электорат: проблемы выбора и участия. М., 2004. – С. 520.

²⁰⁸ *Власенко И.С., Кирьянов М.В.* Информационная война: искажение реальности - ИД «Канцлер», 2011. – 196 с.

материалов, некоторых телевизионных развлекательных программ, новостей, социальной рекламы для Иракских и Иранских СМИ. Это необходимо для привлечения рядового населения этих стран на сторону Западного сообщества, в противовес собственному правительству²⁰⁹.

Одним из ярчайших примеров информационной борьбы на международном уровне можно назвать конфликт Палестины и Израиля, в который втянуто не только европейское сообщество, но и вся мировая общественность. Конфликт, плавно перетекая из вооруженной стадии в информационную и обратно, длится уже несколько десятилетий. Стороны противостояния активно используют широкий круг информационных средств воздействия не только на население друг друга, но и на международную общественность. Политическая пресса, интернет, радио и телевидение, как со стороны Израиля, так и со стороны Палестины эксплуатируются с целью создать необходимое подспорье военным действиям и привлечению на свою сторону тех или иных стран, для решения проблемных вопросов на международном уровне, мирными средствами.

В последние несколько лет обеими сторонами в конфликте используются новые технологии, включающие в информационную сферу агрессии сеть Интернет²¹⁰. Деятельность хакерских группировок, направленная на дискредитацию сайтов противоборствующих сторон, распространение дезинформации, информационные «бомбы», атаки на сайты политических партий и министерств, действия, направленные на создание информационных поводов сомнительной достоверности, все это можно характеризовать как новый тип террористических атак - информационный. В частности, можно привести пример деятельности израильской организации хакеров «Еврейские силы интернет обороны», которая осуществила ряд акций в социальных сетях, одна из самых известных, это блокировка интернет-сообщества «Израиль-не страна», которое насчитывало 45 тысяч пользователей. Также можно отметить деятельность группы хакеров из Израиля, с названием «Gilad Team», которая взломала порядка 15 палестинских сайтов и осуществила «дефейс» - разместила на главной странице каждого израильский флаг и надпись «Взломано!». В ответ на деятельность израильских хакеров, палестинское интернет - сообщество осуществило операцию «Литой свинец», в ходе которой был осуществлен взлом нескольких тысяч израильских сайтов, в том числе международных.

В современных информационных войнах важное место занимает процесс создания информационных поводов, завязанных на попытках интервенции и дальнейшей их эксплуатации. В частности, в ходе гражданской войны в Анголе в 1988 году одним из таких информационных поводов был сбитый южноафриканский истребитель - бомбардировщик,

---

²⁰⁹ Волконский Н. Л. История информационных войн: т. 1 (с древнейших времён по XIX век), т. 2 (XX век) / под ред. И. Петрова. — СПб.: Полигон, 2003. — т. 2—736 с.

²¹⁰ Власенко И.С., Кирьянов М.В. Информационная война: искажение реальности - ИД «Канцлер», 2011. — 196 с.

сбитый войсками Кубы, в последствие, его обломки не раз выдавались за другие самолеты²¹¹. Аналогичные события предшествовали военной агрессии Грузии по отношению к России, поводом для которой послужил якобы сбитый Грузинскими ПВО самолет-разведчик²¹².

В современном обществе неуклонно возрастает место и роль информационной сферы в процессах осуществления политической активности. Информационные технологии в политической жизни общества, как международной, так и внутригосударственной преобразовывают существующие институты и создают принципиально новые. Исходя из этого, необходимо отметить тенденцию к применению информационной агрессии одних стран, в большинстве случаев, более развитых, к другим, что влечет за собой дестабилизацию внешне государственной обстановки, международных отношений, и затрагивает не только политическую сферу, но и экономическую, социальную и психологическую. На наш взгляд, существует острая необходимость анализа сложившихся институтов и концепций в области информационных политических технологий, в общем, и проявлений информационной агрессии в частности, в том числе и по отношению к Российской Федерации. Существующая концепция в рамках доктрины информационной безопасности России датируется 2000 годом, что во многом неприемлемо, из-за угрозы национальной безопасности государства, необходимо пересмотреть ряд ключевых положений, дополнить их рассмотреть механизм их реализации.

---

²¹¹ *Панарин И. Н.* Информационная война и дипломатия. — Издательство «Городец», 2004. — 528 с.

²¹² *Алленова. О.* «Мы не верили, что русские введут танки» (Глава грузинского МВД проанализировал войну с Россией)/Газета «Коммерсантъ» ,№ 197 (4014) от 29.10.2008

Содержание

Борисова М.К.	Цикличность общественного развития и специфика политической модернизации в современной России	4
Вестов А.Ф., Луценко О.А.	К вопросу о понятии и содержании уголовной политики современной России	11
Вестов Ф.А., Гормаш А.М.	Некоторые проблемы реализации политики правового государства в борьбе с преступностью в экономической сфере	18
Головченко В.И., Головченко А.В.	Преемственность и инновации идеологического основания политической партии «Правое дело».	29
Дорофеев В.И.	Экстремизм молодёжи в современной России: мифы и реальность	38
Емельянов И.В.	Россия: путь к демократии и плюрализму.	49
Жумикова Ю.Г.	Особенности восприятия пионерской организации российской молодёжью (анализ результатов социологического опроса).	54
Зевако Ю.В.	Ресурс «совескости» в контексте формирования идентичности в государствах постсоветского пространства.	61
Петров Д.Е.	Реформы спецслужб современной России в политико-ресурсном измерении	80
Росошанский А.В.	Доступ к государственной информации как индикатор политического суверенитета общества.	90
Симбирцева М.Д.		98
Титерин О.О.	сионной войны, её теоретическое обоснование и	102

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
КАФЕДРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Выпуск 17

--

Подписано в печать 28.06.2012.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная
Усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательский центр «Наука»
Типография АВП «Саратовский источник»
Лиц. ПД №7-0014 от 29 мая 2000г.